

Макс Вебер

Труды

ПРОТЕСТАНТСКИЕ СЕКТЫ И ДУХ КАПИТАЛИЗМА
ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ
ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ
"ОБЪЕКТИВНОСТЬ" СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹
ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ¹ СОЦИОЛОГИИ

Макс Вебер

ПРОТЕСТАНТСКИЕ СЕКТЫ И ДУХ КАПИТАЛИЗМА¹

В Соединенных Штатах Америки с давних пор утверждён принцип "отделения церкви от государства". Принцип этот проводится столь строго, что отсутствует даже официальная статистика вероисповеданий, ибо обращение к гражданам с вопросом об их конфессиональной принадлежности явилось бы нарушением закона. Мы не будем здесь касаться практического значения этого принципа для положения церковных общин и их отношения к государственной власти². Нас больше всего интересует то обстоятельство, что в США ещё около двух с половиной десятилетий тому назад количество "не принадлежавших к определённому вероисповеданию людей" составляло, несмотря на огромный приток иммигрантов, лишь 6% (приблизительно), и это при полном игнорировании со стороны государства конфессиональной принадлежности граждан, при отсутствии всех тех весьма существенных преимуществ, которые в большинстве европейских государств того времени обеспечивала принадлежность к определённым привилегированным церквам³.

К тому же следует иметь в виду, что в Соединенных Штатах Америки принадлежность к какой-либо церковной общине была сопряжена с несравненно большими материальными затратами (особенно тяжёлыми для людей небольшого достатка), чем где бы то ни было у нас*. Доказательством этого служат опубликованные книги домашних расходов: мне лично известна, в частности, одна община в городе близ озера Эри, состоящая почти целиком из переселившихся в Америку немецких рабочих-деревоб-

[273]

делочников низкой квалификации, чьи регулярные расходы на церковные нужды составляли при среднем годовом заработке в 1 тыс. долл. почти 80 долл. в год. Совершенно очевидно, что в Германии даже неизмеримо меньшие требования имели бы своим последствием массовый выход из церкви. Но даже независимо от этого каждому, кто посещал Соединённые Штаты 15-20 лет тому назад*, до начала последней стремительной европеизации этой страны, бросалась в глаза интенсивная церковность, господствовавшая повсюду, где ещё не было бурного притока европейских иммигрантов⁴. Церковность была раньше значительно сильнее и ярче выражена, чем в последние десятилетия, о чем свидетельствуют путевые заметки более раннего периода. Нас здесь прежде всего интересует одна сторона этого явления. Даже в Бруклине, который ныне входит в границы Нью-Йорка, но вплоть до недавнего времени ещё в большей степени сохранял старые традиции, а тем более в других, менее подвергшихся влиянию иммиграции местах, едва ли не в прошлом поколении каждому незнакомому дотоле деловому человеку, стремившемуся завязать определённые отношения, незаметно и как бы мимоходом, но отнюдь не случайно, задавался вопрос: "To what church do you belong?"** Вопрос этот задавался с такой же неизменностью, с какой ещё четверть века тому назад жителя континентальной Европы за воскресным табльдотом в типично шотландском обществе одна из присутствующих дам неизменно спрашивала: "What service did you attend today?"***⁵ При достаточном знакомстве с американской действительностью легко заметить, что если правительственные учреждения, как уже было отмечено, никогда

не задают вопрос о конфессиональной принадлежности, то в частной жизни, деловых отношениях, достаточно продолжительных и связанных с предоставлением кредита, данный вопрос ставится - мы считаем себя вправе утверждать это - всегда. Чем же это объясняется? Ряд небольших личных наблюдений (1904 г.) может, пожалуй, послужить иллюстративным материалом для объяснения этого факта.

Автор этих строк проделал довольно длинный путь по тогдашней "Indian territory"**** в одном купе с коммивоя-

[274]

жером фирмы "Undertakers hardware"* . Когда автор (случайно) упомянул о все еще значительной роли церковности в Америке, то в ответ ему было сказано: "По мне, сударь, каждый может верить или не верить, однако если я имею дело с фермером или купцом, который вообще не принадлежит ни к какой церкви, то я не доверю ему и 50 центов. Что побудит его отдать мне долг, если он ни во что не верит?" Эта мотивировка еще не очень определена. Положение дел несколько уясняется из рассказа врача-отоларинголога, немца по происхождению. Вот что он рассказал о своем первом пациенте, явившемся к нему, когда он поселился в одном большом городе на реке Огайо: паци-ент, растянувшийся на кушетке по предложению врача, который собирался приступить к исследованию с помощью зеркала, внезапно выпрямился и с достоинством заявил: "Сударь, я состою членом... такой-то Baptist church** , находящейся на такой-то улице". Когда врач, недоумевая, какое отношение этот факт имеет к заболеванию носа и его лечению, осведомился об этом у своего американского коллеги, тот, посмеиваясь, объяснил, что эти слова значат: "О гонораре не беспокойтесь". Почему же значение этих слов таково? Быть может, это станет понятным из нашего третьего эпизода.

В одно прекрасное воскресенье в начале октября я вместе с несколькими моими родственниками, фермерами из Бушвальда. расположенного в нескольких милях от М. (столицы одного из округов Северной Каролины), присутствовал в послеобеденные часы при обряде баптистского крещения, совершавшегося в пруду, который питался водами ручья, стекавшего с видневшихся вдали Голубых гор. Было холодно, ночью подмораживало. На склоне холмов стояло множество фермерских семей, прибывших на своих легких двухколесных тележках из соседних поселений, а подчас и издалека. В пруду по пояс в воде стоял проповедник в черном одеянии. В воду после различного рода церемоний по очереди входили человек десять обоого пола в праздничной одежде, они обещали следовать вере, затем погружались с головой в воду - женщин проповедник поддерживал, - высказывали, отфыркивались и, дрожа, в мокрой одежде выходили на берег, их "поздравляли", быстро закутывали в толстые пледы и увозили домойб.

[275]

Родственник, стоявший рядом со мной, который, сохраняя верность немецким традициям, был далек от всякой церковности и поэтому с известной долей презрения наблюдал за всем происходившим7 внезапно стал внимательно вглядываться в одного из погружавшихся в воду кншей и проронил: "Look at him. I told you so"* . Когда я после окончания церемонии спросил его: "Почему ты это, как ты утверждаешь, предвидел?" - он ответил: "Потому что он хочет основать банк в N". - "Разве в этой местности так много баптистов, что они составят достаточную клиентуру для его банка?" - "Нет, конечно. Но, крестившись, он заполучит клиентуру всей округи и побьет всех своих конкурентов". Из ответов на последующие мои вопросы - почему? каким образом? - выяснилось следующее: вступление в данную баптистскую общину, которая еще строго соблюдает верность религиозным традициям и принимает новых членов лишь после самой тщательной "проверки" и педантичного изучения их "образа жизни", начиная с самого раннего детства ("disorderly conduct?""** посещение трактиров? танцы? театр? карты? неточность в выполнении денежных обязательств? какие-либо иные проявления легкомыслия?), самый факт этого вступления рассматривается как абсолютная гарантия этических качеств джентльмена, и прежде всего его деловых качеств. Поэтому-то и упомянутый будущий банкир может с полной уверенностью рассчитывать на вклады всей округи и на предоставление ему неограниченного кредита вне всякой конкуренции. Этому человеку успех гарантирован. Последующие наблюдения показали, что подобные или сходные явления повторяются в самых различных областях страны. Преуспевали в деловом отношении те (как правило, только те), кто принадлежал к методистской, баптистской или к какой-либо иной секте (или к близким им по типу ассоциациям). Если член секты перебирался в другое место или занимал должность торгового агента, он брал с собой certificate*** своей общины, что обеспечивало ему не только поддержку членов его секты, но и, что более важно, повсеместный кредит.

Если он (не по своей вине) испытывал денежные затруднения, то секта способствовала устройству его дел, предо-

[276]

ставляя гарантии кредиторам и помогая ему всевозможными способами, часто даже по библейскому принципу: "mutuum date nihil inde sperantes"* . Однако решающим шансом карьеры были не упования кредиторов на секту, которая, дорожа своим престижем, предохранит их от ущерба, а то обстоятельство, что каждая оберегающая свою репутацию секта примет в число своих членов лишь того, чье "поведение" позволяет с полной уверенностью квалифицировать его как безупречного в нравственном отношении человека.

Принадлежность к секте - в противоположность принадлежности к церкви, которая "дана" человеку от "рождения", - является своего рода нравственным (прежде всего в деловом отношении) аттестатом личности. "Церковь" - не что иное, как учреждение по дарованию благодати. Она управляет сферой религиозного спасения как неким фидеикомиссом; принадлежность к церкви (по идее) обязательна и поэтому сама по себе ни в коей степени не характеризует моральные качества прихожан. "Секта" же, напротив, является волонитаристским объединением лишь достойных (по идее) в религиозно-этическом отношении людей, квалифицированных в качестве таковых и добровольно вступивших в это объединение, при условии столь же добровольно данного им разрешения, ввиду их доказанной религиозной избранности⁸. Исключение из секты за нравственные проступки экономически влекло за собой потерю кредита и социальное деклассирование. Многочисленные наблюдения последующих месяцев подтвердили не только (тогда еще) достаточно серьезное значение церковности как таковой⁹ (несмотря на то что она как будто быстро отмирала), но и именно этой ее особенно важной черты. Характер исповедания не играл уже почти никакой роли¹⁰. Никого не интересовало, был ли данный человек масоном¹¹, последователем Christian science** , адвентистом, квакером или еще кем-нибудь. Важно было лишь то, что он принят посредством "ballot"*** после предварительной проверки и этического утверждения под углом зрения тех добродетелей, которые провозглашались обязательными мирской аскезой протестантизма, то есть ста-

[277]

рой пуританской традицией. Присмотревшись ближе к американской действительности, я обнаружил, что и здесь совершается тот же столь характерный для современности процесс "секуляризации", который теперь повсеместно подчиняет себе явления, первоначально возникшие в рамках религиозных концепций. Уже не одни только религиозные общины, то есть секты, преимущественно оказывали подобное воздействие; более того, секты оказывали его во все меньшей степени. Еще 15 лет тому назад всякому внимательному наблюдателю бросалось в глаза, что поразительно большое количество мужчин, принадлежавших к средним слоям американской буржуазии, носили в петлицах маленькие значки (разной окраски), больше всего напоминавшие розетку Почетного легиона. (Исключение составляли жители современных городов и центров иммиграции.) На вопрос, что это такое, обычно называлось какое-либо общество, подчас с совершенно фантастическим наименованием. В дальнейшем выяснилось, что по своему назначению эти общества почти всегда являются кассами, финансирующими похоронный обряд, но наряду с этим выполняющими и ряд других функций, в частности они (особенно в тех областях, где меньше всего ощущалось разрушительное влияние современности) предоставляют своим членам (нравственное) право обращаться к братской помощи любого имущего члена такого союза при условии, что потерпевший не несет личной ответственности за грозящие ему финансовые трудности; причем в ряде известных мне случаев эта помощь оказывалась либо в соответствии с принципом "mutuum date nihil inde sperantes", либо под очень небольшим процентом. Требование это, по всей видимости, с полной готовностью выполнялось членами подобных общин. И в этих общинах (причем и здесь это было самым важным) принятие в члены происходило также посредством баллотировки после предшествующего расследования и установления этической полноценности претендента. Розетка в петлице, следовательно, означала: "Я являюсь патентным членом на основе расследования и проверки, гарантированным на основе моей принадлежности к данному союзу джентльменом". Здесь также прежде всего имеется в виду деловая добросовестность и проверенная кредитоспособность. И в данном случае было бы нетрудно установить, что влияние этого легитимирования на деловую карьеру часто было решающим. Все эти явления, находившиеся как будто

[278]

случае, поскольку речь идет о явлениях религиозных) в стадии довольно быстрого разложения¹², были ограничены рамками среднего слоя буржуазии. Они являлись, в частности, типичным средством возвышения до сферы среднего буржуазного предпринимательства, распространения и сохранения буржуазно-капиталистического делового этиоса внутри широких кругов среднего слоя буржуазии (включая фермеров). Правда, немалое количество, а в старшем поколении большинство американских "promoters", "captains of industry", мультимиллионеров и магнатов трестов формально принадлежали, как известно, к сектантам, преимущественно к баптистам. В данном случае, однако, речь может идти лишь о причинах конвенционального характера (как в Германии), о личностно-социальной, а отнюдь не деловой легитимации. Ибо эти "экономические гиганты" не нуждались, конечно, в подобной опоре (как не нуждались в ней такого рода деятели и во времена пуритан); что касается их "религиозных убеждений", то искренность таковых более чем сомнительна. Носителями той специфически религиозной ориентации, которую отнюдь не следует объяснять только оппортунистическими мотивами¹³, были, как и в XVII-XVIII вв., представители среднего сословия, поднимающиеся внутри этого сословия и выходящие из него слои. Не следует, однако, забывать о том, что без подобного повсеместного утверждения тех качеств и принципов методического жизненного поведения, которые насаждались религиозными обществами, капитализм и поныне (даже в Америке) не стал бы тем, чем он является теперь. В истории любой хозяйственной отрасли, в любой стране нет такой эпохи (разве только при господстве строго феодальных или патримониальных отношений), которой неведомы были бы такие капиталистические деятели, как Пирпонт Морган, Рокфел-лер, Джей Гоулдс и др., изменились (конечно!) лишь технические средства их предпринимательской деятельности. Они всегда стояли и стоят по "ту сторону добра и зла". Однако, как бы велико ни было их значение в хозяйственной жизни страны и какие бы преобразования в этой области они ни совершили, не они определяют, какой хозяйственный дух господствует в ту или иную эпоху, в той или иной области. И не они, что самое главное, были творцами или носителями специфически западного буржуазного "духа". Мы не будем останавливаться на политическом и со-

[279]

циальном значении вышеназванных и многочисленных подобных им замкнутых обществ и клубов Америки, пополнявших свой состав посредством баллотировки. Типичный янки еще в прошлом поколении проходил на своем жизненном пути целую серию подобных замкнутых обществ: от Boy's club в школе через Athletic club, Greek letter society или какой-либо иной студенческий клуб к одному из многочисленных клубов деловых людей и буржуазии и, наконец, к клубам плутократии в крупных городах. Доступ к ним был равносителен рекомендации к социальному продвижению и в первую очередь давал внутреннюю уверенность в своем "избранничестве". Студент, который не получил в колледже доступа к какому-либо клубу или обществу типа клуба, превращался в своего рода парию (мне известны случаи самоубийства из-за незачисления в клуб); деловой человек, комми, техник или врач, которого постигла та же участь, оказывается в весьма незавидном положении. В настоящее время многие подобные клубы стали носителями тех тенденций к аристократизации, которые столь же характерны для современной американской действительности, как и плутократия, а подчас, что следует особенно иметь в виду, даже находятся в противоречии с нем¹⁴. Однако в прошлом, да и поныне, признаком специфически американской демократии было то, что она являла собой не хаотическое скопление индивидов, а совокупность хотя и замкнутых, но волюнтаристских союзов. Если в американском обществе вплоть до недавнего времени престиж семьи и унаследованного состояния, занимаемая должность и диплом об образовании не играли никакой роли (или играли ее в столь незначительной степени, что это резко отличало американскую демократию от любого другого общества), то это отнюдь не означает, что здесь первого встречного встречают с распростертыми объятиями и относятся к нему как к равному. Конечно, еще лет 15 тому назад американский фермер не провел бы своего гостя мимо пашущего работника (коренного американца!) без того, чтобы по всей форме не представить их друг другу, без того, чтобы они не "обменялись рукопожатием". Конечно, раньше в типично американском клубе совершенно забывали о том, что играющие в бильярд члены клуба являются шефом и комми вне его стен - здесь царило равенство джентльменов¹⁵. Конечно, жена американского рабочего, которую профсоюзный функционер привел к завтраку, вполне уподобилась своей одеждой и поведением леди

буржуазных кругов (разве что ее платье было чуть более просто, а манеры - чуть менее изысканны). Однако каждый человек независимо от его социального положения, который хотел стать полноправным членом этого демократического общества, должен был не только принять все условности буржуазного society, включая требования очень строго соблюдаемой мужской моды, но должен был также по всем правилам заверить общество в том, что ему удалось пройти баллотировку и вступить в одну из достаточно зарекомендовавших себя организаций - сект, клубов или обществ (характер организации не имел никакого значения) - и получить посредством испытания и проверки апробацию в качестве джентльмена¹⁶. Тот, кому это не удалось, не был джентльменом; тот, кто этим пренебрегал - как большинство немцев¹⁷, - вступал на тернистый путь, и прежде всего в деловой сфере.

Как уже отмечалось, мы не ставим перед собой задачу заниматься социальной значимостью этих явлений, находящихся в процессе коренного преобразования. Нас интересует здесь лишь то, что современное положение светских клубов и обществ, пополнявшихся посредством баллотировки, в большой степени является продуктом секуляризации тех волонтаристских объединений - сект, - которые служат прототипом этих союзов и значение которых было некогда гораздо более важным. Это прежде всего относится к родине подлинных янки, к североатлантическим штатам. Не следует забывать, что всеобщее избирательное право (для белых, ибо негры и метисы de facto не имеют его и по сей день), а также "отделение церкви от государства" - завоевания недавнего прошлого (первые попытки такого рода реформ предприняты, собственно говоря, в начале XIX в.); что в колониальный период в центральных областях Новой Англии, прежде всего в Массачусетсе, предпосылкой гражданское полноправия в штате было (наряду с некоторыми другими условиями) полноправие внутри церковной общины, которая могла по своей воле принять данного человека в качестве своего члена или не допустить его в свою среду¹⁸. Церковные общины Америки, как и все пуританские секты в широком смысле этого понятия, выносили свое решение в зависимости от того, доказал ли данный индивид своим поведением наличие у него определенной религиозной квалификации. Подобным же образом в Пенсильвании незадолго

[281]

до войны за независимость делами штата заправляли квакеры, хотя формально они не были единственными политически полноправными гражданами (осуществлялось это посредством сложной конфигурации избирательных округов). Громадное социальное значение полноправия внутри сектантской общины, особенно допущение к причастию, направляло секты в сторону создания той аскетической профессиональной этики, которая была адекватна капитализму в период его возникновения. Ибо совершенно так же, как это удалось, по личным наблюдениям автора, установить для Америки, религиозность аскетических сект действовала повсюду, в том числе и в Европе, в течение нескольких веков.

Если мы обратимся к церковной предыстории этих протестантских сект¹⁹, то мы вплоть до XVII в. (и особенно в этом столетии) обнаружим в их документах, в первую очередь у квакеров и баптистов, постоянное ликование по поводу того, что грешные "дети мира" взаимно не доверяют друг другу даже в делах и, напротив, с полным доверием относятся к обусловленной религиозными мотивами добропорядочности благочестивых людей²⁰; им (и только им) предоставляют они кредит, доверяют свои вклады, в их магазинах делают закупки, ибо здесь, и только здесь, они могут рассчитывать на хорошее обслуживание и твердые цены, как известно, баптисты с давних пор претендовали на то, что именно они возвели в принцип установление твердых цен²¹. Представление, что боги даруют богатства тому, кто угоден им - жертвами ли, своим ли образом жизни, - известно всем народам мира. Однако с такой последовательностью и полнотой связь между определенным типом религиозного поведения - в соответствии с раннекапиталистическим принципом "honesty is the best policy"* - и божественным благословением сознательно устанавливается только протестантскими сектами (хотя и нельзя утверждать, что эта идея известна только им)²². Но не одна лишь подобная этика, о которой речь шла уже в предыдущем очерке, а прежде всего социальные поощрения и средства дисциплинарного воздействия, вообще вся организационная основа протестантского сектантства со всеми видами его влияния, сложились в период возникновения протестантских сект. Все те рудименты прежних воззрений в современной Америке, о которых шла речь, яв-

[282]

ляются наследием некогда необычайно разработанной церковной регламентации жизни. Остановимся кратко на ее сущности, методах и направленности.

Внутри протестантизма принцип "believers' church"* , то есть объединения, состав которого строго ограничен "истинными" христианами, союза действительно святых людей, волонтаристского и обособленного от мира, впервые обнаруживается у анабаптистов в Цюрихе в 1523- 1524 гг.²³ Следуя учению Т. Мюнцера, который не допускал крещения детей, но не доводил это требование до его логического конца, то есть не требовал вторичного крещения уже крещенных в детстве взрослых (перекрещенство), цюрихские анабаптисты в 1525 г. ввели крещение взрослых (а в некоторых случаях и вторичное крещение). Главные носители этого движения - странствующие ремесленники, - постоянно подвергаясь преследованиям, распространяли его на все новые области. Здесь не место характеризовать различные направления этой волонтаристской мирской аскезы: анабаптистов, меннонитов, баптистов, квакеров; не будем мы также вновь останавливаться на том, как все эти деноминации (включая кальвинизм и методизм²⁴) неминуемо следовали по одному и тому же пути: создавали либо объединения образцовых христиан внутри церкви (пиетизм), либо общины, состоявшие из признанных безупречными полноправных членом, осуществлявших власть над церковью; остальные прихожане этой церкви рассматривались в данном случае как христиане второго сорта, пассивная толпа, подчиненная церковной дисциплине (индепендентство). Внешний и внутренний конфликт двух структурных принципов - "церковь" как институт благодати и "секта" как союз людей, получивших высшую религиозную аттестацию, - проходит через всю историю протестантизма от Цвингли до Кейпера и Штеккера. Здесь мы остановимся лишь на тех последствиях волонтаристского принципа, которые имели важное практическое значение для формирования жизненного поведения. Напомним только, что решающая идея о чистоте причастия, которая вела к устранию всех тех, кто не обрел святости, способствовала тому, что в деноминациях, не доводивших свое учение до его логического вывода, то есть до образования сект (в частности, у пуритан, принимавших догмат о предопределении), вводилась своего рода церковная дис-

[283]

циплина (близкая дисциплине сектантской)²⁵ - именно в этом заключалось главное социальное значение требования чистоты причастия. Что же касается самих сект, то для них, особенно в период их возникновения, эта идея была основополагающей²⁶. Первый последовательный волонтарист Роберт Браун в своем трактате ("Treatise of Reformation without tarying for anie", предположительно 1582 г.) выдвигает в качестве мотива своего отрицательного отношения к епископальной церкви и пресвитерианству их обязательное требование причащаться вместе с "wicked men"*²⁷. Пресвитерианская церковь тщетно пыталась решить эту проблему. Уже при Елизавете это было главным пунктом Вендсвортской конференции²⁸. Вопрос, кто может не допустить к причастию, постоянно ставился в английском революционном парламенте. Сначала (1645 г.) это решение входило в компетенцию minister** и elders*** (то есть мирян). При этом парламент стремился к тому, чтобы твердо и точно установить все те случаи, которые влекут за собой недопущение к причастию, а во всех остальных случаях сохранить за собой право утверждать вынесенные решения. Вестминстерское собрание резко протестовало против "эрастианства" такого рода. Партия индепендентов отличалась тем, что она, помимо местных жителей, признанных полноценными в религиозном отношении, допускала к причастию лиц, имеющих свидетельства (tickets). Иноземцам эти свидетельства выдавались лишь при наличии рекомендации лиц, обладавших определенной религиозной квалификацией. Аттестации (letters of recomandation), предоставляемые при перемене местожительства или на время путешествия, известны уже в XVII в.²⁹ Внутри официальной церкви на роль своего рода добровольной цензуры, помогающей священнику установить степень квалификации прихожан и устранить от причастия "scandalous persons"****, претендовали conventicles (ассоциации) Бакстера, организованные в 1657 г. в 16 графствах³⁰. Аналогичного результата добивались и "5 dissenting brethren" Вестминстерского собрания (вернувшиеся после эмиграции в Голландию представители высших классов), предлагая установить наряду с

[284]

parish* волонтаристские конгрегации и предоставить им право голоса на выборах в синод. Вся история церкви Новой Англии полна борьбы вокруг того, кого следует допускать к таинствам (в том числе и в качестве крестных), можно ли крестить детей, родители которых не допущены к таинствам³¹, при каких обстоятельствах и т. п. Трудность заключалась в следующем: поскольку причащаться разрешалось лишь достойному, но вместе с тем достойный обязан был причащаться³², сомнение в своем праве причащаться не очищало от греха³³, с другой стороны, вся община на началах

солидарности несла перед Богом ответ за чистоту причастия и устранение недостойных, особенно отвергнутых³⁴. Прежде всего, следовательно, община отвечала за то, чтобы святым дарам причащал достойный minister, то есть такой, который обладал Божьей благодатью. Таким образом, вновь всплыли на поверхность очень древние проблемы церковного устройства. Тщетно Бакстер пытался внести компромиссное предложение, согласно которому в случае крайней необходимости можно получить причастие и из рук недостойного, то есть небезупречного в своем поведении minister³⁵. Как во времена раннего христианства, здесь произошло резкое столкновение двух принципов: старого донатистского принципа личной харизмы и прочно утвердившегося в католической церкви (благодаря вере в character indelebilis** священника) принципа институциональной благодати, господствующей и в официальных церквях Реформации³⁶. Именно на этой религиозной ответственности общины за достойного minister и достойных участников причастия и покоился бескомпромиссный радикализм индипендентского учения. В принципе в этом отношении ничего не изменилось. Известно, что еще в последние десятилетия XIX в. схизма Кёйпера с ее далеко идущими политическими последствиями возникла в Голландии из-за того, что приходские старейшины одной амстердамской церкви - миряне - во главе с будущим премьер-министром Кёйпером, в те времена тоже простым старейшиной-мирянином, отказывались выполнить требование синодального церковного управления (Hervormde kerk) Нидерландов и допустить к причастию конфирман-тов, предъявивших аттестации, которые были им выданы

[285]

недостойными или неблагочестивыми, с точки зрения старейшин, проповедниками других общин³⁷. Это было по существу то же, что в XVI в. разделяло пресвитериан и индипендентов. Ибо ответственность общины вела к чрезвычайно серьезным последствиям: прежде всего к утверждению волонтаристского принципа - права принимать в общину достойных, и только достойных, а затем к суверенности отдельных местных общин, совершающих обряд причащения. Лишь местная община, а не какая-либо административная церковная инстанция межлокального типа (как бы свободно она ни избиралась) могла на основе личного знакомства и непосредственной проверки поведения каждого ее члена судить о его квалификации. И выносить такие суждения она могла лишь при ограниченном числе ее членов: принцип суверенности сохранял свою действительность лишь в рамках относительно маленьких общин³⁸. Где общины превышали требуемые границы, там либо создавались кружки, как у пиетистов, либо, как у методистов, отдельные члены общины разделялись на группы, внутри которых осуществлялась церковная дисциплина³⁹, ибо следующим требованием, обусловленным стремлением соблюсти чистоту общины причащающихся (у квакеров молитвенного собрания), была исключительно строгая нравственная дисциплина⁴⁰, осуществляемая самоуправлением общины. В самом деле, дисциплина внутри аскетических сект была - и в этом она родственна монастырской - значительно более суровой, чем дисциплина какой бы то ни было церкви. Сектанты ввели институт по-слушничества⁴¹. В отличие от официальных протестантских церквей секта часто запрещала лицам, исключенным из общины за этические прегрешения, всякое общение с членами общины, другими словами, подвергала их абсолютному бойкоту, который распространялся и на деловую сферу: и вообще считалось предпочтительным не устанавливать контакты за пределами секты, разве только в случае крайней необходимости⁴². Дисциплина внутри аскетических сект осуществлялась главным образом мирянами. Ведь не существовало такой духовной власти, которая могла освободить общину от совместной ответственности всех ее членов перед Богом. Значение мирян-старейшин было очень велико уже у пресвитериан. Что же касается индипендентов и особенно баптистов, то они вели открытую борьбу против богословского засилья в общине⁴³, параллельно, разумеется, шла клерикализация мирян. Миряне,

[286]

осуществляя самоуправление, предупреждая, а подчас и отлучая членов общины, постепенно захватывали функции контроля нравов⁴⁴. Господство мирян в церкви нашло свое отражение отчасти в требовании свободной проповеди (liberty of prophesying), которое обосновывалось ссылками на устройство ранних христианских общин (это требование резко противоречило не только лютеранскому предстанию о значении церковных должностей, но и божественному порядку в толковании пресвитерианства)⁴⁵; отчасти же - в оппозиции профессиональному священству и богословской образованности вообще: значение придавалось лишь харизме, а не выучке или должности⁴⁶. Разумеется, не все секты, и во всяком случае не всегда, делали из этого столь радикальные выводы, как квакеры, которые считали, что на

собрании, где шло богослужение, может и должен говорить каждый, но в то же время только тот, на кого нисшел "дух", что, следовательно, профессиональных священников вообще не должно быть⁴⁷. Секты обычно считают, что священник выполняет свои функции не "по найму"⁴⁸, а в качестве лица, занимающего почетную должность. Он живет либо на добровольные дары⁴⁹, либо состоит одновременно на другой работе, а в данной должности получает лишь компенсацию расходов⁵⁰; в некоторых сектах он в любую минуту может быть отстранен от своих обязанностей; иногда создается своего рода миссионерская организация, состоящая из временно проповедующих в одном и том же "circuit"* странствующих священников⁵¹, - так было у методистов⁵². Там, где должность (в ее прежнем значении) и, следовательно, богословская квалификация сохранялись⁵³, эта квалификация рассматривалась лишь как профессионально-техническая предпосылка, решающей же оставалась харизма состояния благодати: на выявление этого качества и были направлены усилия тех инстанций, которые, подобно кромвелевским triers (местные органы, выдающие аттестаты о квалификации данного лица) или ejectors (духовная дисциплинарная инстанция⁵⁴), занимались проверкой профессиональной пригодности священника. Очевидно, что харизматический характер авторитета охранялся так же, как и харизматический характер членства в общине. Подобно тому как кромвелевская армия святых принимала святые дары лишь из рук священников определенной рели-

[287]

гиозной квалификации, кромвелевский солдат отказывался идти в сражение под началом офицера, не входящего вместе с ним в число достойных членов причащающей общины⁵⁵.

В принципе среди членов секты царил дух раннехристианского братства, так было, во всяком случае, у баптистов и в различных родственных им сектах⁵⁶. Многие сектанты считали предосудительным обращаться в государственные судебные инстанции⁵⁷; в случае необходимости члены секты оказывали помощь пострадавшему⁵⁸. Установление деловых связей вне общины, как правило, не запрещалось (разве что в самых радикальных сектах). Предпочтение братьев было, однако, само собой разумеющимся⁵⁹. С самого начала сложилась система аттестаций (о принадлежности к соответствующей общине и поведении⁶⁰ для братьев, уезжающих из данной местности). У квакеров взаимная поддержка применялась так широко, что они в силу связанных с этим непомерных тягот в конечном итоге вынуждены были отказаться от дальнейшей пропаганды своих идей. Сплоченность общин была настолько сильна, что ее с достаточным основанием считают одной из причин замкнутости и резко выраженного урбанистического характера поселений Новой Англии в отличие от поселений Юга⁶¹. Все эти свойства свидетельствуют о том, что иллюстрированные различными примерами в начале данного очерка функции современных американских сект и близких к ним по типу объединений являются не чем иным, как ответвлениями, рудиментами и пережитками той системы взглядов, которая некогда господствовала во всех аскетических сектах и общинах, а ныне приходит в упадок. По имеющимся свидетельствам, неимоверное "кастовое высокомерие" сектантов является их исконным качеством⁶².

Что же во всей этой эволюции являлось и является существенным для нашей постановки проблемы? Ведь и в средние века отлучение от церкви вело к весьма серьезным последствиям в политическом и социальном отношении, формально даже более серьезным, чем те, которые оно имело в эпоху свободы сект, и в средние века только христианин мог быть полноправным членом общества. И в средние века, как прекрасно показал А. Шульте, епископ считался более кредитоспособным, чем светский князь, по той простой причине, что в слу-

[288]

чае неплаты долга на него можно было воздействовать с помощью дисциплинарных мер церкви. Ведь и для прусского лейтенанта то обстоятельство, что долги угрожают ему отставкой, создавало благоприятные условия для кредита. То же относится и к немецкому студенту-корпоранту. И наконец, в средние века исповедь и дисциплинарная власть церкви служили действенным средством осуществления церковной дисциплины, и эти средства постоянно применялись. В те времена в качестве гарантии старались использовать клятвенное обещание должника, нарушение которого грозило ему отлучением от церкви.

Все это вполне соответствует истине. Однако во всех этих случаях не только характер поведения, которому способствовали или препятствовали эти обстоятельства, был совсем иным, чем тот, который пестовала или подавляла христианская аскеза: предоставление более широкого кредита лейтенанту или студенту-корпоранту, а в равной мере и епископу основывалось отнюдь не на том,

что в них воспитывали определенные деловые качества. И с этим непосредственно связано следующее: если направленность этого воздействия по замыслу одна и та же, то характер этого воздействия неминуемо должен был быть совершенно иным. Средневековая церковная дисциплина, как и лютеранская, во-первых, находилась в руках духовных лиц, занимавших определенные должности; во-вторых, она осуществлялась - поскольку она вообще осуществлялась - с помощью авторитарных средств, и, в-третьих, она карала или награждала отдельные конкретные действия. Церковная дисциплина пуритан и сектантов, во-первых, проводилась отчасти, а во многих случаях и полностью мирянами; во-вторых, средством ее реализации была необходимость самоутверждения, и, в-третьих, она воспитывала или, если угодно, отбирала определенные качества. Последнее наиболее важно. Для вступления в сферу какого-либо сообщества член секты (или кружка) должен был обладать определенными качествами, которые, как было показано в первом очерке настоящей работы, имели большое значение для развития рационального современного капитализма. Для того же, чтобы прочно утвердиться в данной общине, новый член общины должен был постоянно подтверждать наличие у него требуемых качеств: тем самым они непрерывно в нем воспитывались. Ибо,

[289]

как было показано в предшествующем очерке, от этого "подтверждения" полностью зависело как его потустороннее блаженство, так и все его земное существование и социальное благополучие⁶³. Нет, вероятно, более действенного воспитательного средства, как нам это известно из опыта, чем подобная необходимость социального самоутверждения в кругу товарищей; поэтому-то непрерывное и незаметное воздействие этической дисциплины сект относилось к авторитарной церковной дисциплине как рациональное воспитание и продуманный отбор к приказу и аресту. В этом отношении, как и почти во всех других, пуританские секты в качестве наиболее специфических выразителей мирской аскезы служили самой последовательной, а в известном смысле и единственно последовательной антитезой католического института универсальной благодати. Самые сильные индивидуальные мотивы и личные интересы служили сохранению и распространению "буржуазной" пуританской этики со всеми вытекающими из нее последствиями. Это и есть, безусловно, решающий момент для силы проникновения и могущества подобного воздействия. Ибо - мы повторяем это еще раз⁶⁴ - не этическое учение религии, а то этическое отношение к жизни, которое поощряется в зависимости от характера и обусловленности средств к спасению, предлагаемых данной религией, является "ее" специфическим "этосом" в социологическом значении этого слова. В пуританизме таковым была определенная методически-рациональная система жизненного поведения, которая, при известных условиях, прокладывала путь "духу" современного капитализма. За утверждение своей избранности перед Богом раздавались награды в виде гарантии спасения во всех пуританских деноминациях; за утверждение своей избранности перед людьми - награда в виде социального самоутверждения внутри пуританских сект. Оба принципа дополняли друг друга, действуя в одном и том же направлении: они способствовали освобождению "духа" современного капитализма, его специфического этоса, то есть этоса современной буржуазии. Образование аскетических общин и сект с их радикальным отказом от патриархальных пут⁶⁵, с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, явилось одной из важнейших предпосылок современного "индивидуализма". В заключение мы позволим себе привести в виде

[290]

сравнения еще одно последнее замечание для пояснения характера этого этического воздействия. В средневековых цехах нередко также действовал контроль над сохранением общего этического стандарта членов цеха, подобный тому, который осуществлялся посредством церковной дисциплины аскетических протестантских сект⁶⁶. Однако бесспорное различие между воздействием цеховой и сектантской дисциплины на хозяйственное поведение отдельных лиц совершенно очевидно. Цех объединял товарищей по профессии, то есть конкурентов. Целью цеховой организации было ограничение конкуренции и проявлявшегося в ней рационального стремления к наживе. Цех воспитывал в своих членах "буржуазные" добродетели и в известном смысле (подробно мы здесь этого касаться не будем) являлся носителем буржуазного "рационализма". Однако лишь в смысле "продовольственной политики" и в духе традиционализма со всеми вытекающими отсюда последствиями, в тех пределах, в которых действовало осуществляемое цехом регулирование хозяйственной жизни. Секты же объединяли посредством отбора и воспитательного воздействия не технически квалифицированных людей, связанных процессом обучения или семейными

отношениями, а соратников по вере, жизненное поведение которых они контролировали и регламентировали исключительно в духе формальной добропорядочности и методической аскезы без какой-либо материальной цели в сфере "продовольственной политики", направленной на ограничение рационального стремления к наживе. Капиталистический успех какого-либо члена цеха вел к искоренению цехового духа - это произошло в Англии и во Франции - и вызывал ужас. Капиталистический успех брата по секте, в том случае если он был достигнут праведным путем, свидетельствовал об избранности человека и о нисхождении на него благодати, поднимал престиж секты, способствовал распространению ее учения и поэтому вызывал всеобщее удовлетворение, на что указывают многочисленные приведенные нами выше документальные данные. Цеховая организация свободного труда в ее западной средневековой форме, безусловно (хотя и вопреки ее назначению), служила не только препятствием капиталистической организации труда, но и ее необходимой предпосылкой, без которой, вероятно, невозможно было бы развитие капитализма⁶⁷. Однако сама по себе

[291]

цеховая организация труда не могла, конечно, породить буржуазно-капиталистический этос. Ибо не цеховая организация труда, а лишь методическая регламентация жизни аскетических сект может узаконить и окружить ореолом его "индивидуалистические" импульсы в области экономики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новое, значительно переработанное издание статьи, озаглавленной "Церковь и секты" ("Kirchen und Sekten"), которая была опубликована во "Frankfurter Zeitung" 13 и 15 апреля 1906 г., а затем, в несколько расширенном виде, - в "Christliche Welt" (1906, S-558 ff., 557; в предшествующем изложении я неоднократно обращался к ней для дополнений). Переработка статьи мотивируется тем, что разработанное мною понятие секты (противоположное понятию церкви) было, к моему большому удовлетворению, принято Трельчем и подвергнуто всестороннему рассмотрению в его труде "Soziallehren der christlichen Kirchen". Это позволяет нам в рамках настоящего очерка отказаться от дальнейшего теоретического анализа данного понятия, тем более что в прим. 174 (предшествующего раздела) было сказано все, что требовалось для понимания нашей точки зрения. Настоящий очерк содержит лишь самые необходимые данные, дополняющие предыдущее изложение.

2. Ввиду значения католиков в качестве избирателей данный принцип часто существует только на бумаге (рядом конфессиональных школ предоставляются, например, государственные субсидии).

3. Мы не считаем необходимым останавливаться на этом более подробно и отсылаем читателей к отдельным томам "American church history" (правда, очень разным по качеству).

4. Впрочем, тот факт, что не только каждое заседание Верховного суда США, но и любое партийное собрание (convention) открывается молитвой, давно уже превратился в тягостную условность.

5. Или если он случайно в качестве самого старого гостя сидел во главе стола, обращение официанта, разливающего суп: "Sir, the prayer, please" ("Сэр, молитву, пожалуйста"). На приведенный в тексте типичный вопрос, заданный мне в одно прекрасное воскресенье в Портри, я вынужден был ответить следующее: "Я принадлежу к церкви земли Баден; в Портри мне не удалось обнаружить chapel этой церкви". Дамы приняли это объяснение вполне (ерьезно и благосклонно: "Он посещает собрания только своей деноминации!")

6. "Вера (faith) - лучшее средство от простуды", - заметил один из моих родственников.

7. Он обратился к одному из крещеных: "Алло, Билл, что, вода изрядно холодна?" - на что тот совершенно серьезно ответил: "Джефф, я думал об одном изрядно жарком месте (об аде) и не заметил, холодна ли вода".

8. Не вызывает, конечно, сомнения, что соперничество сект в ловле душ, обусловленное в значительной степени и материальной заинтересованностью проповедников, очень сильно противодействовало подобному отбору именно в Америке. Поэтому конкурирующие деноминации часто объединялись для ограничения этой практики. (Так, запрещалось легко предоставлять разрешения для венчания в том

[292]

случае, если вступающие в новый брак были ранее разведены по недостаточно серьезным с религиозной точки зрения основаниям.) Между тем такого рода разрешения обладали большой притягательной силой для вступления в секту. В этом

вопросе в течение некоторого времени баптистские общины как будто склонны были к известной податливости, тогда как и католическая, и лютеранская (Мис-сурийская) церковь проявляли должную строгость, в результате которой, правда, как будто сократилось число и прихожан.

9. В ряде случаев в крупных городах мне рассказывали, что спекулянт, занимающийся различными операциями со строительными участками, обычно прежде всего воздвигает (весьма скромную) церковь, затем приглашает питомца какой-либо богословской семинарии, платит ему 500-600 долл. и рисует перед ним заманчивую перспективу блестящего положения в качестве проповедника в том случае, если тот сумеет организовать общину и "наполнит участок верующими". Мне показывали развалившиеся строения, напоминающие по своим очертаниям церковь, которые свидетельствуют о неудачных попытках такого рода. В большинстве случаев, однако, им сопутствует успех. Добрососедские отношения, sunday school (воскресная школа) и т. п. необходимы поселенцу, и прежде всего ему необходимы соседи, на которых можно положиться в "этическом" отношении.

10. Секты часто находятся в довольно хороших отношениях, несмотря на острую конкуренцию, которая выражается в характере материальных и духовных воздаяний во время вечерних чаепитий общин, а в аристократических церквях - и в характере песнопений (так, тенор бостонской Trinity church, который пел лишь во время воскресной службы, получал 8 тыс. долл.). В методистской церкви во время службы, на которой я присутствовал, о вышеописанном крещении баптистов говорилось как о зрелище, поучительном для каждого. Общины решительно отказывались от знакомства с "различными верованиями" и вообще совершенно не интересовались догматикой. Темой проповеди должны были быть лишь этические проблемы. Все прослушанные мной проповеди для среднего сословия были преисполнены типично буржуазной морали с ее требованиями добропорядочности и приличия; мораль этих проповедей была вполне доморошенная и трезвая, но произносилась она с большой внутренней убежденностью, подчас даже с волнением.

11. Assistant по семитскому языку в одном из университетов восточных штатов сказал мне: он сожалеет, что не стал "главой масонской ложи", это позволило бы ему вернуться к деловой жизни. На мой вопрос, чем бы это могло ему помочь, он ответил: если бы он, совершая торговые операции, мог представляться в качестве главы масонской ложи, то ему было бы обеспечено устранение всех конкурентов и он ценился бы на вес золота.

12. Некоторые образованные американцы с презрительным раздражением отмечают это как "humbug" (вздор) или пережитки прошлого, а иногда и вообще отрицают существование подобных явлений; многим - что подтвердил мне Уильям Джеймс - они и в самом деле неизвестны. Однако в ряде областей эти рудименты прошлого сохранились, и подчас в весьма гротескных формах.

13. "Лицемерие" и конвенциональный оппортунизм, власть условностей в вопросах такого рода вряд ли здесь сильнее, чем в Германии, где ведь тоже невозможно представить себе офицера или чиновника, не принадлежащего к какому-либо исповеданию, где бур-

[293]

гомистр Берлина (арийского происхождения!) не был утвержден в должности только потому, что не пожелал крестить ребенка. Различна лишь направленность условностей и "лицемерия": в Германии это - продвижение по службе, в Америке - деловой успех.

14. На "деньги" как таковые и в Америке можно купить только власть, но не социальный престиж, хотя деньги, конечно, могут служить средством и для приобретения престижа. Так же обстоит дело в Германии, да и повсюду. В Германии щ-нпоренная колея ведет через покупку дворянского поместья, учреждение фидеикомисса, жалованное дворянство - это открывает внукам доступ в аристократическое "общество". В Америке в соответствии со старой традицией большим уважением пользовался человек, который сам приобрел свое состояние, а не наследовал его, средством к завоеванию социального престижа были связи с представителями высших сословий, завязанные в аристократических колледжах, а на заре американской истории - принадлежность к аристократической секте (например, пресвитериан, в церквях которых в Нью-Йорке можно было обнаружить на сиденьях пуховые подушки и веера); позже - к аристократическому клубу. Наряду с этим имеет значение тип квартиры (ее местоположение на street - главной улице, которая имеется почти во всех средних американских городах), одежды, спортивных склонностей. А с недавнего времени и происхождение от Отцов пилигримов. Покахонты или других индейских дам и т. п. Здесь не место заниматься этим более

подробно. Массовое распространение получили различные бюро переводчиков и агентства, занимающиеся установлением генеалогий плутократов. Все эти подчас весьма гротескные явления относятся к области европеизации американского "общества".

15. Это не всегда распространяется на немецко-американские клубы. Когда группе молодых немецких купцов (из лучших ганзейских семей), проживающих в Нью-Йорке, был предложен вопрос, почему все они стремятся получить доступ в американский клуб, а не во вполне благоустроенный немецкий, эти молодые люди ответили: их (немецко-американские) шефы также иногда играют с ними в бильярд, но при этом всегда ощущается, что они понимают, как это "мило с их стороны".

16. В качестве параллели для Германии можно указать на значение студенческих корпораций и патента офицеров резерва для *commer-cium* и *connubium* (коммерции и брака) и на значительную социальную роль, которую играет "готовность к предоставлению сатисфакции". Суть дела одна, характерное различие - лишь в направленности и материальных последствиях.

17. См. предыдущее примечание. Вступление в американский клуб (в школьные годы или позднее) всегда знаменует разрыв с немецкими традициями.

18. При эмиграции в Новую Англию образование церковной общины часто предшествовало политическому устройству (в соответствии с известным пактом Отцов пилигримов). Так, дорчестерские иммигранты в 1619 г., до того как они эмигрировали, сплотились в церковную общину и избрали проповедника и учителя. В колонии Массачусетс церковь была формально самостоятельной корпорацией, членами которой, правда, могли быть лишь граждане Массачусетса, но, с другой стороны, состоять членом этой корпорации было необходимо, так как это служило предпосылкой гражданского

[294]

полноправия. В Нью-Хейвене вначале (до его насильственной инкорпорации в Коннектикут) обязательной предпосылкой гражданского полноправия также была принадлежность к церкви и хорошее поведение (которое обеспечивало допуск к причастию). Напротив, в Коннектикуте (в 1650 г.) *township* (муниципальные власти) обязаны были содержать церковь (отход от строгих индипендент-ских принципов в сторону пресвитерианства). Это было уже смягчением повседневной практики, ибо после инкорпорации Нью-Хей-вена распределение церковных аттестатов стало обуславливаться безупречностью в религиозном отношении и материальной обеспеченностью. В Массачусетсе уже в XVII в. в связи с инкорпорацией Мэна и Нью-Хэмпшира пришлось отказаться от прежней строгости при определении религиозной квалификации, необходимой для получения политических прав. Компромиссные решения были приняты и по вопросу о допуске в церковь новых членов; наиболее знаменитым из них является *Halfway-Covenant* 1657 г. К *membership* теперь допускались и те, кто не доказал, что он относится к возрожденным, однако к причастию они до начала XVII в. не допускались.

19. Назовем еще ряд старых работ, недостаточно известных в Германии. Очерк истории баптизма дан в книге: *Vedde r. A short history of the Baptists*. London, 1897. Относительно *Hanserd Knollys* см.: *Culross. Hanserd Knollys*. vol. 2, *Baptist manuals*. Ed. by P. Gould. London, 1891. К истории анабаптизма: В ах Е. В. *Rise and fall of the Anabaptists*. New York. 1902. О Смите: *Dexter H. M. The true story of John Smyth, the Se-Baptist, as told by himself and his contemporaries*. Boston, 1881.

Важнейшие публикации общества *Hanserd Knollys society* (printed for the Society by J. Hadden, Castle street, Finsbury, 1846-1854) уже приводились выше. Прочие официальные документы см.: *The Baptist church manual* by J. Newton Brown (Philadelphia. American Baptist Plibi. Society 30 s. Arch. street). О квакерах, помимо названной выше книги Шарплесса, см.: *Apple-garth A. C. The Quakers in Pennsylvania* (John Hopkins univ. studies in history and political science. Ser. 10, vol. 8-9); *L crime r G. Baptists in history*. N. Y., 1902; *Sei.s.s J. A. Baptist system examined* (Lutheran public soc., 1902). О Новой Англии (кроме Доила) см.: *Massachusetts historical collections*; затем: *Weeden. Economic and social history of New England 1620- 1789*, vol. 1-2; *Howe W. D. The Puritan republic*. Indianapolis, 1899. Об эволюции идеи "covenant" (ковенанта) в старом пресвитерианстве, его церковной дисциплине и отношении к официальной церкви, с одной стороны, к конгрегационалистам и сектантам - с другой, см.: *Burrag e. The church covenant idea*, 1904; его же: *The early English Dissenters*, 1912; затем: *Macphail W. M. The Presbyterian church*, 1918; *Brown J. The English Puritans*. 1910. Важные документы напечатаны в книге: *Usher. The Presbyterian movement*.

1584-1589. *Sam. Soc.*, 1905. В этом перечне дан лишь предварительный и неполный список работ, представляющих для нас существенный интерес.

20. Это считалось в XVII в. настолько само собой разумеющимся, что, как уже указывалось выше, Mr. Moneylove (мистер Любитель денег) у Беньяна ("Pilgrim's progress", в изд. Таухница, с. 114) прямо говорит, что дозволено принять веру для того, чтобы разбогатеть, ибо причина, по которой человек становится религиозным, значения не имеет.

[295]

21. Кроме них, и квакеры, о чем свидетельствует следующий отрывок, на который указал мне Э. Бернштейн: "Члены этих обществ держали слово и свято соблюдали условия договоров не только в тех делах, которые были связаны с законами страны, но и во всех своих торговых отношениях. Когда они впервые появились в качестве единого общества, они терпели неудачи в своих торговых делах, так как все те, кому не нравились их обычаи, старались сократить их клиентуру. Однако в скором времени их стали обвинять в том, что они захватили в свои руки всю торговлю. Это неудовольствие было отчасти вызвано тем, что они не входили ни в какие торговые сделки с другими, отчасти же тем, что они никогда не требовали двойной цены за свои товары". (Clarkson Th. *A portraiture of the Christian profession and practice of the Society of Friends*, 3d ed. London, 1867, p. 276. Первое издание вышло в 1830 г.)

22. Типично буржуазная этика всех аскетических сект и обществ была с самого начала тождественна той, которая вплоть до настоящего времени сохранилась в американских сектах. Методистам, например, запрещалось: 1) многословие при покупке или продаже ("торговаться"); 2) торговать товарами, за которые не уплачена пошлина; 3) взимать проценты, превышающие установленную законом норму; 4) "собирать сокровища на земле" (то есть превращать капитал в "состояние"); 5) брать в кредит без уверенности в том, что деньги могут быть вовремя возвращены; 6) всякое расточительство.

23. Источником служат высказывания Цвингли (см.: Fussli, 1, 228, ср. 243, 253, 263) и его же "Elenchus contra catabaptistas" (Werke, III, 357, 362). Характерно, что Цвингли затратил много усилий на борьбу с антипедобаптистами в своей собственной общине; они же в свою очередь рассматривали "сепаратизм" анабаптистов, то есть их волонтаризм, как проявление того, что они считали отвергнутым в Священном писании. Отлучения от церкви всех "wicked liars" (злонамеренных лжецов) и допуска одних только "faithful" (благочестивых) и их детей требовали браунисты в петиции Якову 1 (1603). Однако и (пресвитерианское) Directory of church government предположительно 1584 г. (впервые опубликовано в кн.: Pear-son A. Scott. *Der alteste englische Presbyterianismus*. Heidelberg, 1912. Diss.) в ст. 37 устанавливает, что к причастию допускаются лишь те люди, которые подчиняются церковной дисциплине или "litteras testimoniales idoneas aliunde attulerint" ("представляют письменные свидетельства о своей добропорядочности").

24. Проблематика, связанная с сектантски-волонтаристским принципом, логически вытекающим из требования "ecclesia pura" (чистой церкви), для реформатской (кальвинистской), то есть отвергающей сектантский принцип церкви, особенно отчетливо проступает в наши дни (причем именно в ее догматическом аспекте) у А. Кейпера (известного позже в качестве премьер-министра Голландии), особенно в его программной работе: *Separatie en doleantie*. Amsterdam, 1890. Сущность проблемы он видит в тех последствиях, которые проистекают из отсутствия в некатолическом христианском мире должности непогрешимого наставника; этим обуславливается, что "тело" видимой церкви не может быть "Corpus Christi" (телом Христовым) в понимании старых реформатов; видимая церковь неминуемо разделяется в пространстве и во времени и не может быть свободна от человеческих слабостей. Видимая церковь возникает исключительно как волевой акт верующих на основании данного им Христом права. Поэтому источником potestas ecclesiastica

[296]

(власти церкви) является не Христос и не ministri, а одна только община верующих (близость Фоэту). Посредством добровольного в юридическом смысле объединения общин - которое является, однако, религиозным долгом - создается более крупный коллектив. От римского принципа, устанавливающего, что каждый, кто является членом церкви, тем самым (eo ipso) является и членом своей территориальной общины, следует отказаться. Крещение превращает человека лишь в "membrum incompletum" (неполноправного члена) и не дает никаких прав. Не крещение, а лишь "belijdenis en stipulate" превращают верующего в активного члена общины в

юридическом смысле, членство (и только оно) тождественно с подчинением *disciplina ecclesiae* (опять близость Фозту). Церковное право занимается созданными людьми установлениями видимой церкви, правда, связанными с божественным порядком, но не отражающими его непосредственно (см.: Voet. *Politica ecclesiastica*, vol. I, p. I, II). Все это-индепендентские варианты исконного реформатского права и церковного устройства (особенно хорошо описанные Рикером), предусматривающие активную роль общины, то есть мирян, при приеме новых членов. Вокруг этого требования участия всей общины упорная борьба шла и в Новой Англии; его прежде всего отстаивали браунистские индепенденты, защищая от нападков успешно наступающих "джонсонистов", требовавших установления в церкви господства "ruling elders" (старейшин). Само собой разумеющимся было, что в общину принимали лишь "regenerates" (возрожденных). (По Бейли, "из 40 только одного".) В XIX в. к этому близка церковная теория шотландских индепендентов (см.: Sack. *Op. cit.*), которая также выставляла требование особого решения о приеме в общину. Церковная теория Кейпера сама по себе, конечно, не может быть названа "конгрегационалистской". По Кейперу, религиозный долг отдельных общин повиноваться и входить в единую церковь перестает действовать и уступает место обязательству "separatie" (отделения) (поскольку в одном и том же месте может быть лишь одна законная церковь) лишь в том случае, если "doleantie", то есть старания исправить погрязшую в грехе церковь посредством активного протеста и пассивной обструкции ("doleeren" в значении "протестовать" известно уже в XVII в.), несмотря на все усилия, не увенчались успехом, в результате чего пришлось уступить силе. В этом случае, поскольку в церкви нет "подданных" и сами верующие выполняют функции учрежденной Богом должности, конституирование самостоятельную общину становится долгом верующих. Ибо восстания могут быть и обязанностью перед Богом (см.: K"Ureg. *Net conflict gekomen.*, 1886, p. 30-31). Кейпер, как и Фозт, разделяет старую индепендент-скую точку зрения, согласно которой полноправными членами церкви являются лишь допущенные к причастию и лишь они могут быть поручителями при крещении своих детей; другими словами, верующими в духовном смысле являются лишь внутренне обращенные, в юридическом - лишь допущенные к причастию.

25. Для Кейпера (см.: Kuiper. *Net dreigend conflict*, 1886) также основная предпосылка заключается в том, что не оберегать чистоту причастиа от неверующих-грек (с. 41, ссылка на 1 Кор. II, 26, 27, 29; 1 Тим., 5, 22; Апок., 18, 4). Правда, Кейпер в отличие от "лабадистов" (радикальных пиетистов) полагает, что церковь никогда не выносила суждений о состоянии благодати "перед Богом".

[297]

Однако решающее значение для допущения к причастию имеют, по его мнению, только вера и поведение. На заседаниях синодов XVI и XVII вв. постоянно обсуждаются условия допуска к причастию. Так, решение Южноголландского синода 1574 г. гласит: причащение святым дарам невозможно там, где нет организованной общины, старейшины и диаконы которой несут заботу о том, чтобы не допускались недостойные. По решению Роттердамского синода 1575 г. не допускаются те, кто ведет недостойную жизнь (вопрос этот решался старейшинами общины, а не только проповедником, и сомнения почти всегда выдвигаются общиной, часто вопреки более мягкому суждению проповедника). См., например, случай, приведенный в кн.: Reitsma J., Veen S. V. van. *Acta der provinciale en particuliere synoden, gehouden in de Noordelijke Nederlanden, gedurende de jaren, 1572-1620. Groningen, 1892-1899.* Синод в Лейдене 1619 г. рассматривал вопрос, можно ли допустить к причастию человека, женатого на анабаптистке (ст. 114), слугу "ломбардца" (провинциальный синод в Девентере 1595 г., ст. 24) "банкрота" (синод в Алкмаре 1599 г., ст. II: 1605 г., ст. 28) и человека, заключившего договор с кредиторами (Североголландский синод в Энхёйзене 1618 г.-Gray. *Class. Arnstel.*, № 16). На последний вопрос дается утвердительный ответ в том случае, если консистория находит, что имущество должника (сверх того, что оставлено на пропитание и одежду его и его семьи) может служить достаточной гарантией, особенно если сам кредитор удовлетворен условиями заключенного договора, а должник признает свою вину. О недопущении "ломбардцев" см. выше; о недопущении супругов, неспособных ужиться друг с другом: Reitsma J. *Op. cit.*, III, p. 91; см. также p. 176: о требовании, предъявленном участникам судебного процесса (они обязаны примириться перед причащением), о недопущении их к причастию в период ведения процесса, об условном допуске того, кто проиграл процесс по обвинению в клевете и подал на апелляцию. Впервые исключение из числа причащающихся ввиду отсутствия удовлетворительного результата испытания (в то время испытания

проводились духовником, а не общиной) осуществил Кальвин в страсбургской общине французских эмигрантов. В соответствии с его первоначальной концепцией (см.: *Inst. christ. rel.*, IV, с. 12, §4), в которой отлучение определяется как вынесение божественного приговора, оно, по существу, должно было бы распространяться только на отвергнутых; однако оно рассматривается (*op. cit.*, § 5) также как средство "исправления". В современной Америке баптисты' очень редко применяют формальное отлучение, во всяком случае, в больших городах оно заменяется на практике "dropping", то есть просто исключением из общины. У сектантов и индепендентов типичными носителями церковной дисциплины всегда были миряне, тогда как раннее кальвинистско-пресвитерианское учение стремилось к планомерному осуществлению полного господства над церковью и государством. Тем не менее уже в "Directory" английских пресвитериан 1584 г. (см. прим. 23) устанавливалось, что в *classis* и в высшие инстанции церковного управления миряне должны входить в число, равном числу духовных лиц.

Взаимоотношения между старейшинами и общиной регулировались различным образом. Вслед за Долгим парламентом (пресвитерианским) 1645 г. *Cambridge platform* 1647 г. в Новой Англии также передала старейшинам (мирянам) право не допускать к при-

[298]

частью (*Lord's Supper*). Между тем шотландские индепенденты еще в середине XIX в. направляли сведения о дурном поведении верующих в комиссию; на основании проведенной ею проверки вся община выносила решение об исключении данного лица из числа причащающихся, руководствуясь при этом более строгим толкованием идеи общей ответственности членов общины. Это вполне в духе цитированного выше (прим. 23) браунистского исповедания, поданного Якову I в 1603 г. (см.: *Dexter. Op. cit.*, p. 308); "джонсонисты" же рассматривали суверенную власть (избранных) *elders* (старейшин) в библейском понимании, полагая, что старейшины могут не допустить к причастию и вопреки решению общины (поводом послужила сецессия Аинсворта). Об отношении к этому вопросу ранних английских пресвитериан см. литературу в прим. 19 и названную в прим. 23 диссертацию Пирсона.

26. Этого же принципа придерживались, впрочем, и голландские пиетисты. Так, например, Лоденстейн полагал, что не следует причащаться вместе с "невозрожденными", а к ним он относит всех тех, у кого не обнаруживаются признаки возрождения; он доходит до того, что не советует читать вместе с детьми Отче наш, ибо они еще не могут считаться "детьми Божьими". Еще Кёлер слышал иногда в Нидерландах утверждение, что возрожденные вообще не грешат. Ортодоксальный кальвинизм и поразительная стойкость в следовании Библии были особенно распространены в среде мелкой буржуазии. Именно эти ортодоксальные круги еще в 1852 г. в связи с регулированием церковного устройства сетовали - не доверяя образованным богословам - на незначительное количество мирян в синаодах (а также на отсутствие достаточно строгой "*censura morum*"). Требование, совершенно немислимое для ортодоксально-лютеранской партии Германии. 27. См.: *Dexter H. M. Congregationalism of the last three hundred years, as seen in its literature. N. Y., 1880, p. 97.*

28. Английские пресвитериане елизаветинского времени готовы были принять 39 статей англиканской церкви, за исключением ст. 34-36, которые нас здесь не интересуют.

29. В XVII в. для допуска к причастию баптистов, не являющихся членами местной баптистской общины, необходимо было предъявление аттестации (*letters of recomandation*), что же касается анабаптистов, то их допускали только после испытания и по решению общины (Приложение к изданию: *Hanserd Knollys confession, 1689. West Chester, Pa. 1817*). Для лиц, обладавших требуемой квалификацией, причащение было обязательным: отказ вступить в конституированную по всем правилам общину своего местожительства был скизмой. Вопрос об обязательном сообществе с другими общинами решался аналогично точке зрения Кёйпера (см. прим. 24); при этом, однако, полностью отрицалась какая бы то ни было юрисдикция над отдельными церквями. О *litterae testimoniales* (свидетельствах) у сторонников ковенанта и ранних английских пресвитериан см. выше прим. 23 и приведенную в прим. 19 литературу.

30. См.: *Shaw W. A. A history of the English church during the Civil wars and under the Commonwealth 1640-1660, vol. II. London, 1900, p. 152-165.* *Gardiner S. R. History of the Commonwealth and the Protectorate, vol. III, p. 231.*

31. Против этого выражен протест уже в браунистской петиции 1603 г. Якову I.

[299]

32. Этот принцип высказан, например, в решениях синода в Эдаме от 1585 г. (см.: Reitsma. Op. cit., 139).

33. Сомнения неуверенных в своей квалификации членов общины (на основании ст. 25 Church of England - Церкви Англии) подробно рассмотрены у Бакстера (см.: Baxter. Eccler. dir., II, p. 108).

34. В какой степени и здесь учение о предопределении является наиболее чистым типом и как велико было его практическое значение (совершенно несправедливо подвергающееся постоянным сомнениям), наиболее отчетливо видно из ожесточенного спора о том, следует ли крестить детей тех, кто отвергнут общиной на основании проверки их поведения. Три из четырех прежних амстердамских эмигрантских общин (в начале XVII в.) ответили на это утвердительно. Однако в Новой Англии уступки в этом вопросе были сделаны лишь "Halfway" ковенантом 1657 г. О Голландии см. также прим. 25.

35. См.: Baxter. Op. cit., II, p. 110.

36. Уже в начале XVII в. запрещение религиозных кружков (slijkgeuzen) в Голландии вызвало там подлинный культуркамф. Елизавета со всей решительностью выступила против общин (вплоть до угрозы смертной казни в 1593 г.). Причина заключалась в авторитарном характере аскетической религиозности или, что в данном случае более верно, в попытке духовной власти соперничать со светской властью. (Картрайт настойчиво требовал предоставления церкви права отлучать светских князей.) Да и в самом деле, пример Шотландии, страны классического пресвитерианства с ее церковной дисциплиной и господством клерикальных кругов, направленным против короля, должен был производить устрашающее впечатление.

37. Либерально настроенные амстердамские бюргеры посылали своих детей для прохождения конфирмации в соседние общины к более либеральным проповедникам, чтобы не подвергать их непримиримости и требовательности местных ортодоксов. Kerkraad (церковный совет данной амстердамской общины) отказался (в 1886 г.) признать аттестации нравственности, выданные на стороне, и исключил их обладателей из состава причащающихся; свои действия церковный совет аргументировал тем, что следует блюсти чистоту причастия и прежде всего повиноваться Богу, а не людям. Когда же синодальная комиссия, рассмотрев жалобу отвергнутых, сочла ее оправданной, церковный совет вновь отказался повиноваться решению синодальной комиссии и, самовольно приняв новый устав, предоставляющий церковному совету полную власть над церковью в случае каких-либо несогласий с синодом, вышел из повиновения синоду; освободившиеся таким образом от синодального контроля старейшины (миряне) Рутгерс и Кейпер хитростью захватили, несмотря на поставленную охрану, Nieuwe kerk (см.: Hogerfeil. De kerkelijke strijd te Amsterdam, 1886 и приведенные выше работы Кейпера). Уже в 20-х годах движение, возглавляемое Бильдердейком и его учениками Исааком да Костой и Абрахамом Кападосе (двумя крещеными евреями), привело к расколу. Восставшие выступили в защиту чистоты учения о предопределении (и поэтому против отмены рабства, а в равной степени и против прививок как вмешательства в Божий промысел), против ослабления церковной дисциплины и причащения недостойных. Синод "Afgescheidenen gere-formeerden gemeenten" в Амстердаме (1840) строго запретил на основании дордрехтских канонов какое бы то ни было господство (gezag) "внутри церкви или над ней". К ученикам Бильдердейка принадлежал и Грун ван Принстерпер.

[300]

38. Классическая формулировка этого принципа дана уже в Амстердамском исповедании 1611 г. (Amsterdam confession.-In: Publ. of Hanserd Knollys society, vol. 10). Ст. 16 этого исповедания гласит: "Поскольку члены каждой церкви и конгрегации должны знать друг друга, церковь не должна охватывать такое количество верующих, при котором практически невозможно знать друг друга". Поэтому любой синодальный устав и организация любого органа церковного управления уже сами по себе считались нарушением установленного принципа. Так обстояло дело в Массачусетсе, так было в Англии при Кромвелле, когда постановление парламента от 1641 г., предоставляющее каждой общине право выбирать ортодоксального minister и проводить lectures (религиозные собрания), послужило сигналом к притоку множества баптистов и индепендентов. Отдельная община (в то время, вероятно, еще фактически отдельное духовное лицо) рассматривается как носитель церковной дисциплины уже в опубликованных Ушером

раннепресвитерианских Дедхамских протоколов. О баллотировке при приеме новых членов в протоколе от 22.X. 1582 г. говорится: "Чтобы никто не был принят в данную общину без согласия всех ее членов". Однако уже в 1586 г. эти пуритане отмежевались от браунистов, которые сделали из данного положения конгрегационалистские выводы.

39. "Классы" методистов, которые служили основой совместной их заботы о спасении души, превратились в стержень всей организации. "Класс" состоял из 12 человек; руководителю вменялось в обязанность еженедельно встречаться с каждым членом класса либо дома, либо во время class meeting (собрания класса), где обычно имело место всеобщее покаяние. Руководитель вел записи о поведении каждого члена класса. Такие записи служили основой и для аттестационных свидетельств, выдаваемых при перемене местожительства. Эта организация в настоящее время повсюду, в том числе и в Соединенных Штатах, давно уже пришла в упадок. Однако о характере и мерах воздействия церковной дисциплины раннего пуританизма можно судить хотя бы по указанию вышеназванного Дедхамского протокола, где говорится об "admonition" (предостережении) члену класса, "если братья что-либо обнаружили или выследили".

40. Церковная дисциплина лютеранства (особенно в Германии) была, как известно, мало разработана и очень скоро пришла в совершеннейший упадок. Под влиянием этого обстоятельства, а также чрезвычайно сильного в Германии (хотя существовавшего и в других странах) недовольства, проявляемого государственной властью по отношению к соперничеству автономных и церковных властей, церковная дисциплина была малоэффективна и в реформированных церквях Германии, за исключением Юлих-Клеве и других рейнских областей (тем не менее следы этой дисциплины встречаются вплоть до XIX в.; так, последнее отлучение в Пфальце, где, правда, церковный устав от 1563 г. уже скоро стал на практике трактоваться в эрастианском духе, относится к 1855 г.). Только меннониты и поздние пиеисты создали эффективные меры дисциплинарного воздействия и эффективную организацию дисциплинарного взыскания. (С точки зрения Менно, "видимая церковь" существовала только там, где функционировала церковная дисциплина, обязательным компонентом которой было отлучение за дурное поведение и смешанные браки. Ринсбургские коллегиянты вообще не считались с догматами и

[301]

принимали во внимание только "поведение".) У гугенотов очень строгая сама по себе церковная дисциплина постоянно парализовалась политическими соображениями, связанными с необходимостью сохранить поддержку знати. В Англии сторонниками церковной дисциплины были в первую очередь средние слои буржуазии, так, например, лондонское Сити. Власть клира они не боялись, а церковная дисциплина могла, как они полагали, служить средством для подавления народных масс. Церковная дисциплина находила многочисленных приверженцев и в кругах ремесленников. Меньше, конечно, среди знати и крестьян. Противниками ее были органы политической власти - в Англии, следовательно, парламент. Однако не "классовые интересы" определяют в первую очередь отношение отдельных слоев общества к этому вопросу, а религиозные и наряду с ними политические интересы и убеждения (это становится очевидным даже при поверхностном ознакомлении с источниками). Известна суровость церковной дисциплины в Новой Англии, впрочем, это в равной степени относится и к исконному европейскому пуританству. Major generals и commissioners Кромвеля - проводники церковной дисциплины в период его правления - время от времени вносят предложения изгнать всех "ленивых, распутных и нечестивых людей". У методистов послушников за плохое поведение исключали без каких бы то ни было объяснений; полноправных членов - на основании исследования, проведенного специальной комиссией. О церковной дисциплине гугенотов (которые долгое время фактически вели существование "секты") свидетельствуют данные синодальных протоколов, где, в частности, речь идет о мерах против торговли недоброкачественными товарами и коммерческой недобросовестности вообще (6-й синод Avert, gen., XIV); часто встречаются предписания по поводу одежды; рабство и работоторговля разрешаются (27-й синод); содержатся довольно мягкие практические меры, гарантирующие выполнение требований казны (казна - тиран) - 6-й синод cas. de cone. dec., XIV: против ростовщичества: XV. s. 25 (sr. 2. Syn. gen.. 17; 42). Ранние английские пресвитериане определялись в официальной корреспонденции конца XVI в. как "disciplinarians" (см.: P e arson. Op. cit.).

41. Во всех сектах существовал испытательный срок, у меннонитов, например, он длился inестii месяцев.

42. В "Apologetical narration" пяти индепендентских "dissenting brethren" Вестминстерского синода на первый план выдвигается отмежевание от "casual and formal Christians" (случайных христиан, лишь формально считающихся таковыми). Вначале это было лишь проявлением волюнтаристского сепаратизма, а не отказом от *con-mercium* (деловых связей). Однако первоначально, позже смягченное, требование Робинсона, строгого кальвиниста и сторонника Дордрехтского синода (о нем см.: Dexter. Congregationalism, p. 402), сводилось к тому, что индепендентские сепаратисты не должны общаться с людьми других убеждений, даже если эти люди были, что считалось возможным, избранными. Большинство сект не решалось открыто присоединиться к этому требованию, некоторые даже решительно отвергали его. во всяком случае, в качестве принципа. Бакстер (см.: Baxter. Chr. dir.. II. p. 100) даже полагает, что можно не беспокоиться по поводу совместной молитвы с *ungodly* (нечестивцами) при условии, что ответственность за этот акт несет отец семейства или священник, а не сам молящийся. Впрочем, это совсем не протестантское по своему духу утверждение. "Mijdinge"

[302]

играло для радикальных баптистских сект Голландии весьма значительную роль.

43. Это очень отчетливо проступает в той полемике и борьбе, которые велись внутри эмигрантских сект в Амстердаме в XVII в. Столь же решающим для определения позиции во внутрицерковной борьбе кромвелевского времени был отказ ланкаширцев признать право духовных лиц осуществлять церковную дисциплину и требование передать эти функции мирянам.

44. Назначение старейшин было предметом длительных контrovers между индепендентскими и баптистскими общинами; в данной связи они не представляют для нас интереса.

45. Против этого был направлен ординанс Долгого парламента от 31.XII.1646 г., который мыслился как удар по индепендентам. С другой стороны, принцип *liberty of prophesying* защищался Робинсоном и на литературном поприще. С епископальных позиций в этом вопросе шел на уступки Иеремия Тейлор (см.: Taylor J. The liberty of prophesying, 1647). "Tryers" Кромвеля требовали для соответствующего разрешения письменное подтверждение от шести допущенных членов общины, среди которых должно было быть четыре мирянина. На ранней стадии английской реформации ревностные английские епископы часто не только терпели, но и поощряли различного рода "exercises" и "prophesyings". В Шотландии они в 1560 г. были признаны законным элементом церковной деятельности; в 1571 г. они были введены в Нортхемптоне, а вскоре после этого и в других местах. Однако Елизавета в соответствии с ее прокламацией, направленной против Картрайта, продолжала настаивать на их отмене.

46. Уже Смит выдвинул в Амстердаме требование, которое запрещало возрожденному, читающему проповедь, держать перед собой даже Библию.

47. В настоящее время это нигде больше радикально не проводится. Официальная "легенда" гласит: во время службы те члены общины, на которых, как явствует из опыта, наиболее часто нисходит "дух", сидят на отдельной скамье против других членов общины; в глубоком молчании все ждут, чтобы святой дух нисшел на кого-нибудь из них (или на какого-либо другого члена общины). Во время молитвенного собрания в одном пенсильванском колледже "дух", к большому моему сожалению, нисшел не на старую леди, сидевшую в простой красивой одежде на скамье (на что я втайне надеялся), - ее харизма получила высокое признание, - а (безусловно, по предварительной договоренности) на бравого библиотекаря колледжа, который произнес весьма ученую речь о понятии "saint" (святой).

48. Харизматические перевороты сектантов (типа Фокса и других ему подобных) внутри общин всегда начинались с борьбы против назначенного священника, "наймита", за апостольскую идею бесплатной свободной проповеди, произнесенной по велению святого духа. В парламенте шли ожесточенные споры между конгрегационалистом Гудвином и Принном, который обвинял Гудвина в том, что он вопреки своим принципам принял "living"; Гудвин на это отвечал, что он принимает лишь добровольные даяния. Принцип, в соответствии с которым содержание проповедника обеспечивается лишь добровольными дарами, декларируется в петиции браунистов Якову 1 от 1603 г., пункт 71: на этом основан протест против "popish living" (папистских подношений) и "Jewish tithes" (еврейской десятины).

[303]

49. В "Agreement of the people" (Народное соглашение) от 1 мая 1649 г. это последнее требование предъявляется ко всем проповедникам.

50. Так действовали "local preachers" (местные проповедники) методистов.

51. В 1793 г. в методизме было полностью уничтожено различие между посвященными и не посвященными в сан проповедниками, тем самым не посвященные в сан странствующие проповедники (travelling preachers), то есть миссионеры, характерные для методизма, были приравнены к тем проповедникам, которые получили посвящение в сан внутри англиканской церкви. Вместе с тем странствующие проповедники обрели монопольное право проповедовать во всем "circuit" (округе), и им одним разрешалось предлагать святые дары. (В этот период методисты впервые стали на основе принципиального обоснования сами совершать таинство причастия, хотя в другие часы, чем официальная церковь, к которой они еще продолжали себя причислять.) Поскольку уже к 1768 г. методистским проповедникам запрещалось одновременно занимать гражданские должности, возник новый "клир". С 1836 г. утвердилось формальное посвящение в сан. Новому клиру противостояли рекрутированные из мирян "local preachers", совмещавшие со своей деятельностью в качестве проповедника другие профессии; эти последние были лишены права давать причастие, и их компетенция ограничивалась данной местностью. Лица обеих названных категорий не носили священнического облачения.

52. Большинство этих "circuits" фактически, по крайней мере в Англии, превратились в маленькие приходы, и странствование проповедников стало фикцией. Тем не менее вплоть до наших дней сохранилось правило, что один и тот же minister может служить в одном и том же "circuit" не более трех лет. Новый клир состоял из профессиональных проповедников. Что же касается "local preachers", из которых рекрутировались странствующие проповедники, то это были лица гражданских профессий, каждый раз получавшие разрешение проповедовать в течение года (первоначально). Они были необходимы при наличии бесчисленного множества богослужений и часовен. Но прежде всего они служили стержнем для методистской организации с ее "классами", деятельность которых была направлена на спасение души, следовательно, представляли собой центральный орган церковной дисциплины.

53. Противоречия между Кромвелем и "парламентом святых" обострились также в связи с университетским вопросом (университеты не могли бы существовать, если бы были уничтожены все десятины и церковные доходы). Уничтожить эти очаги культуры, назначение которых в те времена заключалось прежде всего в подготовке богословов, Кромвель решиться не мог.

54. Так было по предложению 1652 г. и, в сущности, по церковному устройству 1654 г.

55. Пример у Гардинера: Gardiner. Fall of the monarchy, 1882, vol. I, p. 380.

56. Вестминстерское исповедание (XXVI, 1) также утверждает принцип обязательной взаимной поддержки как внутри секты, так и вне ее. Многочисленные указания такого рода легко можно обнаружить во всех сектах.

57. В ряде случаев методисты пытались карать за обращение к светскому суду исключением из секты. Вместе с тем они часто сами создавали

[304]

соответствующие инстанции, в компетенцию которых входило рассмотрение жалоб на неаккуратных должников.

58. В старом методизме прекращение платежей в каждом отдельном случае рассматривалось комиссией братьев. Долги, сделанные без твердой уверенности в том, что они могут быть оплачены, служили достаточной причиной для исключения из общины - отсюда и широкий кредит. Ср. приведенное в прим. 25 решение голландских синодов. Обязанность братьев оказывать друг другу необходимую помощь установлена в баптистской Hanserd Knollys confession (с. 28) с характерным пояснением, что тем самым не должна нарушаться святость собственности. В ряде случаев (например, в Cambridge platform, 1647, в изд. 1653 г., 7, № 6) старейшинам со всей решительностью вменяется в обязанность применять дисциплинарное взыскание против тех членов общины, которые живут "without a calling" (без определенного занятия) или ведут себя "idlely in their calling" (ленивы в выполнении своих профессиональных обязанностей).

59. Предписывается также методистами.

60. У методистов эти аттестации первоначально возобновлялись раз в три месяца. Индепенденты на ранней стадии своего развития допускали к причастию, как уже указывалось выше, лишь обладателей tickets. У баптистов для допуска приезжего в общину считалось необходимым предъявление letter of recommendation общины, в которой он состоял раньше. См. приложение к изданию: Hanserd Knollys confession, 1689 (West Chester. Pa, 1827). Уже в трех амстердамских баптистских

общинах начала XVI в. действовала та же система; впоследствии она обнаруживается повсюду. В Массачусетсе с 1669 г. в качестве квалификационного аттестата, необходимого для получения политических и гражданских прав, служило (вместо прежнего допущения к причастию) свидетельство проповедника и select men (выборных) об ортодоксальности в вере и достойном поведении.

61. На это указывает Доил в работе, на которую мы постоянно ссылаемся; с этим он связывает резко выраженный предпринимательский характер поселений Новой Англии, отличающий их от колоний сельскохозяйственного типа.

62. См., например, замечание Доила о сословном строе Новой Англии, где "аристократию" образуют семьи со старыми религиозными и культурными традициями, а не имущие классы.

63. Католическая исповедь была -- мы намеренно повторяем это -- средством облегчения от того тяжелого внутреннего гнета, который постоянно на протяжении всей своей жизни испытывал член секты. Мы здесь не будем касаться того, в какой мере ряд ортодоксальных и еретических религиозных сообществ средневековья можно считать предшественниками аскетических направлений протестантизма.

64. Мы вновь подчеркиваем решающее значение этого пункта, рассмотренного в первой из наших двух статей ("Протестантская этика и дух капитализма"). Основной ошибкой моих критиков было то, что они именно на это не обратили внимания. В дальнейшем, когда мы займемся рассмотрением древнеизраильской этики в ее отношении к очень близким ей в качестве учения египетской, финикийской и вавилонской этикам, мы столкнемся с аналогичным положением.

65. По этому вопросу см. также сказанное выше, во второй части этого раздела, с. 193 и ел. Образование древнеиудейских общин, так же как и общин раннехристианских, влияло -- каждая по-своему -- в одном и том же направлении (иудеев, как мы увидим в дальнейшем, это

[305]

привело к тому, что род утратил свое социальное значение, христианство воздействовало аналогично в период раннего средневековья).

66. См.: Livre des metiers du prevot de Paris Etienne Boileau (1268), ed. Lespinasse et Bonnardon. - In: Histoire generale de Paris, p. II. sect. 8; p. 225, sect. 4.

67. Анализ этих весьма сложных каузальных отношений в данной работе невозможен.

Текст приводится по изданию:

Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с. - (Социологич. мысль Запада).

* То есть в Германии. - Прим. перев.

* Написано в 1920 г. - Прим. перев.

** К какой церкви вы принадлежите? (англ.).

*** Какую службу вы слушали сегодня? (англ.).

**** Индейской территории (англ.).

* Торговавшей чугунами надгробиями (англ.).

** Баптистской церкви (англ.).

* Взгляни на него. Ведь я говорил тебе {англ.}.

** Беспорядочный образ жизни (англ.).

*** Рекомендацию (англ.).

* Евангелие от Луки, 6, 35: "...взаимы давайте, не ожидая ничего" (лат.).

** Христианской науки (англ.).

*** Баллотировки (англ.).

* Честность -- наилучшая политика (англ.).

* Церкви верующих (англ.).

* Злонамеренными людьми (англ.).

** Проповедника (англ.).

*** Старейшин (англ.).

**** Злонамеренных людей (англ.).

* Приходом (англ.).

** Непогрешимость (лат.).

* Округе {англ.}.

Вебер М.

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Метод предлагаемого ниже вводного определения понятий, без которого трудно обойтись, но который неизбежно должен восприниматься как абстрактный и далекий от реальной действительности, отнюдь не претендует на новизну. Напротив, его назначение – сформулировать несколько более целесообразно и корректно, как мы надеемся (что, впрочем, может показаться педантизмом), то, что фактически всегда имеет в виду эмпирическая социология, занимаясь данными проблемами. Это относится и к тем случаям, когда мы вводим как будто непривычные или новые выражения. Терминология в данной статье, по сравнению с другими, по мере возможности упрощена и поэтому в ряде случаев из соображений большей доступности изменена. Стремление к популяризации, правда, не всегда совместимо с соблюдением наибольшей точности и в ряде случаев должно быть принесено ей в жертву.

Понятие социологии и "смысла" социального действия

Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

"Действием" мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. "Социальным" мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него.

1. Методологические основы

1. Слово "смысл" имеет здесь два значения. Он может быть; а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно "правильном" или метафизически постигнутом "истинном" смысле. Этим эмпирические науки о действии – социология и история – отличаются от всех догматических наук – юриспруденции, логики, этики, – которые стремятся обнаружить в своих объектах "правильный", "значимый" смысл.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, т. е. доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других – может быть обнаружено только специалистами. Мистические, т. е. адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Однако способность воспроизвести действие не есть обязательная предпосылка его понимания: "Чтобы понять Цезаря, не надо быть Цезарем". Полное сопереживание – важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются.

3. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стремится к "очевидности". Очевидность понимания может быть по своему характеру либо рациональной (т. е. логической или математической), либо – в качестве результата сопереживания и вчувствования – эмоционально и художественно рецептивной. Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно интеллектуальному пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных эмоциональных связях. Наиболее рационально понятны, т. е. здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях. Мы совершенно отчетливо понимаем, что означает, когда кто-либо в ходе своих мыслей иди аргументации использует правило $2 \times 2 = 4$ или теорему Пифагора или строит цепь логических умозаключений в соответствии с "правильными", по нашим представлениям, логическими законами. Столь же понятны нам действия того, кто, отправляясь от "известных" "опытных данных" и заданной цели, приходит к однозначным (по нашему опыту) выводам в вопросе о выборе необходимых "средств".

Любое истолкование подобного рационально ориентированного целенаправленного действия обладает - с точки зрения понимания использованных средств - высшей степенью очевидности. Если не с такой же полнотой, то все-таки с достаточной ясностью, соответствующей присущей нам потребности в объяснении, мы понимаем такие "заблуждения" (в том числе смешение проблем), которые не чужды нам самим или возникновение которых мы способны посредством вчувствования сопереживать. Напротив, высочайшие "цели" и "ценности", на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять не можем, хотя в ряде случаев способны постичь его интеллектуально; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в сопереживании посредством вчувствования, силой воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удовлетворяться чисто интеллектуальным истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность и попытаться по возможности понять мотивированное ими поведение посредством интеллектуальной интерпретации или приближенного сопереживания (с помощью вчувствования) его общей направленности. Сюда относятся многие высочайшие акты религиозности и милосердия, недоступные тому, для кого они не существуют в качестве ценностей; в равной степени недоступен и крайний рационалистический фанатизм, например, учения о "правах человека" тем, кто полностью его отвергает. Аффекты (страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, мстительность, почтение, преданность, различные стремления) и основанные на них иррациональные (с позиций целерационального поведения) реакции мы способны эмоционально сопережить тем интенсивнее, чем более сами им подвержены; если же они значительно превышают по своей интенсивности доступные нам переживания, мы можем понять их смысл посредством вчувствования и рационально выявить их влияние на характер поведения индивида и применяемые им средства.

Для типологического научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве "отклонений" от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения "биржевой паники" целесообразно сначала установить, каким было бы рассматриваемое поведение без влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве "помех".

Равным образом и при исследовании какой-либо политической или военной акции целесообразно установить, каким было бы поведение участников события при знании ими всех обстоятельств дела, всех намерений и при строго целерационально (в соответствии со значимым для нас опытом) ориентированном выборе средств. Лишь в этом случае возможно свести отклонения от данной конструкции к обусловившим их иррациональным факторам. Следовательно, в подобных случаях конструкция целерационального действия - вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности - служит в социологии типом ("идеальным типом"), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как "отклонение" от чисто рационально сконструированного.

Лишь в этом смысле и только по своей методологической целесообразности метод "понимающей" социологии "рационалистичен". Его не следует, конечно, трактовать как рационалистическую предпосылку социологии; его надо рассматривать только как методический прием и ни в коем случае не делать в данном случае вывод о действительном преобладании рационального в повседневной жизни. Ведь для понимания того, в какой степени рациональные целенаправленные моменты определяют действительное поведение - или не определяют его, - все эти соображения не имеют ни малейшего значения. (Тем самым мы отнюдь не отрицаем возможность неуместного применения рационалистического истолкования. К сожалению, опыт подтверждает реальность такой опасности.)

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с "неодушевленным" или "нечеловеческим" поведением. Каждый артефакт, например, "машина", может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением; без этого соотнесения назначение такого артефакта остается совершенно непонятным. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с

действиями человека, который видит в нем либо "средство", либо цель и ориентирует на это свое поведение. Только в этих категориях возможно понимание такого рода объектов. Чуждыми смыслу остаются все процессы или явления (живой или мертвой природы, связанные с человеком или происходящие вне его), лишенные предполагаемого смыслового содержания, выступающие не в качестве "средства" или "цели" поведения, а являющие собой лишь его повод, стимул или помеху. Так, например, штормовой прилив, в результате которого образовался Долларт в начале XII в., имел (быть может) "историческое" значение в качестве повода к процессу переселения, оказавшего достаточно серьезное влияние на последующую историю названного региона. Процесс угасания и органический жизненный цикл вообще - от беспомощности ребенка до беспомощности старца - имеют, конечно, первостепенное социологическое значение ввиду различий в человеческом поведении, которое всегда ориентировалось и продолжает ориентироваться на это обстоятельство. Иную категорию образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы, как эйфории при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. В конечном итоге положение дел здесь такое же, как и при других недоступных пониманию явлениях. В подобных случаях и в аспекте практической деятельности, и в аспекте понимающего рассмотрения они принимаются как "данность", с которой надо считаться.

Возможно, что в будущем исследование выявит недоступное пониманию единообразие в специфически осмысленном поведении, хотя до сих пор такие закономерности установлены не были. Так, различия в биологической наследственности (например, "расовые") - если и поскольку были бы сделаны статистически подтвержденные выводы об их влиянии на тип социологически релевантного поведения, особенно на социальное поведение, в аспекте его смысловой соотнесенности - следовало бы принять в социологии как данность, наподобие того как принимаются физиологические факты, такие, как потребность человека в питании или воздействие старения на его поведение. Признание каузального значения таких данных, безусловно, ни в какой мере не изменило бы задач социологии (и наук о поведении вообще), которые заключаются в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий. Социология должна была бы в этом случае только включить в определенные пункты своих допускающих интерпретированное понимание мотивационных связей факты, недоступные пониманию (например, типическую связь между повторяемостью определенной целевой направленности или степенью его типической рациональности с черепным индексом или цветом кожи или какими-нибудь другими наследственными характеристиками), которые отчасти принимаются во внимание и теперь...

* 5. Понимание может быть:

1) непосредственным пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно "понимаем", например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действия).

Но пониманием мы называем также:

2) объясняющее понимание. Мы "понимаем" мотивационно, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это сделал именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам смыслу данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую связь (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (т. е. рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, т. е. иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие,

обусловленное аффектом, т. е. иррациональное по своим мотивам). Все это - понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, "объяснить" означает постичь смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие. (О каузальном значении этого объяснения см. ниже, § 6.) Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, где о "предположении" в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении).

6. "Понимание" во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий); б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений); в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом чистом типе ("идеальном типе") некоего часто повторяющегося явления. Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и "законы". Они показывают, каким было бы определенное человеческое поведение, если бы оно носило строго целерациональный характер, было бы свободно от заблуждений и аффектов и если бы оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономику). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно соответствует конструкции идеального типа. Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную значимость и всегда остается лишь наиболее вероятной гипотезой. а. "Мотивы", которые данный индивид приводит, и те, которые он "подавляет" (т. е. скрытые мотивы), часто настолько маскируют - даже в сознании самого действующего лица - подлинную связь его действий, что и субъективно искренние свидетельства имеют лишь относительную ценность. В этом случае задача социологии - выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, невзирая на то что она обычно (или большей частью) не может считаться полностью конкретно предполагаемой, осознанной индивидом. Это - пограничный случай истолкования смысла поведения, б. В основе поведения, представляющегося нам "одинаковым" или "похожим", могут лежать самые различные смысловые связи, и мы "понимаем" значительно отклоняющиеся друг от друга, подчас противоречивые типы поведения в ситуациях, которые мы считаем "однородными". (Примеры этого см. в работе Зиммеля "Проблемы философии истории".) в. Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, "понимаем". Однако в какой степени и с какой силой выражают себя в поведении человека эти различные, ведущие "мотивационную борьбу", одинаково нам понятные смысловые связи, удается, как показывает опыт, установить в большинстве случаев лишь приближенно, и уж во всяком случае без полной уверенности в правильности наших выводов. Подлинное решение данного вопроса дает лишь результат мотивационной борьбы. Следовательно, здесь, как и при любой другой гипотезе, необходимую верификацию нашего понимания смысла и его истолкования дает результат, фактический ход событий. К сожалению, такая верификация может быть с относительной точностью достигнута при проведении психологических экспериментов только в редких, специфических по своему типу случаях - с самой различной степенью приближенности (также в ограниченном числе случаев) при статистическом исчислении однозначных массовых явлений. В остальном мы располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме одного решающего пункта - "мотива" или "импульса", исследуемого нами в его практическом значении. Это - важная задача сравнительной социологии. Часто, правда, остается только возможность применить столь ненадежное средство, как "мысленный эксперимент"; он состоит в том, что мы мысленно устраним отдельные компоненты мотивационного ряда и конструируем затем вероятный процесс развития, чтобы таким образом применить метод каузального сведения. Например, так называемый "закон Грешема" - это рационально убедительное истолкование человеческого поведения при заданных условиях и идеально-типической предпосылке чисто целерационального поведения. В какой степени действительные действия соответствуют этому закону, показывает только (выраженный в принципе в той или иной мере статистический) подсчет, свидетельствующий о фактическом исчезновении из денежного обращения неполноценных монет; в самом деле, как

правило, опыт в значительной степени подтверждает значимость "закона Грешема". В данном случае познание фактически шло таким путем: сначала был получен экспериментальный материал, затем сформулировано его истолкование. Однако без такой интерпретации фактов мы не могли каузально объяснить данное явление. С другой стороны, отсутствие доказательства, что мысленно установленный (мы будем исходить из этого) характер поведения действительно в той или иной степени встречается, означало бы, что, невзирая на его теоретическую убедительность, данный "закон" - просто конструкция, не представляющая ценности для анализа конкретного поведения людей. В нашем примере соответствие адекватности по смыслу и верификации посредством опыта очевидно; достаточное количество таких случаев подтверждает значимость произведенной проверки. Что касается остроумной, убедительной гипотезы Э. Майера о каузальном значении битв при Марафоне, Саламине и Платеях для специфического развития эллинской (а, следовательно, и всей западной) культуры, гипотезы, в которой он опирается на ряд симптоматических моментов (на отношение к персам эллинских оракулов и пророков), то она может быть проверена только с помощью данных о поведении персов там, где они одержали победу (в Иерусалиме, Египте, Малой Азии), хотя и такое доказательство остается во многих отношениях несовершенным. Аргументом в пользу указанной гипотезы может служить ее серьезная рациональная убедительность. Однако в очень многих случаях, казалось бы, вполне убедительного исторического каузального сведения нет ни малейшей возможности прибегнуть даже к такой проверке, которая оказалась возможной в предыдущем примере. Тогда каузальное сведение остается чистой "гипотезой".

7. "Мотивом" называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия. "Адекватным смыслу" мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. "Каузально адекватной" мы назовем последовательность событий, если в соответствии с опытными правилами можно предположить, что она всегда будет таковой. (Адекватным смыслу является правильное в соответствии с принятыми нормами исчисления или мышления решение задачи. Каузально адекватной - в рамках статистической повторяемости - основанная на опытных правилах вероятность "правильного" или "неправильного" - соответственно упомянутым нормам - решения, следовательно, и вероятность типичной "ошибки в вычислениях" или типичного "смещения проблем".) Следовательно, каузальное объяснение означает, что в соответствии с правилом вероятности (каким-либо образом выраженным, редко - в идеальном случае - квантитативно) за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) событием следует определенное другое событие (или сопутствует ему). Правильное каузальное толкование конкретного действия означает, что соответствие внешнего хода событий его мотивам познано правильно и что они стали понятны по смыслу своего соотношения. Правильное каузальное толкование типичного действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, невзирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с непонятной (или не вполне понятной) статистической вероятностью. С другой стороны, даже самая очевидная адекватность смыслу имеет для социологии значение правильного каузального определения лишь в той мере, в какой может быть доказана вероятность (любым образом выраженная) того, что рассматриваемое действие в самом деле обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточно точное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае). Лишь такого рода статистические виды регулярности, которые соответствуют субъективно понятному смыслу социального действия, являются (в принятом здесь значении) типами понятного действия, т. е. "социологическими закономерностями". Лишь те рациональные конструкции понятного по своему смыслу действия представляют собой социологические типы реальных процессов, которые хотя бы приближенно можно наблюдать в реальности. Дело совсем не в том, что реальная вероятность повторяемости действия всегда прямо пропорциональна возможности выявить его адекватность смыслу. В каждом данном случае это устанавливается только экспериментальным путем. Объектом статистических исчислений могут быть как лишние смысла, так и осмысленные

процессы. (Существует статистика смертности, утомляемости, машинной производительности, выпадения осадков.) Социологическая же статистика занимается исчислениями только осмысленных процессов (статистика уголовных преступлений, профессий, цен, посевной площади). Само собой разумеется, что часто встречаются случаи, объединяющие оба типа; сюда относится, например, статистика урожайности.

8. События и единообразия, которые, будучи в принятом здесь смысле непонятными, не могут быть определены как "социологические факты" или закономерности, конечно, не становятся от этого менее валидными. В том числе и для социологии в принятом здесь смысле этого слова. (Мы ограничиваемся в нашем исследовании "понимающей социологией", не собираясь никому ее навязывать, что, впрочем, и не в наших силах.) Они просто перемещаются - и это методически необходимо - в другую сферу условий, поводов, помех, благоприятных факторов и т.п.

9. "Поведение" в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких отдельных лиц.

Для иных познавательных целей, может быть, и полезно, даже необходимо рассматривать, например, индивида как объединение "клеток" или совокупность биохимических реакций или полагать, что его "психическая" жизнь конституируется из ряда отдельных элементов (квалифицированных любым образом). Такой метод, бесспорно, может дать ценные познавательные данные (каузальные правила). Однако это выраженное в правилах поведение элементов мы не понимаем. Не понимаем и тогда, когда речь идет о психических элементах, причем тем в меньшей степени, чем точнее они постигнуты в их естественно-научном значении. Для интерпретации, основанной на предполагаемом смысле, такой метод неприемлем. Между тем для социологии (в принятом здесь значении слова) и истории объектом постижения является именно смысловая связь действий. За поведением физиологических единиц, например, клеток или каких-либо психических элементов мы можем (в принципе, во всяком случае) наблюдать и пытаться вывести из этого наблюдения какие-либо заключения, устанавливать правила ("законы") и с их помощью каузально объяснять, т. е. подводить под правила отдельные феномены. Однако интерпретирующее понимание поведения принимает во внимание подобные факты и правила лишь в той мере (и в том смысле), как и любые другие - физические, астрономические, геологические, метеорологические, анатомические, субъективно не осмысленные психопатологические факты или естественно-научные условия технических фактов.

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать социальные образования ("государство", "ассоциацию", "акционерное общество", "учреждение") совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования - просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являются понятными для нас носителями осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может игнорировать коллективные мысленные образования, полученные с других позиций. Ибо толкование поведения связано с этими коллективными понятиями следующим образом:

а. Социология также часто вынуждена пользоваться подобными коллективными понятиями (нередко совершенно одинаково обозначая их), для того чтобы вообще обрести понятную терминологию. Так, например, в юридической и повседневной речи под "государством" понимают как понятие, так и фактическое социальное поведение, для которого должны быть значимы правовые установления. Для социологии в понятие "государство" необязательно входят только релевантные в правовом отношении компоненты или именно они. И уж во всяком случае, она не занимается "действиями" коллективных субъектов. Если в социологии речь идет о "государстве" или "нации", об "акционерном обществе" или о "семье", о "воинском подразделении" и других "образованиях" такого рода, то имеется в виду только определенный тип поведения отдельных людей, конкретный или конструированный в качестве возможного. Другими словами, в юридическое понятие, которое здесь используется из-за точности и распространенности, вводится совсем иное смысловое содержание.

б. При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования, заимствуемые социологией из повседневного, юридического (или любого другого специального по своему характеру) мышления, являют собой определенные представления в умах конкретных людей (не только судей и чиновников, но и "публики") о том, что отчасти реально

существует, отчасти должно было бы обладать значимостью; на эти представления люди ориентируют свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей, в первую очередь как представления о том, что должно (или не должно) иметь значимость. Современное государство в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей потому, что определенные люди ориентируют свои действия на представление, что оно существует или должно существовать; потому, следовательно, что юридически ориентированные установления сохраняют свою значимость. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Если бы в рамках чисто социологической терминологии и можно было полностью исключить (что было бы проявлением излишнего педантизма, осложняющего исследования) эти понятия – используемые в повседневной речи не только там, где они должны иметь юридическую силу, но и в применении к реальным событиям – и заменить их новыми терминами, то для данного важного явления даже это, безусловно, исключено.

в. Метод так называемой "органической" социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле "Структура и жизнь социального тела") направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от "целого" (например, "народного хозяйства", в рамках которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как в физиологии объясняется функция "органа" тела в "системе" организма, т. е. с точки зрения "сохранения" организма в целом). (Ср. знаменитое изречение в лекции одного физиолога: "§ X. Селезенка. О селезенке, господа, мы ничего не знаем. Вот все о селезенке!". Конечно, этот физиолог достаточно много "знал" о селезенке – ему было известно, где она находится, известны ее величина, форма и т.п.; он не мог только определить ее "функцию", и отсутствие такой возможности он называл "незнанием".) Здесь мы не будем касаться того, в какой мере в других дисциплинах функциональный метод, рассмотрение частей некоего "целого" считается (вынужденно) исчерпывающим; известно, что в биохимическом и биомеханическом анализе указанный метод признан недостаточным. В интерпретирующей социологии такой метод может служить следующим целям:

1. Практической наглядности и предварительной ориентации. В этой его функции он бывает чрезвычайно полезен, даже необходим; однако переоценка его познавательной ценности и излишняя его реификация могут принести большой вред.

2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого важно для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только начинается. Ведь изучая "социальные образования" (в отличие от "организмов"), мы способны выйти за пределы простого установления функциональных связей и правил ("законов") и дать то, что совершенно недоступно всем "естественным наукам" (устанавливающим для событий и образований каузальные правила, на основании которых затем "объясняются" отдельные события). Мы понимаем поведение отдельных индивидов, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы "понять" не можем, а можем только постичь его функционально, а затем установить правила данного процесса. Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Мы оставляем в стороне вопрос, в какой мере поведение животных может быть нам "понятным" по своему смыслу, а также обратное: в какой мере смысл наших действий "понятен" животным – и то и другое очень неопределенно по своему значению и своим границам, – другими словами, мы не ставим здесь проблему, в какой мере теоретически мыслима социология, изучающая отношение человека к животным (домашним и диким). Многие животные "понимают" приказание, гнев, любовь, агрессивность и часто реагируют на них совсем не только механически и инстинктивно, но в какой-то степени сознательно, осмысленно и ориентируясь на свой опыт. По существу, и наша способность вчувствоваться в "понимание первобытных людей" не многим больше. Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем верными средствами; либо располагаем ими в очень незначительной степени: известно, что проблемы психологии животных столь же интересны, сколь трудны. Мы знаем, что в животном мире существуют сообщества – моногамные и полигамные "семьи", стада, стаи, даже "государство" с разделением функций. (Степень дифференцирования функций в сообществах животных отнюдь не параллельна степени дифференцированности органов

или морфологического развития у данного вида животных. Так, дифференцированность функций у термитов, а вследствие этого и их артефакты, значительно превышает таковую у муравьев и пчел.) Само собой разумеется, что в настоящий момент очень часто решающим является чисто функциональный подход, т. е. выявление главных функций в сообществах животных - добывание пищи, защита от нападения, забота о потомстве, образование новых сообществ, - функций, которые выполняют отдельные типы этих сообществ - "трутни", "матки", "рабочие", "солдаты", половые особи, самки-заменительницы и т.д.; таким выявлением функций исследование должно удовлетвориться. Все то, что до сих пор выходило за пределы таких данных, было либо просто спекуляциями, либо исследованием степени, в какой развитие этих "социальных" свойств определялось, с одной стороны, наследственностью, с другой - средой. (Такой характер носят контroversии между Вейсманом, в значительной степени оперирующим внеэмпирическими дедукциями в своей книге "Allmacht der Naturzucht", и Гетте.) Впрочем, все серьезные исследователи полагают, что применение одного функционального метода в данной области лишь временное, как они надеются, явление, вызванное необходимостью удовлетвориться доступным науке в данный момент. (Таково, например, состояние исследования термитов в работе Эмериха, 1909 г.) Цель, конечно, состоит не только в том, чтобы понять достаточно легко постижимую "важность для сохранения вида" тех функций, которые выполняют упомянутые дифференцированные типы, или как объясняют эту дифференциацию те, кто отвергает наследственные признаки, и те, кто принимает данную точку зрения (а в последнем случае и характер ее толкования); мы хотим также знать: 1) какие решающие факторы определяют первичную дифференциацию типов внутри нейтрального недифференцированного вида; 2) что заставляет дифференцировавшийся вид действовать (в среднем) именно таким образом, чтобы дифференцированная группа продолжала существовать. Повсюду, где в решении перечисленных вопросов наблюдался известный прогресс, знание достигалось экспериментальным путем посредством выявления (или предположения) роли химических раздражителей или моментов физиологического процесса (факторов, связанных с питанием, с ролью насекомых-паразитов и т.д.) у отдельных индивидов. В какой мере можно надеяться на весьма проблематичную возможность того, что удастся экспериментально установить также наличие "психологической" и "смысловой" ориентации у животных, вряд ли может определить даже специалист. Контролируемые данные о психике подобных социальных индивидов животного мира, допускающие "понимание" ее смысла, представляются нам даже в качестве идеальной цели доступными лишь в самых узких рамках. Совершенно очевидно, во всяком случае, что это не будет способствовать нашему "пониманию" социального поведения людей. Наоборот, в психологии животных мы пользуемся и должны пользоваться аналогиями с психикой людей. Можно, пожалуй, ожидать, что когда-нибудь такие аналогии окажутся полезными для постановки вопроса: как оценивать на ранних стадиях социальной дифференциации в человеческом обществе значение чисто механической, инстинктивной дифференциации в ее отношении к субъективно понятному по своему смыслу, а затем к сознательно, преднамеренно рациональному поведению? Исследователи в области понимающей социологии должны, конечно, отчетливо представлять себе, что на ранней стадии человеческого общества - и здесь безусловно - преобладал первый компонент и что на более поздних стадиях его воздействие (причем чрезвычайно важное воздействие) также сохранилось. Всякое "традиционное" поведение (§ 2) и глубокие пласты "харизмы" в качестве зародыша психической "инфекции" и тем самым носителя "раздражителей" социологического "развития" очень близки в своих незаметных градациях подобным, лишь биологически постигаемым, процессам, которые недоступны отчетливо интерпретирующему пониманию (или доступны ему лишь частично) и мотивационному объяснению. Однако все это не освобождает понимающую социологию от задачи, которая заключается в том, чтобы, сознавая тесные границы своих возможностей, она совершала то, что только ей дано совершить. Когда Отмар Шпанн в ряде своих работ (где наряду с некоторыми заблуждениями часто встречаются интересные мысли, но, к сожалению, используется аргументация на основе чисто оценочных суждений, недопустимая в эмпирическом исследовании) акцентирует значение для социологии - никем, впрочем, серьезно не оспариваемое - предварительной функциональной постановки вопроса, называя это "универсальным методом", он, безусловно, прав. Мы, конечно, должны прежде всего знать, какое поведение функционально важно с точки зрения "сохранения" (но также, и прежде всего, культурного своеобразия!) типа социального действия и его определенным образом направленного развития, чтобы затем иметь возможность поставить вопрос,

как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют. Сначала надо знать, что делают "король", "чиновник", "предприниматель", "сутенер", "колдун", т. е. какое действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу. (Риккертовское понятие "отнесения к ценности".) Однако только посредством этого анализа социологическое понимание дает то, что оно может и должно дать в вопросе о поведении людей, дифференцированных по различным типам (и только в человеческом обществе). Что касается невероятного заблуждения, будто "индивидуалистический" метод означает (в каком бы то ни было смысле) индивидуалистическую оценку, то его следует отвергнуть столь же решительно, как и мнение, согласно которому неизбежный (относительно) рационалистический характер образования понятий свидетельствует о вере в преобладание рациональных мотивов или, более того, о политической оценке "рационализма". Социалистическая экономика должна быть социологически исследована, т. е. интерпретирована и понята, совершенно так же "индивидуалистично", т. е. исходя из поведения отдельных людей, из действующих в ней типов "функционеров", как явления товарно-денежного обмена интерпретируются с помощью теории предельной полезности (или какого-либо другого "лучшего" - если таковой будет найден, - но в этом пункте аналогичного метода). Исследование основных проблем эмпирической социологии всегда начинается с вопроса: какие мотивы заставляли и заставляют отдельных "функционеров" и членов данного "сообщества" вести себя таким образом, чтобы подобное "сообщество" возникло и продолжало существовать? Любое функциональное (отправляющееся от "целого") образование понятий служит здесь лишь предварительной стадией, польза и необходимость которой не вызывают никакого сомнения, если оно проведено правильно.

10. "Законы", как обычно называют некоторые положения понимающей социологии, например, "закон Грешема", являют собой подтвержденную наблюдением типическую вероятность того, что при определенных условиях социальное поведение примет такой характер, который позволит понять его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид. Понятны и однозначны эти "законы" могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс основан на чисто целерациональных мотивах (или же последние мотивы из соображений методической целесообразности положены в основу конструированного типа), а отношение между средством и целью эмпирически определено как однозначное (при "неизбежности" средства). В этом случае можно утверждать, что при строго целерациональном характере поведения оно должно быть именно таким, а не иным (так как преследующие определенную однозначную цель индивиды могут по "техническим" причинам располагать только этими средствами). Данный случай показывает также, насколько неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было "психологию". Психологию теперь каждый понимает по-своему. Определенные методологические цели оправдывают в ряде случаев применение естественно-научного по своему характеру деления на "физическое" и "психическое", совершенно чуждое в этом смысле наукам о поведении. Результаты психологической науки, которая исследует средствами естественных наук и естественно-научной методики действительно только "психическое" и, следовательно, не стремится - что уж совсем другое - истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого смысла, могут, конечно, в отдельных случаях (совершенно независимо от методов психологического анализа), так же как выводы любой другой науки, иметь значение для социологии; и действительно, значимость их часто очень высока. Однако социология не находится в более близком отношении к ней, чем ко всем другим наукам. Ошибка связана с понятием "психическое": все то, что не есть "физическое", есть якобы "психическое". Но ведь смысл математической задачи, который индивид имеет в виду, не относится к области "психического". Рациональные размышления человека о том, соответствуют ли определенные действия определенным интересам по ожидаемым последствиям, и принятое в соответствии с полученным результатом решение ни в коей мере не становятся нам понятнее в результате "психологических" изысканий. Между тем именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и политическую экономию) основывает большинство своих "законов". При социологическом объяснении иррациональных моментов поведения понимающая психология в самом деле может оказать серьезную помощь. Однако такая возможность ничего не меняет в методологическом отношении.

11. Социология конструирует - мы уже многократно указывали на данное обстоятельство как на само собой разумеющуюся предпосылку - типовые понятия и устанавливает общие правила явлений и процессов. Этим она отличается от истории, которая стремится дать каузальный анализ и каузальное сведение индивидуальных, обладающих культурной значимостью действий, институтов и деятелей. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм материал в значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Социология разрабатывает свои понятия и выявляет закономерности также и под тем углом зрения, поможет ли это историческому каузальному сведению важных культурных явлений. В социологии, как и во всякой генерализующей науке, своеобразии социологических абстракций ведет к тому, что ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно) лишены полноты содержания. Вместо этого социология дает большую однозначность понятий. Такая однозначность достигается наивысшей - по возможности - смысловой адекватностью, что и является целью образования социологических понятий. Указанная цель может быть с наибольшей полнотой реализована - и на этом мы преимущественно фиксировали внимание в предыдущем изложении - в рациональных (ценностно-рациональных и целерациональных) понятиях и обобщениях. Однако социология пытается выразить в теоретических, адекватных смыслу понятиях и иррациональные (мистические, пророческие, духовные, эмоциональные) явления. Во всех случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени приближения исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях "феодальным", в других - "патримониальным", в третьих - "бюрократическим", в некоторых - "харизматическим". Для того чтобы перечисленные слова имели однозначный смысл, социология должна, в свою очередь, создавать "чистые" ("идеальные") типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая смысловая адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно идеальной, чистой форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума. Лишь с помощью чистого ("идеального") типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология, сверх того, в ряде случаев пользуется и средним типом, эмпирико-статистическим по своему характеру; это понятие не требует особого методологического разъяснения. Однако когда в социологии говорится о "типических" случаях, всегда имеется в виду идеальный тип, который сам по себе может быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономии, например, всегда) он рационален, но всегда независимо от этого конструируется адекватно смыслу.

Надо ясно отдавать себе отчет в том, что в области социологии "среднее", а следовательно, и "средние типы" можно в некоторой степени однозначно образовать только там, где речь идет о различии в степени качественно однородных, определенных по своему смыслу поведений. Это иногда встречается. В большинстве случаев, однако, исторически или социологически релевантное поведение испытывает воздействие гетерогенных мотивов, свести которые к некоему "среднему" в подлинном смысле слова совершенно невозможно. Названные идеально-типические конструкции социального поведения, создаваемые, например, экономической теорией, "далеки от действительности" в том смысле, что их значение находит свое выражение в следующем вопросе: каким было бы поведение при идеальной и чисто экономически ориентированной целерациональности? Тем самым поведение, в котором какую-то роль, безусловно, играют также традиции, аффекты, заблуждения, воздействие внеэкономических целей и соображений, может быть понято, во-первых, в той мере, в какой оно в данном конкретном случае определяется также и экономически целерационально, или - если речь идет о поведении в среднем - обычно именно так и определяется; во-вторых, понимание его подлинных мотивов облегчается именно установлением отличия реального процесса от идеально-типической конструкции. Совершенно так же следовало бы конструировать идеальный тип последовательного мистического обусловленного акосмического отношения к жизни (например, к политике и экономике). Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение. Конкретное каузальное сведение отдельных событий в историческом исследовании, по существу, носит такой же характер. Так, например, объясняя, как

проходила кампания 1866 г., необходимо сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности расположили бы свои войска Мольтке и Бенедикт, если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находится он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально объяснить отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом, и здесь латентно используется идеально-типическая конструкция.

Конструированные социологические понятия идеально-типичны не только в применении к внешним событиям, но и к явлениям внутренней жизни людей. "Предполагаемый смысл" реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно "ощущает" этот смысл, а отнюдь не знает его, "ясно его себе не представляет"; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды, отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В реальной действительности подлинно эффективное, т. е. полностью осознанное и ясное по своему смыслу, поведение - всегда лишь пограничный случай. Об этом необходимо помнить при исследовании реальности в исторической и социологической науке. Однако последнее обстоятельство не должно препятствовать образованию социологических понятий посредством классификации возможных типов "предполагаемого смысла", т. е. исходя из того, что поведение действительно ориентировано на его субъективно осознанный смысл. В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения - непосредственная задача социологии. Исследователю очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными "идеально-типическими" процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым.

2. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. "Другие" могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей. (Так, например, "деньги" служат средством обмена, которое действующее лицо принимает потому, что ориентирует свои действия на ожидание готовности со стороны многочисленных незнакомых и неопределенных "других", в свою очередь, принять их впоследствии в процессе обмена.)

2. Не все типы действия - в том числе и внешнего - являются "социальными" в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение внешних объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т. д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально тогда и постольку, если и поскольку оно принимает во внимание поведение других. В самом общем и формальном выражении, следовательно, - если в таком хозяйствовании отражено признание третьими лицами фактических прав данного индивида распоряжаться своим хозяйством по своему усмотрению. В материальной сфере подобная ситуация может быть выражена, например, в том, что в таком хозяйствовании при потреблении принимается во внимание также и будущая потребность третьих лиц, и "запасы" отчасти ориентируются на это; или если при производстве продуктов в основу ориентации положен предполагаемый спрос на них третьих лиц в будущем.

3. Не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер; социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения - последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта - является уже "социальным действием".

4. Социальное действие не идентично ни а) единообразному поведению многих людей, ни б) тому, на которое влияет поведение других, а. Если многие люди на улице

открывают во время дождя зонты, то это (как правило) не означает, что действие человека ориентировано на поведение других, это просто однотипные действия для защиты от дождя, б. Известно, что на поведение человека оказывает сильное влияние просто тот факт, что он находится среди столпившейся "массы" людей (предмет "массовой психологии", исследуемый в работе Лебона); такое поведение определяется как поведение, обусловленное массовостью. Индивид может также оказаться объектом массового воздействия со стороны рассеянных масс людей, если они влияют на него одновременно или последовательно (например, через прессу), и он воспринимает их поведение как поведение многих. Реакции определенного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью "массы", другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства - веселье, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве (или не возникли бы с такой легкостью), при этом (во многих случаях, по крайней мере) между поведением индивида и фактом его причастности к толпе может не быть осознанной связи. Подобное поведение, обусловленное (или отчасти обусловленное) только фактом присутствия в толпе как таковым, выражающееся в простой реакции на данное обстоятельство и не соотношенное с ним по своему смыслу, не входит в понятие "социального действия" в установленном нами значении. Правда, различие здесь с уверенностью провести трудно. Так, например, не только демагог, но и сама массовая аудитория может в различной степени и с различной отчетливостью осмысливать свою связь с фактом "массовости". Далее, просто "подражание" поведению других (чему Г.Тард с полным основанием придает большое значение) не является специфически "социальным поведением", если оно только реактивно и не ориентировано на поведение другого лица. Граница и в данном случае настолько размыта, что в ряде случаев едва ли можно провести должное различие. Однако тот факт, что индивид заимствует у других что-либо показавшееся ему целесообразным, не составляет социального действия в нашем понимании. Ориентация здесь не на поведение другого; индивид посредством наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на них он ориентируется в своем поведении. Его действие каузально, но не осмысленно определено поведением другого лица. Напротив, если поведению других подражают потому, что оно "модно", считается традиционным, образцовым, "престижным" или из каких-либо иных соображений такого рода, то такое подражание по своему смыслу соотносено либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением третьих лиц, либо с поведением тех и других. Между этими типами есть, конечно, множество промежуточных стадий, феномен обусловленности массовостью и феномен подражания не разделяются четкими границами, являют собой пограничные случаи социального действия и будут еще неоднократно встречаться в нашем изложении... Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже осознаны, а еще реже - осознаны полностью. Уже по одному этому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое "влияние" и осмысленную "ориентацию". Однако концептуально их разделять необходимо, хотя чисто "реактивное" подражание имеет по крайней мере такое же социологическое значение, как "социальное поведение" в собственном смысле слова. Социология занимается отнюдь не одним "социальным действием", но оно являет собой (во всяком случае, для той социологии, которой мы здесь занимаемся) ее центральную проблему, конститутивную для нее как для науки. Впрочем, тем самым мы отнюдь не утверждаем, что эта проблема вообще важнее других.

II. Мотивы социального действия

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) целерациональным, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве "условий" или "средств" для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели, 2) ценностно-рациональным, основанным на вере в безусловную - эстетическую, религиозную или любую другую - самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) аффективным, прежде всего эмоциональным, т. е. обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) традиционным, т. е. основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию, находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо

"осмысленно" ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки. Большая часть привычного повседневного поведения людей близка к данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что верность привычке может быть здесь осознана различным образом и в различной степени...

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что "осмысленно", осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, находит свое выражение в сознательной эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В таком случае этот тип уже почти всегда близок к "ценностной рационализации", или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и последовательно планируемой ориентацией на нее. Общее их свойство заключается в том, что смысл для них состоит не в достижении какой-либо внешней цели, а в самом определенном по своему характеру поведении как таковом. Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности "предмета" любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено "заповедям" или "требованиям", в повиновении которым видит свой долг данный индивид. Лишь в той мере, в какой человеческое действие ориентировано на них - что встречается достаточно редко и в очень различной, большей частью весьма незначительной степени, - можно говорить о ценностно-рациональном действии. Как станет ясно из дальнейшего изложения, значение последнего настолько серьезно, что позволяет выделить его в особый тип действия, хотя здесь и не делается попытка дать исчерпывающую в каком-либо смысле классификацию типов человеческого действия.

4. Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, т. е. действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего, не эмоционально) и не традиционно. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть, в свою очередь, ориентирован ценностно-рационально - тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид может также включить конкурирующие и сталкивающиеся цели (без ценностно-рациональной ориентации на "заповеди" и "требования") просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их сознательно взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип "предельной полезности"). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее самодовлеющая ценность поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга). Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже, в сущности, лишь пограничный случай.

5. Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и сама эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентации действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или - что встречается значительно чаще - из которых оно состоит. Для нас доказательством их целесообразности может служить только результат исследования.

III. Социальное отношение

Социальным "отношением" мы будем называть поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно состоит в

возможности того, что социальное поведение будет носить доступный (осмысленному) определению характер; на чем эта возможность основана, здесь значения не имеет.

1. Тем самым признаком данного понятия служит - пусть даже минимальная - степень отношения одного индивида к другому. Содержание этого отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, "выполнение" соглашения, "уклонение" или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера; сословная, национальная или классовая общность (в последнем случае - если такие отношения выходят за рамки простых совместных действий и являются социальным поведением...) Таким образом, понятие "социальное отношение" как таковое ничего не говорит о том, идет ли речь о "солидарности" действующих лиц или о прямо противоположном.

2. Речь здесь идет о предполагаемом участниками эмпирическом смысле - о действительном или усредненном в конкретном случае, о конструированном в "чистом" типе, но никогда - о нормативно "правильном" или метафизически "истинном". Социальное отношение имеется даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как "государство", "церковь", "сообщество", "брак" и т.д. и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотношенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет.

Об этом следует всегда помнить во избежание субстанциального толкования указанных понятий. "Государство", например, перестает "существовать" в социологическом смысле, как только исчезает возможность функционирования определенных типов осмысленно ориентированного социального действия. Такая возможность может быть очень большой или минимальной. Однако только в этом смысле и в той мере, в какой она действительно (приблизительно) существовала или существует, существовало или существует и данное социальное отношение. Никакого другого ясного смысла утверждение, что какое-либо "государство" существует или уже не существует, не может иметь.

3. Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение одинаковый смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в этом смысле здесь существует взаимность. "Дружба", "любовь", "уважение", "верность договору", "чувство национальной общности", присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно "односторонним" для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотношено, поскольку действующий индивид предполагает (может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что определенная установка по отношению к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру, и на такое ожидание он ориентирует свое поведение, что может, в свою очередь, иметь (и обычно имеет) серьезные последствия как для его поведения, так и для дальнейших отношений между данными индивидами. Объективно "двусторонним" отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотношено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров, например, если установка отца соотносится с установкой его детей хотя бы приблизительно так, как того ожидает (в отдельном или типическом случае) отец. В реальной действительности социальное отношение, полностью покоящееся на обоюдных, соответствующих друг другу по своему смыслу установках, - есть пограничный случай. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает (по нашей терминологии) "социальное отношение", когда в результате этого исчезает взаимная соотношенность поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий.

4. Социальное отношение может быть преходящим или длительным, т. е. основанным на возможности того, что повторяемость поведения, соответствующего смыслу этого отношения (т. е. считающегося таковым и ожидаемого) существует. Следовательно, только наличие такой возможности, т. е. вероятности повторения соответствующего данному смыслу поведения, и ничто иное, означает, что социальное отношение в данном случае "существует"; об этом всегда следует помнить во избежание неверных представлений. Утверждение, что "дружба" или "государство" существуют, означает, таким образом, только одно: мы (наблюдающие) предполагаем наличие в настоящем или прошлом возможности, которая заключается в том, что на основании определенного рода установки определенных людей поведение их обычно проходит в рамках усреднение предполагаемого смысла. Ничего другого в приведенном утверждении не заключается... Неизбежная в юридическом мышлении альтернатива,

согласно которой правовое положение определенного содержания либо значимо (в юридическом смысле), либо нет, а правовое отношение либо существует, либо нет, в социологическом понимании, следовательно, не присутствует.

5. Содержание социального отношения может изменяться; так, например, в политических отношениях солидарность может превратиться в коллизию, вызванную столкновением интересов. Следует ли в подобных случаях говорить о возникновении "новых" отношений или о новом содержании, которое теперь обрели прежние, - не более чем вопрос терминологической целесообразности, зависящий от продолжительности наступившего изменения. Содержание социального отношения может быть также частично неизменным, частично меняющимся.

6. Смысловое содержание, констатирующее социальное отношение на длительное время, может быть сформулировано в "максимах", следования которым, усредненного или приближенного по своему смыслу, стороны ждут от своих партнеров и на которые они, в свою очередь (усреднение или приближенно), ориентируют свое поведение. Чем рациональнее - по цели или ценности - ориентировано данное поведение, тем более применим такой метод. Очевидно, что в случае эротических или вообще аффективных отношений (например, основанных на уважении) возможность рациональной формулировки предполагаемого смыслового содержания значительно меньше, чем, скажем, при заключении делового контракта.

7. Содержание социального отношения может быть сформулировано по взаимному соглашению. Это значит, что все его участники дают определенные заверения (то ли друг другу, то ли вообще) по поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник соглашения рассчитывает - в той мере, в какой он рассуждает рационально, - прежде всего обычно на то (с различной степенью надежности), что другой будет в своем поведении ориентироваться на смысл соглашения так, как он (т. е. первое действующее лицо) этот смысл понимает. Свое поведение он ориентирует частично на подобное ожидание целерационально (в зависимости от степени его лояльности), частично ценностно-рационально - на "долг", который он усматривает в том, чтобы, в свою очередь, "соблюдать" соглашение в соответствии с тем, как он понимает его смысл. На этом мы здесь остановимся.

IV. Типы социального поведения. Нравы. Обычаи

В области социального поведения обнаруживается фактическое единообразие, т. е. последовательность действий с типически идентично предполагаемым смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими. Такими типами поведения занимается социология в отличие от истории, исследующей каузальное сведение важных, имеющих решающее значение, единичных связей. Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть нравами, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется просто привычкой. Нравы мы будем называть обычаями, если фактические привычки укоренились в течение длительного времени. Обычай мы будем определять как "обусловленный интересами", если (и в той мере, в какой) возможность его эмпирического наличия обусловлена только чисто целерациональной ориентацией поведения отдельных индивидов на одинаковые ожидания.

1. К нравам относится и "мода". "Мода" будет причисляться к нравам в том случае (обратном тому, что было сказано об обычаях), если причиной ориентации становится нечто новое в поведении. Мода близка к "условности", так как, подобно "условности", она (большей частью) связана с сословными престижными интересами. Подробнее этим вопросом мы здесь заниматься не будем.

2. "Обычаи", в отличие от "условности" и "права", мы будем называть не гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно - то ли просто "не задумываясь", то ли из "удобства" или по каким-либо другим причинам - и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то "значимым", ни от кого не "требуют" их соблюдения. Переход от этого к условности и праву, конечно, точно установлен быть не может. Традиции повсюду стали источником значимости. В настоящее время "принято" завтракать более или менее определенным образом, однако никто не "обязан" следовать данной традиции (разве что посетители ресторанов); однако это не всегда было принято. Напротив, манера одеваться, даже в той мере, в какой она связана с нравами, теперь в значительной степени уже превратилась в условность.

3. Многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в социальном поведении, прежде всего (но не только) в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся "значимой" норму, но и не

обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным интересам и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение. В качестве примера можно привести ценообразование на "свободном" рынке. Индивиды, интересы которых связаны с рынком, ориентируют свое поведение, рассматриваемое ими как "средство", на собственные типические субъективные хозяйственные интересы в качестве "цели" и на столь же типические ожидания предполагаемого поведения других в качестве "условий" для достижения этой цели. По мере того как они действуют таким образом - чем более целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, - возникают единообразие, регулярность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся "обязательными" в определенном кругу. Тот факт, что ориентация только на собственные и чужие интересы достигает эффекта, которого обычно пытаются - и очень часто тщетно - добиться с помощью норм, привлек пристальное внимание исследователей, прежде всего в области экономики. Можно даже считать, что именно это наблюдение явилось одним из факторов, определивших возникновение политической экономики как науки. Однако значимость указанного явления распространяется и на все остальные сферы человеческого поведения. В своей неосознанности и внутренней свободе оно представляет собой полярную противоположность, с одной стороны, всем видам внутренней связанности привычными "обычаями", с другой - подчинению нормам, которые считаются рациональными по своей ценности. Одним из существенных компонентов "рационализации" поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов. Конечно, понятие "рационализации" поведения подобной заменой не исчерпывается. Ибо, помимо этого, "рационализация" поведения может - позитивно - идти в направлении сознательной ценностной рационализации или - негативно - вытеснять не только обычаи, но и аффективное поведение и, наконец, двигаться в направлении чисто целерациональном, отвергающем ценностную рациональность поведения. С такой многозначностью в истолковании понятия "рационализации" поведения мы еще не раз встретимся в дальнейшем...

4. Стабильность обычая (как такового) основана, в сущности, на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок "принятого" в его кругу, т. е. должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятности, пока большинство окружающих его людей считается с существованием обычая и руководствуется им в своем поведении. Стабильность констелляции интересов основана сходным образом также на том, что индивид, не ориентирующийся в своем поведении на интересы других - не "считающийся" с ними, - вызывает их противодействие или приходит к не желаемому и не предполагаемому им результату, вследствие чего может быть нанесен урон его собственным интересам.

V. Понятие легитимного порядка

Поведение, особенно социальное поведение, а также социальные отношения могут быть ориентированы индивидами на их представление о существовании легитимного порядка. Возможность такой ориентации мы будем называть "значимостью" данного порядка.

1. Под "значимостью" порядка следует понимать нечто большее, чем простое единообразие социального поведения, обусловленное обычаем или констелляцией интересов. Если агентства по транспортировке мебели регулярно предлагают свои услуги ко времени предполагаемых переездов, то такая регулярность основана на их заинтересованности. Если мелочной торговец обходит свою клиентуру в определенные дни месяца или недели, то это либо результат длительной привычки, либо также проявление его заинтересованности (товарно-денежный оборот в районе). Однако если чиновник ежедневно является в бюро в определенный час, то такое его поведение вызвано не только привычкой (обычаем) и не только собственными интересами, которые он мог бы принимать или не принимать во внимание (хотя отмеченные моменты играют здесь известную роль); как правило, это вызвано "значимостью" для него системы (служебной регламентации), выражающейся в требовании, нарушение которого не только принесло бы ему вред, но и (в большинстве случаев) несовместимо (в большей или меньшей степени) с его "чувством долга" как рациональной ценностью.

2. Содержание социальных отношений мы будем называть "порядком" только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо

определяемые максимы. Говорить о "значимости" порядка мы будем только в тех случаях, когда фактическая ориентация на эти максимы происходит хотя бы отчасти (т. е. в той степени, в какой она может играть практическую роль) потому, что они считаются значимыми для поведения индивида, т. е. обязательными для него, или служат ему образцом, достойным подражания. В действительности в основе ориентации действующих лиц на систему лежат различные мотивы. Однако тот факт, что наряду с другими мотивами требования системы хотя бы для ряда людей служат образцом и обязательным условием их деятельности, т. е. сохраняют для них значимость, увеличивает - и часто в очень значительной степени - вероятность ориентации поведения на данный порядок.

Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот - порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, т. е. чем порядок, обладающий "легитимностью". Совершенно очевидно, что в реальной действительности нет четких границ между чисто традиционно или ценностно-рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность.

3. "Ориентировать" поведение на "значимость" порядка можно, конечно, не только "следуя" его (усредненно понятому) смыслу. Даже в тех случаях, когда этот (усредненно понятый) смысл "обходят" или сознательно "нарушают", на поведение в ряде случаев продолжает оказывать действие возможность того, что порядок в какой-то мере сохраняет свою значимость (в качестве обязательной нормы), прежде всего из чисто целерациональных соображений. Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он вынужден скрывать его именно потому, что в определенной среде порядок сохраняет свою "значимость". Однако, если оставить в стороне этот пограничный случай, очевидно следующее: очень часто нарушение порядка ограничивается более или менее многочисленными частичными проступками или этому нарушению пытаются с большей или меньшей убедительностью придать облик легитимности. Но бывает, что в самом деле сосуществуют различные понимания смысла данной системы; тогда каждое из них "значимо" для социологии в той мере, в какой оно определяет реальное поведение. Социологу не представляет труда признать сосуществование значимости различных противоречащих друг другу систем внутри одного и того же круга людей. Ведь даже отдельный индивид может ориентировать свои действия на противоречащие друг другу системы, и не только последовательно, как это случается каждодневно, но и в рамках одного действия. Человек, участвующий в дуэли, ориентирует свое поведение на кодекс чести; скрывая же свои действия или, наоборот, представ перед судом, он ориентируется на уголовное законодательство. Правда, если обход или нарушение (в среднем принятого) смысла какого-нибудь порядка превращается в правило, то значимость такого порядка становится уже ограниченной или вообще утрачивается. Следовательно, значимость и отсутствие значимости определенного порядка не являются в социологии абсолютной альтернативой, подобно тому как это имеет место в юриспруденции с ее непреложными целями. Напротив, здесь границы между обоими случаями стерты; "значимыми", как мы уже указывали, могут быть одновременно противоположные друг другу системы, каждая из них - в той мере, в какой существует вероятность того, что поведение действительно будет ориентировано на нее...

Действительно, хозяйственная деятельность, например, ориентируется (в первую очередь) на представление о скудости определенных имеющихся в наличии средств удовлетворения потребностей по сравнению с (предполагаемыми) потребностями и на предполагаемое в настоящем и будущем поведение третьих лиц, располагающих теми же средствами. Однако при этом хозяйственная деятельность в выборе своих средств, конечно, ориентируется, кроме того, на те "порядки", значимость которых в качестве законов и условностей известна действующему лицу; т. е. ему известно, что их нарушение вызовет определенную реакцию третьих лиц... Между юридически догматической, нормативной значимостью системы и эмпирическим явлением, действительно, нет каузального отношения; здесь возможны только такие вопросы: "относится" ли юридически данное эмпирическое явление к (правильно интерпретируемому) порядку? Должен ли он считаться для него (нормативно) значимым? И если да, то чего он в качестве нормативно значимого от него требует? Между возможностью того, что поведение ориентируется на представление о значимости так или иначе усредненно понятого порядка, и экономическим

поведением, безусловно, существует (при известных условиях) каузальное отношение в самом обычном смысле слова. Для социологии именно такая возможность ориентации на это представление и есть значимый порядок как таковой.

VI. Типы легитимного порядка: условность и право

I. Легитимность порядка может быть гарантирована только внутренне, а именно:

- 1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью;
- 2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших, непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных);
- 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка.

II. Легитимность порядка может быть гарантирована также (или только) ожиданием специфических внешних последствий, следовательно, интересом, причем это ожидание особого рода.

Порядком мы будем называть:

- а) условность, если ее значимость внешне гарантирована возможностью того, что любое отклонение натолкнется внутри определенного круга людей на (относительно) общее и практически ощутимое порицание;
- б) право, если порядок внешне гарантирован возможностью (морального или физического) принуждения, осуществляемого особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы.

1. Условностью мы будем называть "обычай", который считается в определенном кругу людей "значимым" и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. В отличие от права (в принятом нами смысле слова) здесь отсутствует специальная группа людей, осуществляющая принуждение... Следование "условности" (в обычном смысле слова), т. е. необходимость придерживаться принятой манеры приветствия, одежды, определенных границ в общении по форме и содержанию, весьма серьезно "ожидается" от индивида как обязательное соответствие принятым образцам и отнюдь не предоставляется его свободному решению на манер того, как обычай позволяет индивиду по своему усмотрению выбирать свои трапезы.

При нарушении условности (например, "профессиональной этики") социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем та, которую мог бы вынести судебный приговор. Здесь отсутствует только специальная группа людей, гарантирующая повиновение (у нас это судьи, прокуроры, чиновники, судебные исполнители и т.д.). Однако граница эта не может быть точно очерчена. Пограничным случаем конвенциональной гарантии, переходящей в правовую гарантию системы, является угроза подлинного организованного бойкота. В нашей терминологии это уже средство юридического принуждения. В данном случае нас не интересует то обстоятельство, что гарантией условности может быть не только порицание, но и другие средства (как, например, использование права хозяина дома при поведении, нарушающем условность, принятую в данном кругу людей). Решающим здесь является то, что такие (часто жесткие) меры принуждения применяет отдельный человек именно в качестве конвенционального порицания, а не специально предназначенная для этого группа людей.

2. Мы в данном случае считаем решающим для понятия "права" (которое для других целей может быть определено совершенно иным образом) наличие специальной группы принуждения. Она, разумеется, совсем не должна быть всегда похожа на то, к чему мы привыкли теперь. Прежде всего, совсем не обязательно наличие "судебной" инстанции. Такой группой может быть, например, "род" (в вопросах кровной мести и "файлы"), если для его реакции действительно значимы установления какой-либо системы. Впрочем, это крайний случай того, что можно еще считать "юридическим принуждением". Как известно, международное право часто не признавалось "правом", ввиду того что оно не гарантировано наличием надгосударственной принудительной власти. Для принятой здесь (из соображений целесообразности) терминологии порядок, гарантированный извне только ожиданием порицания и репрессий - следовательно, конвенционально и констелляцией интересов, - где отсутствует группа людей, действия которых специально направлены на его сохранение, не может быть определена как "право". Вполне вероятно, что в рамках юридической терминологии определение это может быть противоположным.

Средства принуждения здесь иррелеванты. Сюда относится даже "братское предупреждение", принятое в ряде сект в качестве первичной меры мягкого воздействия на грешников при условии, что оно основано на определенном правиле и совершается специальной группой людей. То же можно сказать о порицании,

высказанном цензорами, если оно служит средством гарантировать "нравственные" нормы поведения, а тем более о моральном принуждении, которое осуществляет церковь. Следовательно, "право" может быть иерократическим и политическим, может быть гарантировано статусами какого-либо объединения или авторитетом главы дома, сообществами или ассоциациями. Свод правил поведения студентов в рамках данного концептуального определения также имеет значение "права"...

3. Значимый порядок не обязательно должен быть общим, абстрактным по своему характеру. Значимое "правовое положение" и "судебное решение" в конкретном случае совсем не всегда были так резко отграничены одно от другого, как нам представляется вполне естественным сегодня. "Система" может поэтому применяться к отдельному конкретному случаю. Все остальное относится уже к социологии права. Наиболее целесообразно... пользоваться (если особо не оговорено обратное) современным представлением об отношении правовых положений к судебным решениям.

4. "Внешне" гарантированные системы могут быть гарантированы и "внутренне". Взаимоотношения между правом, условностью и этикой не составляют проблемы для социологии. "Этическим" социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная вера людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом "хорошего" в нравственном отношении, так же как поведение, применяющее предикат "красивый", прилагает к своему определению эстетический критерий. В этом смысле этические нормативные представления могут очень сильно влиять на поведение людей без какой-либо внешней гарантии. Подобное обычно происходит в тех случаях, когда нарушение указанных норм серьезно не затрагивает чужих интересов. Однако часто соблюдение норм гарантируется религией, они могут гарантироваться и конвенционально (в смысле используемой здесь терминологии) посредством вынесения порицания при их нарушении или бойкота, а также юридически посредством санкций уголовного и гражданского права или вмешательства полиции.

Подлинно значимая в социологическом смысле этика в большинстве случаев обычно гарантируется тем, что ее нарушение может вызвать неодобрение, т. е. гарантируется конвенционально. Однако не все... конвенционально или юридически гарантированные системы претендуют на этическую нормативность, причем правовые, в ряде случаев чисто целерациональные по своему характеру, претендуют в еще меньшей степени, чем конвенциональные. Следует ли относить к, сфере "этики" распространенное в определенном кругу представление о значимости или не следует (т. е. рассматривать его в последнем случае "просто" как условность или "просто" как норму права), решается для эмпирической социологии только в соответствии с тем, какое понятие "этического" фактически определяло или определяет поведение в данном кругу людей. Поэтому никакого обобщения здесь быть не может.

Вебер М. ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ //Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. - М., 1996. - С. 455-491.

Макс Вебер

ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

Источник: Вебер М. Избранные произведения. - М., 1990. С.644-706.

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. От разговора о политике как призвании и профессии вы произвольно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам. Но об этом мы скажем лишь под конец, чисто формально, в связи с определенными вопросами, относящимися к значению политической деятельности во всем ведении жизни (Lebensführung). Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, какую политику следует проводить, какое, таким образом, содержание следует придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу! Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. [с.644] Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы

намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни-государством. Но что есть "политический" союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть "государство"? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно, присуща тем союзам, которые называют "политическими", то есть в наши дни - государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства - физического насилия. "Всякое государство основано на насилии", - говорил в своё время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие "государства", тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать "анархией". Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства - об этом нет и речи, - но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (innerlich). В прошлом различным союзам-начиная с рода - физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области - "область" включает в признак! - претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником "права" на насилие считается государство. [с. 645]

Итак, "политика", судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает. В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это "политический" вопрос, о министре или чиновнике: это "политический" чиновник, о некотором решении: оно "политически" обусловлено, - то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти "ради нее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает. Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство, Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего": авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, - "традиционное" господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, - харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или - в области политического - избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу [с. 646] "легальности", в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил - господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые

мотивы страха и надежды-страха перед мстью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение - и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана "легитимность" такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее "чистыми" типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам "общего учения о государстве".

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной "харизме" "вождя". Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "призванным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам "вождь" живет своим делом, "жаждет свершить свой труд"², если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой - избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера - вождизм как явление встречается [с.647] во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенность Запада, что для нас более важно, является политический вождизм в образе сначала свободного "демагога", существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем - в образе парламентского "партийного вождя", выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их "призвания" в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находятся в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие (Herrschaftsbetrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, - посредством этого подчинения - в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre). Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалованье современных государственных служащих, рыцарская честь (Ritterehre), сословные привилегии, престиж чиновников (Beamtenehre) образуют вознаграждение, а страх потерять их - последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству [с.648] харизматического вождя: военные почести (Kriegsehre) и добыча военной дружины, "spoils"³; эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога. Совершенно так же, как и на хозяйственном предприятии, для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб - чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, - является самостоятельным собственником средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления "отделен" от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия

"отделены" от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет самостоятельно и за свой счет организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владетели) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

Политический союз, в котором материальные средства управления полностью или частично подчинены произволу зависимого штаба управления, мы будем называть "сословно" ("standisch") расчлененным союзом. Например, вассал в вассальном союзе покрывал расходы на управление и правосудие в округе, пожалованном ему в лен, из собственного кармана, сам экипировался и обеспечивал себя провиантом в случае войны; его вассалы делали то же самое. Это, естественно, имело последствия для могущества сеньора (Herr), которое покоилось лишь на союзе личной верности и на том, что обладание леном и социальная честь (Ehre) вассала вели свою "легитимность" от сеньора. [с.649]

Но всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина (Herr): через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов со своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в "сословном" союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной "аристократии", то есть разделяет с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев-неимущие, лишенные собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных "частных" носителей управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном "государстве" полностью реализовано (и это существенно для его понятия) "отделение" штаба управления - управляющих чиновников и работников [с.650] управления - от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наивысшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место поставленного (gesetzten) начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность - все равно, с каким правом, - из воли тех, кто находится под господством. Другое дело, насколько тут оправданна надежда осуществить на основе этого успеха - по меньшей мере кажущегося - также и экспроприацию внутри капиталистических хозяйственных предприятий, руководство которыми, в сущности, несмотря на далеко идущие аналогии, следует совершенно иным законам, чем политическое управление. Но от оценки этого вопроса мы сегодня воздержимся. Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто понятийный: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим

по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории "профессиональных политиков" во втором смысле, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили на службу политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, доходный промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что лишь на Западе мы находим этот род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. В прошлом они были их важнейшим инструментом для [с.651] исполнения власти и осуществления политической экспроприации.

Прежде чем заняться рассмотрением таких "профессиональных политиков" более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься "политикой" - то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них - как в качестве политика "по случаю", так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками "по совместительству" являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые - по общему правилу - занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным "делом жизни" ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые "работают" на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. "Сословиями" мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека от того, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого специально требовали их господин или другие члены сословия. Аналогичным образом вела себя и часть вспомогательных сил, привлекаемых князем в борьбе за создание собственного политического предприятия, которое [с.652] должно было находиться в его распоряжении. Это было характерно для "домашних советников" и, еще раньше, для значительной части советников, собирающихся в "курии" и других совещательных органах князя. Но, конечно, князь не обходился этими вспомогательными силами, действовавшими лишь по случаю и по совместительству. Он должен был попытаться создать себе штаб вспомогательных сил, полностью и исключительно избравших как основную профессию службу у князя. От того, откуда он брал их, существенным образом зависела структура возникающего династического политического образования, и не только она, но и все своеобразие соответствующей культуры. Перед той же необходимостью оказались тем более политические союзы, которые при полном устранении или значительном ограничении власти князей политически конституировались в качестве (так называемых) "свободных" сообществ (Gemeinwesen) - "свободных" не в смысле свободы от насильственного господства, но в смысле отсутствия насилия, легитимного в силу традиции (по большей части религиозно освященной), со стороны князя как исключительного источника всякого авторитета. Исторической родиной таких союзов является только Запад, а зачатком их был город как политический союз, как таковой появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья. Как выглядели во всех этих случаях "преимущественно-профессиональные" ("hauptberuflichen") политики?

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить "для" политики, либо жить "за счет" политики и "политикой" ("von" der Politik). Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет "для"

политики, в каком-то внутреннем смысле творит "свою жизнь из этого" - либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит "делу" ("Sache"), и тем самым придает смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны - экономической. [с.653] "За счет" политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода; "для" политики - тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить "для" политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа - что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет "для" политики, должен быть к тому же хозяйственно "обходим", то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения своих доходов. Безусловно "обходим" в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени - а в античности и в средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, - будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни - на что следует обратить особое внимание - предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле "обходимыми". Ибо и предприниматель, и именно предприниматель, - промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства - привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно можно заместить, например, врача, и чем более талантливым и занятым он является, тем [с.654] реже возможна замена. Легче уже заместить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает "плутократическое" рекрутирование политических руководящих слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы отсутствие у политически господствующего слоя стремления также жить и "за счет" политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно "о деле". Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека забота об экономической "безопасности" своего существования эмпирически является - осознанно или неосознанно - кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к внеобыденным, то есть революционным, эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей

(Interessenten), вождей (Fuhrerschaft) и свиты (Qefolgschaft) связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от предприятия политики. [с.655] Руководить политикой можно либо в порядке "почетной деятельности", и тогда ею занимаются, как обычно говорят, "независимые", то есть состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым "пребендарием" ("Pfrunder") или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (Leistungen) - чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, - или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер "предпринимателя", как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли, пребнды всякого рода, а с развитием денежного хозяйства в особенности места, связанные со взиманием сборов (Sportelpfrunden), были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. В Германии все противоборство партикуляристских и централистских устремлений закручено прежде всего и вокруг вопроса, какая из сил - берлинцы ли или же мюнхенцы, карлсруэцы, дрезденцы - будет иметь патронаж над должностями. Ущемления в распределении должностей воспринимаются партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям. Во Франции смена префекта, имеющая партийно-политический характер, всегда считалась большим переворотом и возбуждала больше шума, чем какая-нибудь модификация правительственной программы, имевшая почти исключительно [с.656] фразеологическое значение. Со времени исчезновения старых противоположностей в истолковании конституции многие партии (именно так обстоит дело в Америке) превратились в настоящие партии охотников за местами, меняющие свою содержательную программу в зависимости от возможностей улова голосов. В Испании вплоть до последних лет две крупные партии сменяли друг друга в конвенционально закрепленной очередности в форме сфабрикованных свыше "выборов", чтобы обеспечить должностями своих сторонников. В регионах испанских колониальных владений как при так называемых "выборах", так и при так называемых "революциях" речь всегда идет о государственной кормушке, которой намерены воспользоваться победители. В Швейцарии партии мирно распределяют между собой должности путем пропорциональных выборов, и многие из наших "революционных" проектов конституции, например первый проект, предложенный для Бадена, имели целью распространить ту же систему и на министерские посты, то есть рассматривали государство и должности в нем именно как учреждение по обеспечению доходными местами. Этим прежде всего вдохновлялась партия центра и даже провозгласила пунктом своей программы в Бадене пропорциональное распределение должностей согласно конфессиям, то есть невзирая на успех. Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически гарантированного обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий, и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Дилетантское управление делящих добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч [с.657] чиновников - вплоть до почтальонов - в зависимости от исхода президентских выборов и не знало пожизненных

профессиональных чиновников, давно нарушено Civil Service Reform⁴. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий - государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими финансами. По управленческим реформам императора Макса⁵ можно видеть, с каким трудом даже под давлением крайней нужды и турецкого господства чиновникам удавалось экспроприировать [власть] князя в той сфере, которая меньше всего способна была терпеть произвол господина, все еще остававшегося прежде всего рыцарем. Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства - вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия (Selbstherrschaft) профессиональному чиновничеству, благодаря которому только и стала для князя возможной победа над сословиями. Одновременно с подъемом вышколенного чиновничества возникали также - хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов - "руководящие политики". Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру "великого визиря". На Западе, прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V - эпоху Макиавелли - впервые становилась сознательно практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвященных, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в [с.658] Китае в последнюю эпоху существования там отдельных государств. Необходимость формально единого ведения всей политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли коллегиальные высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными - "кабинетом" - и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета - или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, - благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть - как это в особенности имело место в Германии, - интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества в противоположность парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкнутом [с.659] виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она - как в Англии -

пересиливала монарха. Здесь получил развитие "кабинет" во главе с единым парламентским вождем, "лидером", как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы - партии, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы - партии - и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, - в ответственном за все решения вожде - главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияния демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства. Превращение политики в "предприятие", которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fachbeamte), с другой - "политические" чиновники. "Политические" чиновники в собственном смысле слова, как [с.660] правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же "направлены в распоряжение", как французские префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность "независимости" чиновников с функциями судей. В Англии к категории "политических" чиновников относятся те чиновники, которые по укоренившейся традиции покидают свои посты при смене парламентского большинства и, следовательно, кабинета. Обычно с этим должны считаться те чиновники, в компетенцию которых входит общее "внутреннее управление", а составной частью "политической" деятельности здесь в первую очередь является задача сохранения "порядка" в стране, то есть существующих отношений господства. В Пруссии эти чиновники, согласно указу Путкамера⁶, должны были под угрозой строгого взыскания "представлять политику правительства" и, равно как и префекты во Франции, использовались в качестве официального аппарата для влияния на исход выборов. Правда, большинство "политических" чиновников, согласно немецкой системе, - в противоположность другим странам - равны по качеству всем остальным, так как получение этих постов тоже связано с университетским обучением, специальными экзаменами и определенной подготовительной службой. Этот специфический признак современного чиновника-специалиста отсутствует у нас только у глав политического аппарата - министров. Уже при старом режиме можно было стать министром культуры Пруссии, ни разу даже не посетив никакого высшего учебного заведения, в то время как в принципе стать советником-докладчиком можно было лишь по результатам предписанных экзаменов. Само собой разумеется, профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был, например в министерстве образования Пруссии при Альтхоффе⁷, гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался. Аналогично обстояли дела в Англии. Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех обыденных потребностей оказывался самым могущественным. И это тоже само по себе не выглядело нелепым. Министр же был именно репрезентантом политической констелляции власти, должен был выступать представителем ее политических масштабов и применять эти [с.661] масштабы для оценки предложения подчиненных ему чиновников-специалистов или же выдавать им соответствующие директивы политического рода.

То же самое происходит и на частном хозяйственном предприятии: подлинный "суверен", собрание акционеров, настолько же лишен влияния в руководстве предприятием, как и управляемый чиновниками-специалистами "народ", а лица, определяющие политику предприятия, подчиненный банкам "наблюдательный совет" дают только хозяйственные директивы и отбирают лиц для управления, будучи неспособными, однако, самостоятельно осуществлять техническое руководство предприятием. В этом отношении и нынешняя структура революционного государства, дающего абсолютным дилетантам в силу наличия у них пулеметов власть в руки и намеревающегося использовать профессионально вышколенных чиновников лишь в

качестве исполнителей, - такое государство вовсе не представляет собой принципиального новшества. Трудности нынешней системы состоят совсем не в этом, но они не должны нас сейчас занимать.

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как "вождя", так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

Как мы видели, в прошлом "профессиональные политики" появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы. В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним прежде всего относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае и Японии и ламаистской Монголии - точно так же, как и в христианских регионах средневековья, - клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходит импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников с тем, чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдающий целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в [с.662] противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был "отделен" от средств предприятия государева управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманистическое образование грамматики (Literaten). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять латинские речи и греческие стихи. Таково время первого расцвета школ гуманистов, когда князья учреждали кафедры "поэтики": у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. Иначе обстояло дело в Восточной Азии. Китайский мандарин является или, скорее, изначально являлся примерно тем, кем был гуманист у нас в эпоху Возрождения: грамматиком, получившим гуманитарное образование и успешно выдержавшим экзамены по литературным памятникам далекого прошлого. Если вы прочтете дневники Ли Хун-Чжана⁸, то обнаружите, что даже он более всего гордится тем, что сочинял стихи и был хорошим каллиграфом. Этот слой вместе с его традициями, развившимися в связи с китайской античностью, определил всю судьбу Китая, и, быть может, подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в свое время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания.

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманистов-грамматиков на службу князьям поступили профессиональные политики из числа придворной знати. Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый техническим термином "джентри" ("gentry"), - слой, который князь первоначально вовлек в борьбу против баронов и ввел во владение должностями "selfgovernment"⁹, а в результате сам затем оказывался во все [с.663] большей зависимости от него. Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступил в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой - это юристы, получившие университетское образование, - был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизация политического предприятия как тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. Ни в одном другом регионе мира не найти аналогов подобному процессу. Все зачатки рационального" юридического мышления в индийской школе мимансы, а также постоянная забота о сохранении античного юридического мышления в исламе не смогли воспрепятствовать тому, что теологические формы мышления заглушили рациональное правовое мышление.

Прежде всего не был полностью рационализирован процессуальный подход. Это стало возможным лишь благодаря заимствованию итальянскими юристами античной римской юриспруденции, абсолютно уникального продукта, созданного политическим образованием, совершающим восхождение от города-государства к мировому господству; результатом были *usus modernus*¹⁰ сочинениях знатоков пандектного и канонического права в конце средних веков, а также теории естественного права, порожденные юридическим и христианским мышлением и впоследствии секуляризованные. Крупнейшими представителями этого юридического рационализма выступили: итальянские подеста¹¹, французские королевские юристы, создавшие формальные средства для подрыва королевской властью господства сеньоров, теоретики концилиаризма¹² (специалисты по каноническому праву и теологи, рассуждающие при помощи категорий естественного права), придворные юристы и ученые [с.664] судьи континентальных князей, нидерландские теоретики естественного права и монархомахи, английские королевские и парламентские юристы. *Noblesse de Robe*¹³ французских парламентов и, наконец, адвокаты эпохи революции. Без этого рационализма столь же мало мыслимо возникновение абсолютистского государства, как и революция. Если вы просмотрите возражения французских парламентов или указы французских Генеральных штатов, начиная с XVI в. вплоть до 1789 г., вы всюду обнаружите присущий юристам дух. А если вы изучите членов французского Конвента с точки зрения их профессионального представительства, то вы обнаружите в нем - несмотря на равное избирательное право - одного-единственного пролетария, очень мало буржуазных предпринимателей, но зато множество всякого рода юристов, без которых был бы совершенно немыслим специфический дух, живший в этих радикальных интеллигентуалах и их проектах. С тех пор современный адвокат и современная демократия составляют одно целое, а адвокаты в нашем смысле, то есть в качестве самостоятельного сословия, утвердились опять-таки лишь на Западе, начиная со средних веков, постепенно сформировавшись из "ходатая" в формалистичном германском процессе, под влиянием рационализации этого процесса.

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий. Политическое предприятие делается партиями, то есть представляет собой именно предприятие заинтересованных сторон¹⁴ - мы скоро увидим, что это должно означать. А эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он - поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды - превосходит любого "чиновника". Конечно, он может успешно, то есть технически "хорошо", провести подкрепленное логически слабыми аргументами, то есть в этом смысле "плохое", дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически "сильными" аргументами, то есть дело в этом смысле "хорошее". Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически "скверным" руководством делает "хорошее" в этом смысле дело "дурным": [с.665] нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние - это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника - это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима - не должна быть политика. Он должен "управлять" прежде всего беспристрастно - данное требование применимо даже к так называемым "политическим" управленческим чиновникам, - по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены "государственные интересы", то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* - без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик - как вождь, так и его свита, - бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть - *ira et studium* - суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника - выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического

вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова, и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики - такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы [с.666] называем "господством чиновников"; и, конечно, достоинства нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере - со времени развития демократии типом политика-вождя является "демагог". У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя "демагога" носил не Клеон, но Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность должностям, занимаемым в античной демократии по жребию), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, - в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист и прежде всего - журналист. В рамках нашего доклада невозможно дать даже наброски социологии современной политической журналистики. В любом аспекте данная проблема должна составить самостоятельную главу. Лишь немного из нее, безусловно, относится и к нашей теме. У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем - по меньшей мере на континенте в противоположность ситуации в Англии, да, в общем, и в Пруссии в более ранний период, - та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификации. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемым в "обществе" по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда - распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же "духа", что и какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же оказать эффект, при том, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. Почти никогда не отмечается, что ответственность здесь куда большая и [с.667] что у каждого честного журналиста чувство ответственности, как показала война, в среднем ничуть не ниже, чем у ученого, но выше. А не отмечают данный факт потому, что в памяти естественным образом задерживаются именно результаты безответственной деятельности журналистов в силу их часто ужасающего эффекта. Никто не верит, что в целом сдержанность дельных в каком-то смысле журналистов выше в среднем, чем у других людей. И тем не менее это так. Несравненно более серьезные искушения, которые влечет за собой профессия журналиста, а также другие условия журналистской деятельности привели в настоящее время к таким последствиям, которые приучили публику относиться к прессе со смешанным чувством презрения и жалкого малодушия. О том, что тут следует делать, мы сегодня поговорить не сможем. Нас интересует судьба политического профессионального призвания журналистов, их шансы достичь ведущих политических постов. До сих пор они имелись лишь в социал-демократической партии. Но должности редакторов в ней, как правило, в ней имели характер чиновничьих мест, не представляя основы для позиции вождя.

В буржуазных партиях в сравнении с предшествующим поколением шансы восхождения таким образом к политической власти в целом скорее ухудшились. Конечно, всякий значительный политик нуждается в прессе как эффективном инструменте воздействия и, следовательно, в связях с прессой. Но появление партийного вождя из рядов прессы было именно исключением (тем, чего не следовало ожидать). Причина тут состоит в сильно возросшей "необходимости" журналиста, прежде всего журналиста, не имеющего состояния и потому привязанного к профессии, что обусловлено значительным увеличением интенсивности и актуальности журналистского предприятия. Необходимость зарабатывать ежедневными или еженедельными статьями гирей повисает на политике, и я знаю примеры того, как люди, по натуре созданные быть вождями, оказались поэтому надолго скованными в своем продвижении к власти как внешне, так и прежде всего внутренне. Связи прессы с силами, господствующими

в государстве и в партиях, оказали самое неблагоприятное действие на уровень журналистики при старом режиме, но это особая глава. Во вражеских странах подобные отношения складывались иначе. Однако и там, да, видимо, и для всех современных [с.668] государств, имеет силу положение, что политическое влияние работника-журналиста все уменьшается, а политическое влияние владеющего прессой магната-капиталиста (такого, например, как "лорд" Нортклиф) - все возрастает. Во всяком случае, у нас в Германии крупные капиталистические газетные концерны, прибравшие к рукам газетенки с "мелкими объявлениями", "генерал-анцайгеры", обычно были типичными воспитателями политического индифферентизма. Ибо на самостоятельной политике нельзя было ничего заработать, прежде всего нужной для гешефта благосклонности политически господствующих сил. Гешефт на объявлениях - один из способов, каким во время войны попытались с большим размахом оказать политическое воздействие на прессу и, видимо, собираются воздействовать и впредь. Хотя следует ожидать, что большая пресса сумеет уклониться от такого воздействия, однако положение мелких газетенки гораздо труднее. Во всяком случае, в настоящее время у нас карьера журналиста, сколь бы притягательна она ни была и какое бы влияние, прежде всего политическую ответственность, ни сулила, не является - следует, пожалуй, еще подождать, чтобы сказать: "больше не" или "ещё не", - нормальным путем восхождения политических вождей. Трудно сказать, изменит ли тут что-нибудь отказ от принципа анонимности, что считают правильным многие - но не все - журналисты. К сожалению, во время войны, когда к "руководству" газетами были специально привлечены литературно одаренные личности, к тому же категорически выступавшие только под своим именем, в некоторых наиболее известных случаях пришлось убедиться, что таким путем повышенное чувство ответственности воспитывается не так уж обязательно, как можно было бы думать. Ведь - невзирая на партийную принадлежность - частично как раз заведомо худшие бульварные газетенки стремились тем самым увеличить спрос и достигали этого. Такого рода господа, издатели, равно как и журналисты, специализирующиеся на сенсациях, нажили себе состояние - но, конечно, не добились чести. Приведенный факт - отнюдь не возражение против самого принципа; вопрос весьма запутан, и данное явление также не носит всеобщего характера. Однако до сих пор такой путь не был путем к подлинному вождизму или ответственному предпринятию политики. Остается выжидать, как дальше сложится ситуация. [с.669]

Но при всех обстоятельствах журналистская карьера остается одним из важнейших путей профессиональной политической деятельности. Такой путь не каждому подходит, и менее всего - слабым характерам, в особенности тем людям, которые способны обрести внутреннее равновесие лишь в каком-нибудь устойчивом сословном состоянии. Если даже жизнь молодого ученого и носит азартный характер, то все-таки прочные сословные традиции его окружения предохраняют его от неверных шагов. Но жизнь журналиста в любом отношении - это чистейший азарт, и к тому же в условиях, испытывающих его внутреннюю прочность так, как, пожалуй, ни одна другая ситуация. Часто горький опыт в профессиональной жизни - это, пожалуй, не самое худшее. Как раз особенно тяжелые внутренние требования предъявляются к преуспевающему журналисту. Это отнюдь не мелочь: входить в салон власть имущих как бы на равной ноге и нередко в окружении всеобщей лести, вызванной боязнью, общаться, зная при этом, что стоит тебе только выйти за дверь, как хозяин дома, быть может, должен будет специально оправдываться перед гостями за общение с "мальчишками-газетчиками"; и уж совсем не мелочь: быть обязанным быстро и притом убедительно высказываться обо всех и обо всем, что только потребует "рынок", обо всех мыслимых жизненных проблемах, не только не впадая в их абсолютное опошление, но и не оказываясь прежде всего обреченным на бесчестие самообнажение и его неумолимых последствий. не то удивительно, что многие журналисты "девальвировались" как люди, сошли с колеи, но то, что тем не менее именно данный слой заключает в себе столько драгоценных, действительно настоящих людей, что в это трудно поверить постороннему.

Но если журналист как тип профессионального политика существует уже довольно-таки давно, то фигура партийного чиновника связана с тенденцией последних десятилетий и частично последних лет. Мы должны теперь обратиться к рассмотрению партийной системы (Parteiwesens) и партийной организации, чтобы понять эту фигуру сообразно ее месту в историческом развитии.

Во всех сколько-нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является предприятием претендентов (Interessentenbetrieb). [с.670] Это значит, что относительно

небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, то есть в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами, например обязательностью участия в выборах, или "цеховым" (berufsstandische) представительством, или другими предложениями такого рода, демонстративно или фактически направленными против этого факта, а тем самым против господства профессиональных политиков. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя - суть необходимые жизненные элементы любой партии, Однако структура их различна. Например, "партии" средневековых городов, такие, как гвельфы и гибеллины, представляли собой сугубо личную свиту. Если взглянуть на Statute della parte Guelfa15, конфискацию имущества нобилей - как изначально назывались все те семьи, которые вели рыцарский образ жизни, то есть имели право вступать в ленные отношения, - лишение их права занимать должности и права голоса, интерлокальные партийные комитеты и строго военные организации и их вознаграждения доносчикам, то это живо напоминает большевизм с его Советами, его военными и (прежде всего в России) шпионскими организациями, прошедшими суровый отбор, разоружением и лишением политических прав "буржуазии", то есть предпринимателей, торговцев, рантье, духовенства, отпрысков династии и полицейских агентов, а также с его конфискациями. И эта аналогия подействует еще более ошеломляюще, если мы посмотрим, что, с одной стороны, военная организация указанной партии была сугубо рыцарским войском, формируемым по матрикулам, и почти все руководящие места в [с.671] ней занимали дворяне; Советы же со своей стороны сохраняют или, скорее, снова вводят высокое вознаграждение предпринимателям, аккордную зарплату, систему Тейлора, военную и трудовую дисциплину и ведут поиски иностранного капитала - одним словом, снова просто должны принять все то, с чем боролись как с классовыми буржуазными учреждениями, чтобы вообще сохранить в действии государство и хозяйство; и помимо того, главным инструментом своей государственной власти они сделали агентов старой охранки. Но такими организациями, носящими насильственный характер, нам не придется заниматься, мы имеем дело с профессиональными политиками, которые стремятся к власти через мирную партийную агитацию на рынке голосов избирателей. Эти партии в нашем обычном смысле первоначально тоже были, например в Англии, только свитой аристократии. Каждый переход в другую партию, совершаемый по какой-либо причине пэром, влек за собой немедленный переход в нее всего, что от него зависело. Крупные дворянские семьи, и не в последнюю очередь, король вплоть до Билля о реформе осуществляли патронаж над множеством округов. К этим дворянским партиям близко примыкают партии уважаемых людей, получившие повсеместное распространение вместе с распространением власти бюргерства. "Образованные и состоятельные" круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев Запада, разделились, частично по классовым интересам, частично по семейной традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили. Духовенство, учителя, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты - весь тот слой, который в Англии причисляет себя к gentlemen, - образовали сначала нерегулярные политические союзы, самое большее - локальные политические клубы; в смутные времена беспокойство доставляла мелкая буржуазия, а иногда и пролетариат, если у него появлялись вожди, которые, как правило, не были выходцами из его среды. На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах. Программы [с.672] возникают частично из агитационных призывов кандидатов, частично в связи со съездами уважаемых граждан или решениями парламентских партий. В мирное время руководство клубами или, там, где их не было, совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство - побочная или почетная должность; только журналист является оплачиваемым профессиональным

политиком, и только газетное предприятие - постоянным политическим предприятием вообще. Наряду с этим существуют только парламентские сессии. Правда, парламентарии и парламентские вожди партий знают, к каким уважаемым гражданам следует обращаться на местах для осуществления желаемой политической акции. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы (Vereine) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов. Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в действительности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины и даже если она растягнута "доверенными лицами" по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан. Вне центрального бюро пока еще нет оплачиваемых чиновников; именно "видные люди" ради уважения, которым они обычно пользуются, повсюду руководят местными союзами: это внепарламентские уважаемые граждане, которые оказывают свое влияние наряду с политическим слоем уважаемых граждан - заседающих в данный момент в парламенте депутатов. Конечно, поставщиком духовной пищи для прессы и местных собраний во все большей мере является издаваемая партией партийная корреспонденция. Регулярные членские взносы становятся необходимыми; часть их должна пойти на покрытие издержек штаб-квартиры партии. На этой стадии [с.673] находилось еще не так давно большинство немецких партийных организаций. Во Франции же отчасти еще господствовала первая стадия: крайне слабое сплочение парламентариев, а в масштабах всей страны - малое число уважаемых людей на местах; программы, выдвигаемые кандидатом или его патроном только раз, при выставлении кандидатуры, хотя и с большей или меньшей местной привязкой к решениям и программам парламентариев. Данная система была нарушена лишь частично. При этом число политиков по основной профессии оказалось ничтожным; ими были главным образом избранные депутаты, немногие служащие центрального бюро, журналисты и - во Франции - в остальном те карьеристы, которые находились на "политической" службе или в тот момент стремились к таковой. Формально политика для них оставалась в основном побочной профессией. Да и число "министральных" депутатов было сильно ограничено. То же самое следует сказать и о кандидатах на выборах, которые непременно должны относиться к категории уважаемых граждан. Но число лиц, заинтересованных в политическом предприятии косвенно, прежде всего материально, было весьма велико. Ибо все предписания министерства и прежде всего всякое улаживание вопросов о должностях обязательно должны были решаться с учетом того, как такое решение скажется на выборах, и любого рода пожеланиям пытались дать ход через посредство местного депутата, которого министр, если депутат входил в его парламентское большинство (к чему, конечно, стремился каждый), должен был выслушать благосклонно или враждебно. Каждый депутат патронировал должности и вообще все вопросы в своем избирательном округе, а чтобы снова быть избранным, поддерживал связь с местными уважаемыми людьми.

Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Предприятие берут в свои руки политики [с.674] "по основной профессии", находящиеся вне парламентов. Либо это "предприниматели" - например, американский босс и английский "election agent"¹⁶ были, по существу, предпринимателями, - либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимаются выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают собрания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим "партийным съездом", может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто непрерывно ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических

претендентов ("Таммани-холл"17). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат - "машина" (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) - или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора вождей партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии. Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения - постов или других преимуществ. От него - не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект личности вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом - это "харизматический" элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил. [с.675]

Данная форма получила признание не сразу, а в постоянной подспудной борьбе с уважаемыми людьми и парламентариями, отстаивающими свое влияние. Сначала это произошло в буржуазных партиях Соединенных Штатов, а затем - прежде всего в социал-демократической партии Германии. Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим, но даже если он есть, нужны всякого рода уступки тщеславию и небескорыстию уважаемых людей партии. Но прежде всего и машина может оказаться во власти партийного чиновника, прибравшего к рукам текущую работу. В некоторых социал-демократических кругах считают, что их партия оказалась в плену этой "бюрократизации". Между тем "чиновники" относительно легко приспосабливаются к личности вождя, оказываются под сильным воздействием его демагогических качеств: материальные и идеальные интересы чиновников находятся в тесной связи с ожидаемым получением при его посредстве партийной власти, а труд ради вождя сам по себе приносит огромное внутреннее удовлетворение. Восхождение вождей представляет гораздо большие трудности там, где наряду с чиновниками влияние на партию оказывают уважаемые люди - как это по большей части и бывает в буржуазных партиях. Ибо идеально они "творят свою жизнь" из крошечных постов в правлениях или комитетах, которые они занимают. Завистливое чувство (Ressentiment) по отношению к демагогу как homo novus¹⁸, убеждение в превосходстве партийно-политического "опыта" - который действительно имеет большое значение, - а также идеологическая обеспокоенность разрушением старых партийных традиций определяют их поведение. А в партии на их стороне все традиционалистские элементы. Как сельский прежде всего, так и мелкобуржуазный избиратель приглядываются к известным им с давних пор уважаемым именам и не доверяют незнакомому человеку, правда, для того только, чтобы тем крепче примкнуть к нему в случае его успеха. Рассмотрим на нескольких основных примерах это противоборство двух структурных форм и в особенности обрисованное Острогорским восхождение плебисцитарной формы. Сначала обратимся к примеру Англии: там до 1868 г. основу партийной организации почти исключительно [с.676] составляли уважаемые люди. Опорой тори в сельской местности был, например, англиканский священник, а помимо него - в большинстве случаев - школьный учитель и прежде всего крупный землевладелец данного графства; опорой вигам служили, как правило, такие люди, как неконформистский проповедник (там, где такие были), почтмейстер, кузнец, портной, канатчик, то есть ремесленники, способные стать источником политического влияния, ведь с ними больше всего болтают обо всем. В городе партии разделились в соответствии с партийными воззрениями - частично экономического характера, частично религиозного, частично просто по семейной традиции. Но политическое предприятие всегда базировалось на уважаемых людях. Над ним "парили" парламент и партии совместно с кабинетом и лидером, который был председателем совета министров или главой оппозиции. У этого лидера всегда рядом находился самый важный профессиональный политик партийной организации, "загоняла" (whip¹⁹), в чьих руках и был патронаж над должностями. Таким образом, в погоне за ними следовало обращаться именно к нему, об этом он договаривался с депутатами от отдельных избирательных округов. Постепенно в избирательных округах начал формироваться слой профессиональных политиков, ибо тут осуществлялся набор местных агентов, первоначально неоплачиваемых и занимавших примерно то же положение, что и наши "доверенные лица". Но избирательным округам понадобилась также фигура

капиталистического предпринимателя - election agent, - совершенно неизбежного в современном английском законодательстве, гарантирующем чистоту выборов. Это законодательство попыталось проконтролировать расходы по выборам и противодействовать власти денег, обязывая кандидатов сообщать, сколько стоили им выборы, ибо кандидат (в куда большей мере, чем это прежде случалось у нас), помимо перенапряжения голоса, имел еще удовольствие раскошелиться. Election agent позволял выплатить всю сумму ему, на чем он, как правило, прилично выгадывал. В расстановке сил между лидером и уважаемыми людьми партии в парламенте и по стране первый с давних пор занимал в Англии весьма солидное положение, на что имелась [с.677] важная причина: его способность проводить большую политику, и к тому же политику постоянную. Однако и влияние парламентариев и уважаемых людей партии еще сохранялось.

Так примерно выглядела старая партийная организация - наполовину хозяйство уважаемых людей, наполовину уже предприятие служащих и предпринимателя. Но с 1868 г. сначала для местных выборов в Бирмингеме, а затем и по всей стране сформировалась система Caucus²⁰. Создали ее один неконформистский священник и Джозеф Чемберлен²¹. Поводом для этого явилась демократизация избирательного права. Чтобы привлечь на свою сторону наибольшее число избирателей, завоевать массы, необходимо было создать чудовищный аппарат союзов, имевших демократический облик, образовать избирательный союз в каждом городском квартале, держать это предприятие в непрерывном движении, все жестко бюрократизировать: больше становится наемных оплачиваемых чиновников, главных посредников между партийным союзом и массами с правом кооптации как формальных проводников партийной политики, избираемых местными избирательными комитетами, которые в скором времени объединили в целом около 10% избирателей. Движущей силой оставались местные представители, заинтересованные прежде всего в коммунальной политике, всюду позволяющей отхватить для себя самый жирный кусок. Они же в первую очередь пополняли финансы. Эта заново формирующаяся машина, независимая уже от парламентского руководства, в самом скором времени должна была повести борьбу с прежними носителями власти, прежде всего с whip'ом, и, опираясь на заинтересованных лиц на местах, одержала в этой борьбе такого рода победу, что whip вынужден был приспособиться и объединиться с ней. В результате вся власть сконцентрировалась в руках немногих, в конечном счете - одного лица, стоявшего во главе партии. Ибо в либеральной партии указанная система возникла в связи с приходом Гладстона²² к власти. Именно ослепительный блеск Гладстоновой "большой" демагогии, непоколебимая вера масс в этическое содержание его политики и прежде всего в этический характер личности Гладстона привели эту машину к столь стремительной [с.678] победе над уважаемыми людьми. В действие вступил цезаристски-плебисцитарный элемент политики: диктатор на поле избирательной битвы. Данное явление обнаружило себя очень скоро. В 1877 г. Caucus впервые действовал на государственных выборах. Результат был блестящий: крушение Дизраэли²³ в самую пору его больших успехов. В 1886 г. машина была уже настолько харизматически ориентирована на личность, что, когда встал вопрос о Гомруле²⁴, весь аппарат, сверху донизу, не спрашивал: стоим ли мы объективно на платформе Гладстона? Аппарат просто совершал повороты по слову Гладстона, заявив: "Что бы он ни делал, мы ему подчинимся", - и изменил своему создателю, Чемберлену. Этому механизму потребовался значительный аппарат сотрудников. Как-никак в Англии около 2000 человек живут непосредственно за счет политики партий. Правда, гораздо более многочисленны те, кто участвует в политике лишь в погоне за должностями или в качестве претендента [на выборах], особенно в рамках общинной политики. Наряду с экономическими возможностями у умелого политика, связанного с Caucus, имеются возможности удовлетворить свое тщеславие. Стать "J. P."²⁵ или даже "M. P."²⁶ - естественное стремление высшего (нормального) честолюбия, и таким людям, которые продемонстрировали хорошее воспитание, были "gentlemen", это выпадает на долю. Высшая награда, манящая в особенности крупных меценатов, - бюджет партии, пожалуй, на 50% состоял из взносов неизвестных дарителей, - достоинство пэра.

Каков же был эффект новой системы? Тот, что ныне английские парламентарии, за исключением нескольких членов кабинета (да каких-нибудь чудаков), суть не что иное, как отлично дисциплинированное голосующее стадо. У нас в Рейхстаге политики обычно, хотя бы разбираясь с частной корреспонденцией, лежащей у них на письменном столе, притворялись, что радуют о благе страны. Такого рода жесты в Англии не требуются; член парламента должен лишь голосовать и не совершать предательства партии; он должен появиться по требованию "зазывалы" и делать то,

что ему прикажет в данный момент кабинет или лидер оппозиции. [с.679] Caucus-машина, охватывающая всю страну, в особенности если в наличии есть сильный вождь, почти беспринципна и полностью в его руках. Итак, тем самым над парламентом возвышается фактически плебисцитарный диктатор, который посредством "машины" увлекает за собой массы и для которого парламентарии суть всего лишь политические пребендарии, составляющие его свиту.

Как же происходит отбор этих вождей? Прежде всего: в соответствии с какой способностью? Конечно, определяющей здесь (наряду с волей, имеющей решающее значение во всем мире) является власть демагогической речи. Ее характер изменился с тех времен, когда она, как, например, у Кобдена²⁷, обращалась к рассудку. Гладстон искусно придавал речи внешне прозаический вид: "Пускай говорят факты". В настоящее же время, чтобы привести массы в движение, работа куда в большей мере ведется чисто эмоционально, при помощи средств, применяемых и Армией спасения. Данное положение можно, пожалуй, назвать "диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс". Но весьма развитая система комитетской работы в английском парламенте открывает возможность и даже принуждает каждого политика, рассчитывающего на участие в руководстве, тоже работать в комитетах. У всех видных министров последних десятилетий за плечами реальная и действенная выучка такой работы, а практика отчетности таких совещаний и их общественной критики приводит к тому, что эта школа означает подлинный отбор [политиков] и исключает просто демагогов.

Так обстоит дело в Англии. Но английская Caucus-система представляла собой лишь ослабленную форму партийной организации, в сравнении с американской, особенно рано и особенно чисто выразившей плебисцитарный принцип. Америка Вашингтона должна была по идее представлять собой сообщество, управляемое "gentle-men'ами". А gentlemen'ом и там в то время являлся землевладелец или человек, получивший образование в колледже. Так все и шло на первых порах. Когда образовались партии, члены палаты представителей сначала претендовали быть руководителями, как и в Англии в эпоху господства уважаемых людей. Организация партий была совершенно рыхлой. Это продолжалось до 1824 г. Уже к началу двадцатых годов произошло становление партийной машины во многих [с.680] американских общинах (которые и здесь оказались местом возникновения современной тенденции). Но только избрание президентом Эндрю Джэксона, кандидата крестьян Запада, подорвало старые традиции. Формальный предел руководству партиями со стороны ведущих парламентариев был положен уходом, вскоре после 1840 г., из политической жизни крупных парламентариев - Колхауна, Уэбстера²⁸, - ибо по всей стране парламент в сравнении с партийной машиной потерял почти всякую власть. Столь раннее развитие в Америке плебисцитарной "машины" объяснялось тем, что там, и только там, главой исполнительной власти и - в том-то и дело - шефом патронажа над должностями оказался плебисцитарно избранный президент и что вследствие "разделения властей" он при исполнении должности был почти независим от парламента. Итак, именно при президентских выборах победа обещала в качестве награды подлинную добычу - доходные должности. Так Эндрю Джэксон²⁹ возвел в систематически повсюду применяемый принцип "spoils system".

Что же означает ныне эта spoils system - наделение всеми федеральными должностями свиты победившего кандидата - для формирования партии? То, что противостоят друг другу совершенно беспринципные партии, сугубо карьеристские организации, которые для каждой предвыборной борьбы составляют свои меняющиеся программы всякий раз в зависимости от шансов заполучить голоса - программы столь изменчивые, что такого положения, несмотря на все аналогии, больше нигде нет. Партии полностью и исключительно сориентированы на важнейшую для патронажа над должностями предвыборную борьбу: борьбу за пост федерального президента и за посты губернаторов отдельных штатов. Программы и кандидаты определяются на "national conventions"³⁰ партий без вмешательства парламентариев - то есть партийными съездами, состав которых формально весьма демократично избран собраниями делегатов, обязанных, в свою очередь мандатом "primaries", первичным собраниям избирателей партии. Уже в ходе primaries выбираются делегаты для голосования за определенного кандидата в главы государства; внутри отдельных партий идет ожесточеннейшая борьба по [с.681] вопросу о "nomination"³¹. Как-никак, в руках президента сосредоточено назначение от 300.000 до 400.000 чиновников, которое он осуществляет только с привлечением сенаторов от отдельных штатов. Таким образом, сенаторы - могущественные в Америке политики. Напротив, палата представителей политически относительно безвластна, ибо она лишена патронажа над должностями, а министры - только помощники президента,

легитимированного народом помимо всех (в том числе и парламента), - могут выполнять свои обязанности независимо от доверия или недоверия [палаты представителей] (следствие "разделения властей").

Основанная на этом spoils system стала технически возможна в Америке, ибо при молодости американской культуры можно было вынести сугубо дилетантское хозяйство. Ведь от 300000 до 400000 таких сторонников партии, которые не имели нужды ничем иным подтверждать свою квалификацию, кроме как тем, что они хорошо послужили партии, - эта ситуация не могла существовать без чудовищных беспорядков: не имеющих себе равных коррупции и расточительства, которые вынесла только страна с еще неограниченными экономическими возможностями.

Итак, фигурой, всплывающей на поверхность вместе с этой системой плебисцитарной партийной машины, является "босс". Что такое босс? Политический капиталистический предприниматель, который на свой страх и риск обеспечивает голоса кандидату в президенты. Свои первые связи он может установить или в качестве адвоката, или как трактирщик или владелец подобных предприятий, или, например, как кредитор. Отсюда он продолжает плести свои нити, пока не окажется в состоянии "контролировать" определенное количество голосов. Добившись этого, он вступает в контакт с соседними боссами, привлекая своим усердием и ловкостью, но прежде всего - скромностью - внимание тех, кто уже добился большего в карьере, и совершает восхождение. Босс необходим для организации партии. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее средствами. Как он на них выходит? Частично через членские взносы, но прежде всего через обложение налогом окладов тех чиновников, которые [с.682] получили должность благодаря ему и его партии. Далее: через взятки и чаевые. Если кто-то захочет безнаказанно нарушить один из многочисленных законов, ему понадобится снисходительность босса, а за нее надо платить. Иначе у него неизбежно возникнут неприятности. Однако одно это еще не обеспечивает требуемого для предприятия капитала. Босс необходим как непосредственный получатель денег от крупных финансовых магнатов. Они бы вообще не доверили деньги для избирательных целей какому-нибудь оплачиваемому партийному чиновнику или общественно-подотчетному человеку. Босс с его разумной скромностью в денежных делах является, конечно, человеком тех капиталистических кругов, которые финансируют выборы. Типичный босс - абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; "профессионал" презираем в "приличном обществе". Он ищет только власти, власти как источника денег, но также и ради нее самой. Он трудится в тени - в противоположность английскому лидеру. Его публичную речь не услышишь; ораторам босс внушает, что они целесообразным способом должны высказаться, но сам молчит. Как правило, он не занимает постов, за исключением поста сенатора в федеральном сенате. Ибо поскольку сенаторы, согласно конституции, участвуют в патронаже над должностями, руководящие боссы часто лично заседают в этом органе. Раздача должностей происходит в первую очередь в соответствии с заслугами перед партией. Однако за деньги часто можно было получить больше, и для каждой должности существовала определенная такса: это система продажи должностей, известная, конечно, многим монархиям XVII и XVIII вв., включая Папскую область.

Босс не имеет твердых политических "принципов", он совершенно беспринципен и интересуется лишь одним: что обеспечит ему голоса? Нередко это весьма дурно воспитанный человек. Но в своей частной жизни он обычно безупречен и корректен. Лишь в том, что касается политической этики, он естественным образом приспособливается к среднему уровню наличествующей этики политического действия, поступая так, как и многим из нас не возбранялось бы повести себя в сфере этики экономической в эпоху спекулянтов и мешочников. Босса отнюдь не тревожит, что в качестве "профессионала", профессионального политика, его презирают в [с.683] обществе. То обстоятельство, что сам он не получает и не намеревается заполучить крупные федеральные посты, имеет к тому же следующее преимущество: нередко, если боссам кажется, что от этого притягательность партии во время выборов повысится, в кандидаты попадают чуждые партии умы, то есть выдающиеся личности, а не только все тот же нобилитет партийных старейшин, как у нас. Именно структура таких беспринципных партий с их презираемыми в обществе властью имущими дала возможность стать президентами дельным людям, которые бы у нас никогда не сделали подобной карьеры. Конечно, боссы противятся "аутсайдеру", который мог бы представлять опасность для источников их денег и власти. Однако в конкурентной борьбе за доверие избирателей им нередко приходилось соглашаться с выдвижением таких кандидатов, которые считались борцами с коррупцией.

Итак, речь идет о могущественном капиталистическом, насквозь заорганизованном сверху донизу партийном предприятии, опирающемся также на чрезвычайно крепкие, организованные подобно ордену клубы типа "Таммани-холл", целью которых является исключительно достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации. Такая структура партийной жизни была возможна вследствие высокого уровня демократии в Соединенных Штатах, как своего рода "целине". Теперь эта взаимосвязь ведет к тому, что данная система находится в состоянии постепенного отмирания. Америкой больше не могут управлять только дилетанты. Еще 15 лет назад (в 1904 г.) на вопрос: почему американские рабочие позволяют так управлять собою политикам, о презрении к которым они сами же и заявляют, - следовал ответ: "Пусть лучше чиновниками будут люди, на которых мы плюем, чем как у вас, каста чиновников, которая плюет на нас". Это старая позиция американской "демократии": социалисты уже тогда думали совершенно иначе. Но такое состояние стало невыносимым. Дилетантское управление оказалось недостаточным, и Civil Service Reform³² все больше увеличивала количество пожизненных мест, дающих право на получение пенсии, приводя таким образом к тому, что посты начали занимать [с.684] университетски образованные чиновники, столь же неподкупные и знающие свое дело, как и наши. Около 100000 постов теперь уже не являются "трофеями" избирательного цикла, но дают право на пенсии и требуют свидетельства о квалификации. Это обстоятельство постепенно вытеснит spoils system, а тогда, пожалуй, преобразуется и способ руководства партиями; мы только еще не знаем - как.

В Германии до сих пор решающими условиями политического предприятия являлись, в основном, следующие. Во-первых: бессилие парламентов, в результате чего никто из обладавших качествами вождя в течение длительного времени не мог сюда попасть. Допустим, он захотел бы стать членом парламента - что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти - если у него таковые имелись. Следует также учесть - и этот второй момент обуславливал первый - огромное значение в Германии вышколенного профессионального чиновничества. Здесь мы были первыми в мире. Поэтому профессиональное чиновничество претендовало не только на места чиновников-специалистов, но и на министерские посты. Соответствующая формула была найдена в прошлом году в баварском ландтаге, когда предметом дискуссии стала парламентаризация: одаренные люди больше не согласятся быть чиновниками, если парламентариев станут выдвигать на министерские посты. Кроме того, чиновничье управление в Германии систематически уклонялось от такого рода контроля, каким являются в Англии разьяснения комитета, и таким образом лишало парламенты способности (за немногими исключениями) растить в своей среде действительно толковых начальников управлений.

Третьим отличительным моментом было то, что, в противоположность Америке, мы в Германии имели принципиальные партии, которые по меньшей мере с субъективной bona fides³³ утверждали, что их члены [с.685] являются носителями "мировоззрения". Однако из этих партий две важнейшие: с одной стороны, партия центра, с другой стороны, социал-демократия - были природными партиями меньшинства, и именно умышленно. Руководящие круги партии центра в Рейхе никогда не скрывали, что они против парламентаризма из-за боязни оказаться в меньшинстве, так как тогда им было трудно по-прежнему, через давление на правительство, устраивать карьеристов. Социал-демократия оставалась принципиальной партией меньшинства и помехой парламентаризации, ибо не хотела мараться о существующий буржуазный политико-гражданский порядок. То обстоятельство, что обе эти партии исключили себя из парламентарной системы, сделало последнюю невозможной.

Чем же в таком случае стали заниматься немецкие профессиональные политики? У них не было ни власти, ни ответственности, они могли играть лишь весьма подчиненную роль уважаемых людей и в результате снова оказались во власти самых типичных цеховых инстинктов. В кругу этих уважаемых людей, вся жизнь которых заключалась в их крошечных постах, невозможно было выдвинуться чужеродному человеку. Я мог бы в любой партии, не исключая, конечно, и социал-демократию, назвать множество имен, каждое из которых символизирует трагедию политической карьеры человека, имевшего качества вождя и вследствие этого непереносимого уважаемыми людьми. Все

наши партии прошли путь превращения в корпорацию уважаемых людей. Например, Бебель, как бы ни был скуден его интеллект, являлся еще вождем по своему темпераменту и искренности. Вследствие того что Бебель был мучеником, что никогда (по мнению масс) не обманывал их доверия, он всецело полагался на них, и не было в партии силы, способной всерьез выступить против него. С его смертью ситуация в партии изменилась: началось господство чиновников, и все чаще давали о себе знать чиновничьи инстинкты. К власти пришли профсоюзные чиновники, партийные секретари, журналисты, чиновничество в высшей степени порядочное (можно сказать, на редкость порядочное, имея в виду положение в других странах, особенно продажных, как правило, чиновников в Америке), - однако и рассмотренные выше последствия господства чиновников все чаще имели место в партии. [с.686] Начиная с восьмидесятых годов, буржуазные партии полностью превратились в корпорации уважаемых людей. Правда, время от времени они должны были в рекламных целях привлекать умы, стоящие вне партий, чтобы потом иметь возможность сказать: "В наших рядах есть такие-то и такие-то имена". Но именно их-то они и старались по возможности не допустить к участию в выборах, и не получалось это лишь там, где указанные лица действовали жестко.

Тот же дух господствовал и в парламенте. Наши парламентские партии были и остаются корпорациями. Каждая речь, произносимая на заседании Рейхстага, предварительно целиком подвергалась партийному рецензированию. Это можно заметить по ее неслышанной скуке. Получить слово мог лишь тот, кто был заявлен в качестве оратора. Вряд ли можно придумать более глубокую противоположность английским, а также (по совершенно противоположным причинам) французским парламентским традициям.

Вследствие катастрофы, которую обыкновенно именуют революцией, сейчас, может быть, совершается некое преобразование. Но "может быть" не значит "определенно". Прежде всего, появились ростки новых типов партийного аппарата. Во-первых, аппарат любителей-дилетантов. Особенно часто он представлен студентами различных высших школ, которые говорят какому-нибудь человеку, вменяя ему качества вождя: мы хотим выполнять нужную для вас работу, изложите, что мы должны делать. Во-вторых, аппарат деловых людей. Случалось так, что люди приходили к какому-нибудь человеку, в котором они усматривали качества вождя, и предлагали ему взять на себя вербовку избирателей в обмен на твердую сумму за каждый голос. Если бы вы попросили меня честно ответить, какой из этих двух аппаратов я бы посчитал более надежным с сугубо технически-политической точки зрения, то я, видимо, предпочел бы второй его вариант. Однако и тот, и другой были всего лишь быстро всплывающими пузырями, которые тут же снова исчезали. Существующий аппарат произвел перегруппировку, продолжая работать. Все эти явления были всего лишь симптомами того, что новые виды партийного аппарата, быть может, и возникли, если бы только в наличии имелись вожди. Однако их выдвижение исключалось уже техническим своеобразием [с.687] системы пропорционального избирательного права. Появлялся - и тут же снова исчезал - только один-другой уличный диктатор. И только свита уличной диктатуры организована прочной дисциплиной - отсюда и власть этих исчезающих меньшинств.

Предположим, дело приняло бы иной оборот. Тогда, в соответствии со сказанным выше, следует подчеркнуть: руководство партиями со стороны плебисцитарных вождей обуславливает "обездушивание" свиты, ее, можно было бы сказать, духовную пролетаризацию. Чтобы подойти вождю в качестве аппарата, свита должна слепо повиноваться, быть машиной по-американски, без помех, вызываемых тщеславием уважаемых людей, или претензий, как следствий собственных взглядов. Избрание Линкольна стало возможным лишь благодаря такой специфике партийной организации, а в случае с Гладстоном, как уже говорилось, то же самое произошло в Caucus'e. Вот та цена, которую приходится платить за руководство вождя. Но выбирать можно только между вождистской демократией с "машиной" и демократией, лишенной вождей, то есть господством "профессиональных политиков" без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством "клики". Пока что мы в Германии только это последнее и имеем. А благоприятной предпосылкой продолжения того же и в будущем, по меньшей мере в Рейхе, является, во-первых, то, что Бундесрат, видимо, возродится и с необходимостью начнет ограничивать власть Рейхстага, а тем самым и его значение как места отбора вождей. Далее: пропорциональное избирательное право в его нынешней форме - типичное явление для демократии, лишенной вождей, не только потому что оно способствует закулисным местническим сделкам уважаемых людей, но и потому, что

впоследствии дает союзам претендентов возможность настоять на занесении своих чиновников в списки и таким образом создать неполитический парламент, в котором нет места подлинным вождям. Единственной отдушиной для потребности в вожде мог бы стать рейкс-президент, если избирать его будет не парламент, а плебисцит. Проверка на деле могла бы стать основой для возникновения и отбора вождей, прежде всего если бы в крупных общинах, как, например, в Соединенных [с.688] Штатах, везде, где хотели серьезно взяться за коррупцию, на поверхность всплывал плебисцитарный городской диктатор с правом самостоятельно подбирать себе бюро. Это обусловило бы приспособление партийной организации к такого рода выборам. Но из-за сугубо мелкобуржуазной враждебности к вождям со стороны всех партий, включая прежде всего социал-демократию, будущие способы формирования партий, а тем самым и все эти возможности еще покрыты мраком неизвестности.

И потому сегодня совершенно неясно, какую внешнюю форму примет предприятие политики как "профессии", а потому - еще менее известно, где открываются шансы для политически одаренных людей заняться решением удовлетворительной для них политической задачи. У того, кого имущественное положение вынуждает жить "за счет" политики, всегда, пожалуй, будет такая альтернатива: журналистика или пост партийного чиновника как типичные прямые пути; или же альтернатива, связанная с представительством интересов: в профсоюзе, торговой палате, сельскохозяйственной палате, ремесленной палате, палате по вопросам труда, союзах работодателей и т. д., или же подходящие посты в коммунальном управлении. Ничего больше о внешней стороне данного предмета сказать нельзя, кроме того лишь, что партийный чиновник, как и журналист, имеет скверную репутацию "деклассированного". Увы, если прямо этого им и не скажут, все равно у них будет гудеть в ушах: "продажный писатель", "наемный оратор"; тот, кто внутренне безоружен против такого к себе отношения и неспособен самому себе дать правильный ответ, тот пусть лучше подальше держится от подобной карьеры, ибо, во всяком случае, этот путь, наряду с тяжкими искушениями, может принести постоянные разочарования.

Так какие же внутренние радости может предложить карьера "политика" и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь? Прежде всего, она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь - чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, - способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь перед ним встает вопрос: какие его качества дают [с.689] ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов; ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было возложить руку на спицы колеса истории.

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть - в смысле ориентации на существо дела (Sachlichkeit): страстной самоотдачи "делу", тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Георг Зиммель обычно называл "стерильной возбужденностью", свойственной определенному типу прежде всего русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них!), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем "революции": утекающая в пустоту "романтика интеллектуально занимательного" без всякого делового чувства ответственности. Ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением "делу", не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого - в том-то и состоит решающее психологическое качество политика - требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. "Отсутствие дистанции", только как таковое, - один из смертных грехов всякого политика, - и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер? Политика "делается" головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, но подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отличающее

страстного политика и разводящее его со "стерильно возбужденным" [с.690] политическим дилетантом, возможно лишь благодаря привычке к дистанции - в любом смысле слова. "Сила" политической "личности" в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком "человеческого" врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе.

Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах - это род профессионального заболевания. Но как раз что касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научному предприятию. Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к власти как необходимому средству. Поэтому "инстинкт власти", как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым (unsachlich), предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно "делу". Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела (Unsachlichkeit) и - что часто, но не всегда то же самое - безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше вынужден демагог считаться с "эффектом", тем больше для него именно поэтому опасность стать фигляром или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным "впечатлением". Его неделовитость навязывает ему стремление к блестящей видимости власти, а не к действительной власти, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Ибо хотя или, точнее, именно потому, что власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы, [с.691] чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. "Политик одной только власти", культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность. И здесь критики "политики власти" совершенно правы. Внезапные внутренние катастрофы типичных носителей подобного убеждения показали нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но совершенно пустым жестом. Это - продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, каковое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, и в особенности - деяния политические. Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет - пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл - служение делу - отсутствовал. Как должно выглядеть то дело, служа которому, политик стремится к власти и употребляет власть, - это вопрос веры. Он может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, внутримирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в "прогресс"- все равно в каком смысле - или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение "идее" или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, - но какая-либо вера должна быть в наличии всегда. Иначе - и это совершенно правильно - проклятие ничтожества твари тяготеет и над самими, по видимости мощными, политическими успехами.

Сказанное означает, что мы уже перешли к обсуждению последней из занимающих нас сегодня проблем: проблемы этоса политики как "дела". Какому профессиональному призванию может удовлетворить она сама, совершенно независимо от ее целей, в рамках совокупной нравственной экономики ведения жизни? Каково, [с.692] так сказать, то этическое место, откуда она родом? Здесь, конечно, сталкиваются друг с другом последние мировоззрения, между которыми следует в конечном счете совершить выбор. Итак, давайте энергично возьмемся за проблему, поднятую недавно опять, по моему мнению, совершенно превратным образом.

Однако избавимся прежде от одной совершенно тривиальной фальсификации. А именно, этика может сначала выступать в роли в высшей степени фатальной для нравственности. Приведем примеры. Редко можно обнаружить, чтобы мужчина, отвращая свою любовь от одной женщины и обращая ее на другую, не чувствовал бы потребности оправдаться перед самим собой, говоря: "она была недостойна моей любви", или: "она меня разочаровала", либо же приводя какие бы то ни было другие "основания". Неблагодарство присочиняет себе "законное оправдание" ("Legitimitat") для простой ситуации: он больше не любит ее, и женщина должна это вынести; это "законное оправдание", в силу которого мужчина притязает на некое право и, помимо несчастья, жаждет свалить на женщину еще и неправоту, с глубоким неблагодарством присочиняется. Точно так же действует и удачливый эротический конкурент: противник должен быть никчемнейшим, иначе бы он не был побежден. Но очевидно, что и после любой победоносной для кого-то войны дело обстоит таким же образом, когда победитель с недостойным упрямством высказывает претензию: я победил, ибо я был прав. Или если кого-то среди ужасов войны постигает душевный крах, и он, вместо того чтобы просто сказать, что всего этого было уж слишком много, чувствует ныне потребность оправдать перед самим собой свою усталость от войны и совершает подмену: я потому не мог этого вынести, что вынужден был сражаться за безнравственное дело. И так же обстоит дело с побежденными в войне. Вместо того чтобы - там, где сама структура общества породила войну, - как старые бабы, искать после войны "виновного"³⁴, следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: "Мы проиграли войну - вы ее выиграли. С этим теперь все решено: давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми деловыми интересами, которые были задействованы, и - самое главное - ввиду той ответственности перед будущим, которая тяготеет прежде всего над победителем". Все [с.693] остальное недостойно, и за это придется поплатиться. Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповским упрямством. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в нравственном смысле. Такое возможно лишь благодаря ориентации на дело и благородству, но прежде всего лишь благодаря достоинству. Но никогда это не будет возможно благодаря "этике", которая в действительности означает унижительное состояние обеих сторон. Вместо того чтобы заботиться о том, что касается политика: о будущем и ответственности перед ним, этика занимается политически стерильными - в силу своей неразрешимости - вопросами вины в прошлом. Если и есть какая-либо политическая вина, то она именно в этом-то и состоит. Кроме того, в данном случае упускается из виду неизбежная фальсификация всей проблемы весьма материальными интересами: заинтересованностью победителя в наибольшем выигрыше - моральным и материальным - и надеждами побежденного выторговать себе преимущества признаниями вины: если и есть здесь нечто "подлое", то именно это, а это - следствие данного способа использования "этики" как средства упрямо утверждать свою правоту.

Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что "одна и та же" этика имеет силу и для политического действия, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства - власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи [с.694] большевизма и "Спартака", именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима?³⁵ Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов? Благородными намерениями! - следует ответить. Хорошо. Но ведь речь здесь идет именно о средстве, а на благородство конечных намерений совершенно так же притязают с полной субъективной честностью

и уязвляемые враждой противники. "Кто взялся за меч, от меча и погибнет", а борьба есть везде борьба. Итак: этика Нагорной проповеди? Что касается Нагорной проповеди-имеется в виду абсолютная этика Евангелия, -то цитирует данные заповеди. С этим не шутят. К абсолютной этике относится все то же, что было сказано о каузальности в науке: это не фиакр, который можно остановить в любой момент, чтобы входить и выходить по своему усмотрению. Но все или ничего: именно таков ее смысл, если считать, что нечто другое окажется тривиальностью. И вот, например, богатый юноша: "Он же отошел с печалью, потому что у него было большое имение". Евангельская заповедь безусловна и однозначна: отдай то, что ты имеешь, - все, совершенно все. Политик скажет: это социально бессмысленное требование, пока оно не осуществляется для всех. Итак: налогообложение, разорение налогами (Wegsteuerung), конфискация-одним словом: насилие и порядок против всех. Но этическая заповедь об этом вообще не спрашивает, такова ее сущность. Или: "Подставь другую щеку!" - безусловная заповедь не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить. Этика отсутствия достоинства - разве только для святого. Так и есть: следует быть святым во всем, хотя бы по намерениям, следует жить, как Иисус, апостолы, святой Франциск и ему подобные, тогда данная этика имеет смысл, тогда она является выражением некоего достоинства. В противном случае - нет. Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: "Не противостоять злу насилием", - то для политика имеет силу [с.695] прямо противоположное: ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты. Пусть тот, кто хочет действовать в соответствии с этикой Евангелия, воздержится от забастовок - ибо это насилие - и вступает в желтые профсоюзы. И пусть он, прежде всего, не говорит о "революции". Ибо данная этика отнюдь не намерена учить тому, что именно гражданская война есть единственно законная (legitime) война. Пацифист, действующий в соответствии с Евангелием, отвергнет или отринет оружие (как это рекомендовалось в Германии) по велению этического долга: чтобы положить конец данной войне и тем самым всякой войне. Политик же скажет: единственно надежным средством дискредитировать войну на весь обозримый период был бы мир на основании статус-кво. Тогда бы народы спросили себя: для чего велась эта война? Она была бы доведена ad absurdum - что ныне невозможно. Ибо для победителей - по меньшей мере части их - она будет политически выгодна. И за это несет ответственность то поведение, которое сделало для нас невозможным любое сопротивление. Теперь же, когда пройдет эпоха истощения, дискредитированным окажется мир, а не война-вот следствие абсолютной этики.

Наконец, долг правдивости. Для абсолютной этики он безусловен. Итак, отсюда следует вывод о необходимости публиковать все документы, прежде всего изобличающие собственную страну, а на основе этой односторонней публикации признавать вину в одностороннем порядке, безусловно, без оглядки на последствия. Политик же обнаружит в данном случае, что в результате истина не раскрывается, но надежно затемняется злоупотреблением и разжиганием страстей; что плоды могло бы принести только всестороннее планомерное исследование проблемы незаинтересованными сторонами; любой другой подход мог бы иметь для нации, которая его использует, последствия, непоправимые в течение десятилетий. Но абсолютная этика именно о "последствиях- то" и не спрашивает.

В этом все и дело. Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности". Не в том смысле, что этика [с.696] убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности - тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения - на языке религии: "Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповает на Бога", или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий. Как бы убедительно ни доказывали вы действующему по этике убеждения синдикалисту, что вследствие его поступков возрастут шансы на успех реакции, усилится угнетение его класса, замедлится дальнейшее восхождение этого класса, на него это не произведет никакого впечатления. Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, - он, как верно подметил Фихте, не имеет

никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельности. Исповедующий этику убеждения чувствует себя "ответственным" лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова - вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример.

Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия.

Главное средство политики - насилие, а сколь важно [с.697] напряжение между средством и целью с этической точки зрения - об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты (циммервальдской ориентации) уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: "Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но никакой революции, то мы выберем еще несколько лет войны!" Если бы еще был задан вопрос: "Что может дать эта революция?", то всякий поднаторевший в науке социалист ответил бы, что о переходе к хозяйству, которое в его смысле можно назвать социалистическим, не идет и речи, но что должно опять-таки возникнуть буржуазное хозяйство, которое бы могло только исключить феодальные элементы и остатки династического правления. Значит, ради этого скромного результата: "Еще несколько лет войны"! Пожалуй, позволительно будет сказать, что здесь даже при весьма прочных социалистических убеждениях можно отказаться от цели, которая требует такого рода средств. Но в случае с большевизмом и спартакизмом, вообще революционным социализмом любого рода дела обстоят именно так, и, конечно, в высшей степени забавным кажется, что эта сторона нравственно отвергает "деспотических политиков" старого режима из-за использования ими тех же самых средств, как бы ни был оправдан отказ от их целей.

Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность отвергать всякое поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилястического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент "любовь против насилия", в следующее мгновение призывают к насилию - к последнему насилию, которое привело бы к уничтожению всякого насилия, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление - последнее, оно приведет к победе, и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космически-этическим "рационалистом". Конечно, каждый из [с.698] вас, кто знает Достоевского, помнит сцену с Великим инквизитором, где эта проблема изложена верно. Невозможно натянуть один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, какая цель должна освящать какое средство, если этому принципу вообще делаются какие-то уступки.

Коллега Ф. В. Фёрстер³⁶, которого лично я высоко ценю за несомненную чистоту его убеждений, но как политика, конечно, безусловно отвергаю, думает, что в своей книге он обошел эту трудность благодаря простому тезису: из добра может следовать только добро, из зла - лишь зло. В таком случае вся эта проблематика просто не существовала бы. Но все-таки удивительно, что через 2500 лет после "Упанишад" такой тезис все еще смог появиться на свет. Не только весь ход мировой истории, но и любое откровенное исследование обыденного опыта говорит о прямо противоположном. Древней проблемой теодицеи как раз и является вопрос: почему же это сила, изображаемая одновременно как всемогущая и благая, смогла создать такой иррациональный мир незаслуженного страдания, безнаказанной несправедливости и неисправимой глупости? Либо она не есть одно, либо же она не есть другое; или жизнью правят совершенно иные принципы возмещения и воздаяния, такие, которые можем толковать метафизически, или же такие, которые навсегда будут недоступны нашему толкованию. Проблема опыта иррациональности мира и была движущей силой всякого религиозного развития. Индийское учение о карме и

персидский дуализм, первородный грех, предопределение и Deus absconditus³⁷ - все они выросли из этого опыта. И первые христиане весьма точно знали, что миром управляют демоны и что тот, кто связывается с политикой, то есть с властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами, и что по отношению к его действованию не то истинно, что из доброго может следовать только доброе, а из злого лишь злое, но зачастую наоборот. Кто не видит этого, тот в политическом отношении действительно ребенок.

Религиозная этика по-разному примирялась с тем фактом, что мы вписаны в различные, подлежащие различным между собой законам жизненные структуры (Lebensordnungen). Эллинский политеизм приносил [с.699] жертвы Афродите и Гере, Дионису и Аполлону, но знал при этом, что нередко боги были в споре между собой. Индуистская жизненная структура каждую из профессий делала предметом особого этического закона, дхармы, и навсегда разделяла их друг от друга по кастам, устанавливая их жесткую иерархию, вырваться из которой человек не мог с момента своего рождения, разве что возрождаясь в следующей жизни, а тем самым устанавливала для них разную дистанцию по отношению к высшим благам религиозного спасения. Таким образом ей удалось выстроить дхарму каждой касты, от аскетов и брахманов до мошенников и девок в соответствии с имманентными закономерностями профессии. Сюда подпадают также война и политика. В "Бхагаватгите", в беседе Кришны и Арджуны³⁸, вы обнаружите включение войны в совокупность жизненных структур. "Делай необходимое" - вот, согласно дхарме касты воинов и ее правилам, должный, существенно необходимый в соответствии с целью войны "труд": согласно этой вере, он не наносит ущерба религиозному спасению, но служит ему. Индийскому воину, погибающему героической смертью, небеса Индры представлялись с давних пор столь же гарантированными, как и Валгалла германцу. Но нирвану он презирал бы так же, как презирал бы германец христианский рай с его ангельскими хорами. Такая специализация этики сделала возможным для индийской этики ничем не нарушаемое, следующее лишь собственным законам политики и даже усиливающее их обращение с этим царским искусством. Действительно радикальный "макиавеллизм" в популярном смысле этого слова классически представлен в индийской литературе "Артхашастрой" Каутильи (задолго до Рождества Христова, будто бы из эпохи Чандрагупты)³⁹; по сравнению с ней "Principe" Макиавелли бесхитростен. В католической этике, которой обыкновенно следует профессор Фёрстер, "consilia evangelica"⁴⁰, как известно, являются особой этикой для тех, кто наделен харизмой святой жизни. В ней рядоположены монах, не имеющий дозволения проливать кровь и искать выгоды, и благочестивый рыцарь и бюргер, которым дозволено - одному то, другому это. Градация католической этики и ее включение в структуру учения о спасении менее [с.700] последовательны, чем в Индии, хотя и тут они должны были и имели право соответствовать христианским предпосылкам веры. Первородная испорченность мира грехом позволяла относительно легко включить в этику насилие как средство дисциплинирования против греха и угрожающих душам еретиков. Но ориентированные только на этику убеждения, акосмические требования Нагорной проповеди и покоящиеся на этом религиозное естественное право как абсолютное требование сохраняли свою революционизирующую силу и почти во все эпохи социальных потрясений выходили со своей стихийной яростью на передний план. В частности, они вели к созданию радикально-пацифистских сект, одна из которых проделала в Пенсильвании эксперимент по образованию ненасильственного во внешних отношениях государственного устройства - эксперимент трагический, поскольку квакеры, когда разразилась война за независимость, не смогли выступить с оружием в руках за свои идеалы. Напротив, нормальный протестантизм абсолютно легитимировал государство, то есть средство насилия, как божественное учреждение, а в особенности - легитимное авторитарно-монархическое государство (Obrigkeitsstaat). Лютер освободил отдельного человека от этической ответственности за войну и переложил ее на авторитеты (Obrigkeit), повиновение которым, кроме как в делах веры, никогда не могло считаться грехом. Опять-таки кальвинизму в принципе было известно насилие как средство защиты веры, то есть война за веру, которая в исламе с самого начала являлась элементом жизни. Таким образом, проблему политической этики ставит отнюдь не современное, рожденное ренессансным культом героев неверие. Все религии бились над этой проблемой с самым различным успехом, и по тому, что было сказано, иначе и быть не могло. Именно специфическое средство легитимного насилия исключительно как таковое в руках человеческих союзов и обуславливает особенность всех этических проблем политики.

Кто бы, ради каких бы целей ни блокировался с указанным средством - а делает это каждый политик, - тот подвержен и его специфическим следствиям. В особенно сильной мере подвержен им борец за веру, как религиозный, так и революционный. Давайте непредвзято обратимся к примеру современности. Тот, кто хочет [с.701] силой установить на земле абсолютную справедливость, тому для этого нужна свита: человеческий "аппарат". Ему он должен обещать необходимое (внутреннее и внешнее) вознаграждение - мзду небесную или земную - иначе "аппарат" не работает. Итак, в условиях современной классовой борьбы внутренним вознаграждением является утоление ненависти и жажды мести, прежде всего: Ressentiment'a и потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников. Внешнее вознаграждение - это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места. Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от его - а не своих собственных - мотивов, то есть от того, чтобы свите: красной гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, эти вознаграждения доставлялись постоянно. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предначертано ему теми преимущественно низкими мотивами действия его свиты, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и его дело воодушевляет по меньшей мере часть товарищества (так, чтобы воодушевлялось хотя бы большинство, не бывает, видимо, никогда). Но не только эта вера, даже там, где она субъективно честна, в весьма значительной части случаев является по существу этической "легитимацией" жажды мести, власти, добычи и выгодных мест - пусть нам тут ничего не наговаривают, ибо ведь и материалистическое истолкование истории - не фиакр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции оно не останавливается! - но прежде всего: традиционалистская повседневность наступает после эмоциональной революции, герой веры и прежде всего сама вера исчезают или становятся - что еще эффективнее - составной частью конвенциональной фразы политических обывателей и технических исполнителей. Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные вожди - пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах "дисциплины". Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается [с.702] обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест.

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не "работали" с политическим средством - насилием; их царство было "не от мира сего", и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи - такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, - напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Люди знали это уже во времена господства церкви. Вновь и вновь налагался на Флоренцию интердикт - а тогда для людей и спасения их душ это было властью куда более грубой, чем (говоря словами Фихте) "холодное одобрение" кантского этического суждения, - но граждане сражались против государства церкви? И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, "Истории Флоренции", заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души.

Если вы вместо отчего города или "отчего края" (Vaterland), что как раз сейчас не для каждого может быть однозначной ценностью, станете говорить о "будущем социализма" или даже "международном умиротворении", то вы подошли к проблеме в ее нынешнем состоянии. Ибо все это, достигнутое политическим действием, которое использует насильственные средства и работает в русле этики ответственности, угрожает "спасению души". Но если в борьбе за веру к политическому действию будут стремиться при [с.703] помощи чистой этики

убеждения, тогда ему может быть нанесен ущерб и оно окажется дискредитированным на много поколений вперед, так как здесь нет ответственности за последствия. Ибо тогда действующий не осознает тех дьявольских сил, которые вступили в игру. Они неумолимы и создают для его действия, а также для его собственной внутренней жизни такие следствия, перед которыми он оказывается совершенно беспомощным, если он их не видит. "Ведь черт-то стар". И не годы, не возраст имеются тут в виду: "так станьте стары, чтоб его понять". Никогда и я не смирялся с тем, чтобы в дискуссии меня побеждали датой в свидетельстве о рождении; но тот простой факт, что кому-то 20 лет, а мне за 50, в конечном счете не может побудить меня и это считать достижением, перед которым я в почтении онемею. Дело не в возрасте, но, конечно, в вышколенной решительности взгляда на реальности жизни и в способности вынести их и внутренне оставаться на должной высоте⁴¹.

В самом деле: политика делается, правда, головой, но, само собой разумеется, не только головой. Тут совершенно правы исповедующие этику убеждения. Но должно ли действовать как исповедующий этику убеждения или как исповедующий этику ответственности, и когда так, а когда по-другому, - этого никому нельзя предписать. Можно сказать лишь одно: если ныне, в эпоху некоей, как вы думаете, не "стерильной" возбужденности - но возбужденность-то все-таки чувство вообще не всегда подлинное, - внезапно наблюдается массовый рост политиков убеждения с лозунгом: "Мир глуп и подл, но не я; ответственность за последствия касается не меня, но других, которым я служу и чью глупость или подлость я выкорчужу", то скажу открыто, что я сначала спрошу о мере внутренней полновесности, стоящей заданной этикой убеждения; у меня создалось впечатление, что в девяти случаях из десяти я имею дело с вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями. В человеческом смысле меня это не очень интересует и не вызывает никакого потрясения. В то время как безмерным потрясением является, когда зрелый человек - все равно, стар он или юн годами, - который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует согласно этике ответственности, [с.704] в какой-то момент говорит: "Я не могу иначе, на том стою". Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние, для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда-то иметь возможность наступить. И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь "призвание к политике".

А теперь, уважаемые слушатели, давайте поговорим об этом моменте еще раз через десять лет. Если тогда, как мне по целому ряду причин приходится опасаться, уже немало лет будет господствовать эпоха наступившей реакции, и из того, чего желают и на что надеются, конечно, многие из вас и, должен откровенно признаться, я тоже, сбудется немного (может быть, и не совсем уж ничто не сбудется, но как минимум, по видимости, немного - что весьма вероятно; меня это не сломит, но, конечно, знать об этом-душевное бремя), - вот тогда я бы посмотрел, что в глубинном смысле слова "стало" из тех вас, кто чувствует себя теперь подлинным "политиком убеждения" и охвачен тем угаром, который символизирует эта революция. Было бы прекрасно, если бы дела обстояли так, чтобы к ним подходили слова 102-го сонета Шекспира:

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.
Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

(Перевод С. Я. Маршака)

Но дело обстоит не так. Не цветение лета предстоит нам, но сначала полярная ночь ледяной мглы и суровости, какая бы по внешней видимости группа ни победила. Ибо там, где ничего нет, там право свое утерять не только кайзер, но и пролетарий. Когда понемногу начнет отступать эта ночь, кто еще будет жив тогда из тех, чья весна, по видимости, расцвела сейчас так пышно? И что тогда внутренне "станет" изо всех вас? Озлобление или обывательщина, просто тупое смирение с миром и профессией, или - третий, и не самый редкий вариант: мистическое бегство от мира у тех, кто имеет для этого дар, или - часто и скверно - вымучивает из [с.705] себя мистицизм как моду? В любом из этих случаев я сделаю вывод: они не поднялись до уровня своих собственных поступков, не поднялись и до уровня мира, каким он в действительности есть, и его повседневности; призвания к профессии "политика", которое, как они думали, они в себе имеют, объективно и фактически в глубиннейшем смысле у них не было. Лучше бы они просто практиковали братство в

межчеловеческом общении, а в остальном сугубо по-деловому обратились бы к своему повседневному труду.

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Мысль, в общем-то, правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть - в самом простом смысле слова - героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать "и все-таки!", - лишь тот имеет "профессиональное призвание" к политике. [с.706]

1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Немецкое слово "Beruf" может быть переведено и как "профессия", и как "призвание". Но основании анализа протестантизма Вебер пришел к выводу, что эта двусмысленность термина не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания и приводит к весьма существенным для европейского общества и европейской культуры последствиям.

2 Вебер воспроизводит в данном случае слова Заратустры из книги Ф. Ницше "Так говорил Заратустра": "Разве я жажду счастья? Я жажду свершить свой труд!" (Nietzsche F. Werke in vier Banden. Bd. 1. Salzburg, 1985, S. 576).

3 Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии (англ.).

4 После неудачной попытки реформировать государственную службу в 1871-1873 гг. Конгресс, наконец, принял в 1883 г. так называемый "Закон Пендлтона", по которому учреждалась двухпартийная комиссия по вопросам государственной службы, совершающая отбор большей части правительственных чиновников на основе их знаний и способностей. Многочисленные изменения в эту систему вносились и впоследствии.

5 Император Священной Римской империи Максимилиан I (1459- 1519).

6 Путткамер Р.Ф. (1828-1900) - консервативный прусский политик.

7 Альтхофф Ф. (1839-1908) - влиятельный прусский министр, много сделавший для развития высшего образования в Германии. Рано оценив дарования Вебера, Альтхофф усиленно стремился еще в начале 90-х гг. удержать его в Пруссии, в Берлинском университете.

8 Ли Хун-Чжан (1823-1901) - сановник феодального Китая.

9 Самоуправления (англ.).

10 Современное применение (лат.).

11 Подеста - главы исполнительной и судебной власти в итальянских городах-коммунах XII - начала XVII в.

12 Концилиаризм - концепция подчинения власти папы Вселенскому собору.

13 Дворянство мантии (франц.).

14 Предприятие заинтересованных сторон - Interessentenbetrieb. Слово "Interessent" имеет несколько значений: претендент, соискатель, сторона в суде. Все эти значения обыгрываются Вебером.

15 Устав гвельфской партии (итал.).

16 Агент по выборам (англ.).

- 17 Таммани Холл - штаб демократической партии в Нью-Йорке.
- 18 Новому человеку, выскочке (лат.).
- 19 Парламентский организатор (англ.).
- 20 Закрытого совещания (англ.).
- 21 Чемберлен Дж. (1836-1914) - видный деятель либеральной партии. В 1878 г. вместе с Ф. Шнадхорстом он организовал на строго дисциплинарных началах Либеральную организацию Бирмингема; Систему таких организаций в Либеральной партии Дизраэли (см. прим. к с. 679) и назвал saucus, употребив понятие, свойственное американской политической жизни (само слово пришло из одного из языков американских индейцев): "закрытое совещание лидеров партий", заседание фракции в Конгрессе и т.п., - с такой отрицательной интонацией, какой оно там не имело.
- 22 Гладстон У. Ю. (1809-1898) - лидер Либеральной партии, неоднократно - премьер-министр Великобритании.
- 23 Дизраэли Б. (1804-1881) - лидер Консервативной партии, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874-1880 гг. Дизраэли активно и успешно проводил в 1875-1879 гг. внешнюю политику, однако колониальная экспансия требовала немалых средств, что вынудило его, в частности, поднять подоходный налог. Гладстон во время избирательной кампании 1879-1880 гг. обещал сократить государственные расходы и расширить избирательные права и под этими лозунгами привел партию к победе на выборах.
- 24 Гомруль (Home Rule) - программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи, выдвинутая в 1870-е г. ирландскими лидерами. В предвыборной программе 1880 г. Гладстон обещал предоставить ирландцам самоуправление. Пытаясь провести в парламенте закон о Гомруле, Гладстон натолкнулся, между прочим, на решительное сопротивление Дж. Чемберлена.
- 25 Мировой судья (Justice of Peace) (англ.).
- 26 Член парламента (Member of Parliament) (англ.).
- 27 Кобден Р. (1804-1865) - один из лидеров английского фритредерства.
- 28 Уэбстер Д. (1782-1852) - известный американский оратор и политический деятель; Колхаун Дж. К. (1782-1850) - американский государственный деятель и политический философ.
- 29 Джэксон Э. (1767-1845) - 7-й президент США (1829-1837), один из основателей (1828) Демократической партии.
- 30 Национальных съездах (англ.).
- 31 Назначение кандидатов (англ.).
- 32 Реформа государственной гражданской службы (англ.).
- 33 Искренностью (лат.).
- 34 Отношение Вебера к вопросу об исключительной виновности Германии в развязывании первой мировой войны нашло выражение и в протесте, подписанном им вместе с группой немецких профессоров, где отвергались претензии держав-победительниц на полную правоту в этом конфликте. Особое негодование Вебера вызвала публикация руководителем республиканского правительства в Мюнхене К. Эйснером документов, подтверждающих "немецкую вину". Эта публикация, как утверждает Марианна Вебер, была вызвана надеждой пацифистов добиться тем самым более мягких условий заключения мира (см.: Ibb, S. 682).

35 Отношение Вебера к Советам не было абсолютно отрицательным. Некоторое время он по просьбе социалистов входил в Гейдельбергский совет рабочих и солдатских депутатов, надеясь быть там полезным своими познаниями. Как сообщает Марианна Вебер, он хорошо ладил с рабочими вождями. Однозначное неприятие у него вызывали радикалистски настроенные деятели "Спартак", последователи К. Либкнехта и Р. Люксембург.

36 Ферстер Ф. В. (1869-1966) - теоретик политической этики, пацифист.

37 Сокрытый Бог (лат.).

38 "Бхагаватгита" начинается с того, что воин Арджуна отказывается участвовать в братоубийственной битве. Затем следует "поучение" Кришны, который, в частности, говорит: "Приняв во внимание свой долг, не нужно тебе колебаться, /Ведь для кшатрия (то есть воина. - А. Ф.) лучше нет ничего, чем справедливая битва... Если же ты справедливость боя не примешь, / Ты согрешишь, изменив своим долгу и чести" (II, 31, 33 - философские тексты "Махабхараты". Вып. I, Кн. I. Бхагаватгита. Пер. Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1978, с. 86, 87).

39 "Артхашастра" - трактат об искусстве политики и государственном управлении. Традиционно его автором считается Каутилья - советник основателя династии Маурьев царя Чандрагупты (IV в. до н.э.). См.: Артхашастра, или Наука политики, М.-Л., 1959 (особенно кн. 1).

40 Евангельские советы (лат.).

41 Во времена молодости Вебера табель о рангах в академических кругах почти однозначно определяла отношения младших к старшим. Однако необходимого пиетета в научных спорах (да и в принципиальных внеучебных конфликтах) она была начисто лишена. В момент произнесения данного доклада ситуация изменилась. Молодое поколение, пришедшее с фронта, ощущало за собой правду более высокую, чем правда отцов. Но Вебер и здесь не думал заискивать.

Макс Вебер

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

1. СМЫСЛ "ПОНИМАЮЩЕЙ" СОЦИОЛОГИИ

В поведении (Verhalten) людей ("внешнем" и "внутреннем") обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регулярность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть понятно истолкованы. Полученное посредством истолкования "понимание" поведения людей содержит специфическую, весьма различную по своей степени качественную "очевидность". Тот факт, что толкование обладает такой "очевидностью" в особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости. Ибо одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных констелляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей. "Понимание" связи всегда надлежит - насколько это возможно - подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения, прежде чем принять пусть даже самое очевидное толкование в качестве значимого "понятного объяснения". Наибольшей "очевидностью" отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы "понимаем" и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей. "Понятное" не имеет четких границ для эмпирических дисциплин. Экстаз и мистическое переживание, так же как известные типы пси-

хопатических связей или поведение маленьких детей (а также не интересующее нас в данной связи поведение животных), не доступны нашему пониманию и основанному на нем объяснению в такой мере, как другие процессы. Дело не в том, что нашему пониманию и объяснению недоступно "отклонение от нормального" как таковое. Напротив, именно постигнуть совершенно "понятное" и вместе с тем "простое", полностью соответствующее "правильному типу" (в том смысле, который будет вскоре пояснен), может быть задачей, значительно превышающей средний уровень понимания. "Не надо быть Цезарем, чтобы понимать Цезаря" - как принято говорить. В противном случае заниматься историей вообще не имело бы никакого смысла. И наоборот, существуют явления, рассматриваемые нами как "собственные", а именно "психические", совершенно будничные реакции человека, которые, однако, в своей взаимосвязи вообще не обладают качественно специфической очевидностью, свойственной "понятному". Так, например, процесс тренировки памяти и интеллекта лишь частично "доступен пониманию", ничуть не более, чем ряд психопатических проявлений. Поэтому науки, основанные на понимании, рассматривают устанавливаемую регулярность в подобных психических процессах совершенно так же, как закономерности физической природы.

Из специфической очевидности целерационального поведения не следует, конечно, делать вывод о том, что социологическое объяснение ставит своей целью именно рациональное толкование. Принимая во внимание роль, которую в поведении человека играют "иррациональные по своей цели" аффекты и "эмоциональные состояния", и тот факт, что каждое целерационально понимающее рассмотрение постоянно наталкивается на цели, которые сами по себе уже не могут быть истолкованы как рациональные "средства" для других целей, а должны быть просто приняты как целевые направленности, не допускающие дальнейшего рационального толкования, - даже если их возникновение как таковое может служить предметом дальнейшего "психологически" понятного объяснения, - можно было бы с таким же успехом утверждать прямо противоположное. Правда, поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий "идеальный тип".

[496]

Социология, подобно истории, дает сначала "прагматическое" истолкование, основываясь на рационально понятных связях действий. Именно так создается в политической экономии рациональная конструкция "экономического человека". Такой же метод применяется и в понимающей социологии. Ведь ее специфическим объектом мы считаем не любой вид "внутреннего состояния" или внешнего отношения, а действие. "Действием" же (включая намеренное бездействие или нейтральность) мы всегда называем понятное отношение к "объектам", то есть такое, которое специфически характеризуется тем, что оно "имело" или предполагало {субъективный} смысл, независимо от степени его выраженности. Буддийское созерцание и христианская аскеза осмысленно соотносены с "внутренними" для действующих лиц объектами, а рациональная экономическая деятельность человека, распоряжающегося материальными благами, - с "внешними" объектами. Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотносением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено. Субъективно осмысленно соотносены с внешним миром, и в частности с действиями других, и аффективные действия, и такие косвенно релевантные для поведения "эмоциональные состояния", как "чувство собственного достоинства", "гордость", "зависть", "ревность". Однако понимающую социологию интересуют здесь не физиологические, ранее называвшиеся "психофизическими" явления, например изменение пульса или быстроты реакции и т. п., и не чисто психические данности, такие, как, например, сочетание напряжения с ощущением удовольствия или неудовольствия, посредством которых эти явления могут быть охарактеризованы. Социология дифференцирует их по типам смысловой (прежде всего внешней) соотносенности действия, и поэтому целерациональность служит ей - как мы вскоре увидим - идеальным типом именно для того, чтобы оценить степень его иррациональности. Только если определять (субъективно предполагаемый) смысл этой "соотносенности" как "внутренние" пласты человеческого поведения (такую терминологию нельзя не считать вызыва-

[497]

щей сомнение), можно было бы сказать, что понимающая социология рассматривает названные явления исключительно "изнутри", но это означало бы: не посредством

перечисления их физических или психических черт. Следовательно, различия психологических свойств в поведении не релевантны для нас сами по себе. Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых "психических" констелляций, хотя и несомненно, что различия в одной из сторон могут быть обусловлены различиями в другой. Такая категория, как, например, "стремление к наживе", вообще не может быть отнесена к какой-либо "психологии"; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах "одного и того же" делового предприятия "одинаковое" стремление к "рентабельности" может быть связано не только с совершенно гетерогенными "качествами характера", но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и в конечном результате прямо противоположными "психическими" констелляциями и чертами характера; при этом и важнейшие (для психологии), решающие "целевые направленности" могут не быть родственны друг другу. События, лишённые смысла, субъективно соотнесенного с поведением других, по этому одному еще не безразличны с социологической точки зрения. Напротив, именно в них могут содержаться решающие условия, а следовательно, причины, определяющие поведение. Ведь для понимающей науки человеческие действия в весьма существенной степени осмысленно соотносятся с не ведающим осмысления "внешним миром", с явлениями и процессами природы: теоретическая конструкция поведения изолированного экономического человека, например, создана именно на этой основе. Однако значимость процессов, не обладающих субъективной "смысловой соотнесенностью", таких, например, как кривая рождаемости и смертности, формирование посредством естественного отбора антропологических типов, а также чисто психические факторы, принимается понимающей социологией просто в качестве "условий" и "следствий", на которые ориентируются осмысленные действия, подобно тому как в экономической науке используются климатические данные или данные из области физиологии растений.

Явления наследственности не могут быть поняты на основе субъективно предполагаемого смысла и тем меньше, чем точнее становятся естественнонаучные определе-

[498]

ния их условий. Предположим, например, что когда-либо удастся (мы сознательно не пользуемся здесь специальной терминологией) приблизительно установить связь между наличием определенных социологически релевантных качеств и импульсов, таких, например, которые способствуют либо стремлению к определенным типам социального влияния и власти, либо шансам этого достигнуть наличием способности к рациональной ориентации действий вообще или других отдельных интеллектуальных качеств, с одной стороны, и индексом черепа или принадлежностью к обладающей какими-либо признаками группе людей - с другой. Тогда понимающей социологии пришлось бы, без всякого сомнения, принять во внимание эти специальные данные так же, как она принимает во внимание, например, последовательность типических возрастных стадий или смертность людей. Однако подлинная ее задача состояла бы именно в том, чтобы, интерпретируя, объяснить: 1. Посредством каких осмысленно соотнесенных действий (будь то с объектами внешнего или собственного внутреннего мира) люди, обладающие специфическими унаследованными качествами, пытались осуществить свое стремление, обусловленное, помимо других причин, и этими качествами; в какой степени и по какой причине им это удавалось или не удавалось? 2. Какие понятные нам последствия подобное (обусловленное наследственностью) стремление имело для осмысленно соотнесенного поведения других людей?

II. ОТНОШЕНИЕ К "ПСИХОЛОГИИ"

Из всего сказанного очевидно, что понимающая социология не есть часть "психологии". Ведь непосредственно "наиболее понятный" тип смысловой структуры действий представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) однозначно и ясно постигнутых целей. Причем наиболее понятно оно в том случае, когда и самому исследователю применяемые средства представляются наиболее адекватными поставленным целям. Когда подобные действия "объясняют", это отнюдь не означает, что их выводят из "психических" данных; напротив, это означает, что их

[499]

стремятся вывести из ожиданий (и только из них), которые субъективно связываются с поведением объектов (субъективная целерациональность) и которые могут быть с этим связаны на основании значимого опыта (объективная рациональность правильности). Чем однозначнее действие ориентировано по типу рациональной

правильности, тем менее смысл его может быть понят с помощью каких-либо психологических соображений. Напротив, при любом объяснении "иррациональных" действий, то есть таких, где либо не принимаются во внимание "объективно" правильные условия целерационального действия, либо (вторая возможность) и субъективно в значительной степени исключаются целерациональные соображения действующего лица (например, при "биржевой панике"), необходимо прежде всего установить следующее: каким было бы это действие в рациональном идеальном-типическом пограничном случае при абсолютной рациональности цели и рациональной правильности. Ибо только тогда, когда это установлено, может быть вообще, как показывает простейшее наблюдение, совершено каузальное сведение хода событий как к объективно, так и к субъективно "иррациональным" компонентам, так как только тогда мы знаем, что же в этом действии объясняется только "психологически" (как принято характерным образом формулировать): другими словами, что следует сводить к связям, которые основаны на объективно ложной ориентации или на субъективной иррациональности по цели, а в последнем случае либо на постигаемых только в опыте, но совершенно непонятных, либо на понятных, но не поддающихся целерациональному истолкованию мотивах. Иного средства нет и для определения того, что (предположительно) в полностью известном "психическом" процессе оказалось релевантным для характера действия. Это относится без каких-либо исключений к любому историческому и социологическому каузальному сведению. Что касается последних "с очевидностью" постигаемых и в этом смысле "доступных пониманию" ("переживанию посредством вчувствования") "целевых направленностей", на которые наталкивается понимающая психология (например, полового инстинкта), то они не более чем данности, которые в принципе следует просто принимать, абсолютно так же, как мы приняли бы любую другую, даже совершенно чуждую осмыслению констелляцию фактических данных.

[500]

Между совершенно (субъективно) целерациональным поведением и совершенно непонятными психическими данностями находятся так называемые "психологически" понятные (иррациональные по цели) связи (на весьма сложной казуистике этой проблемы мы здесь даже вкратце останавливаться не будем), объединенные в реальности множеством скользящих переходов. Субъективно целерационально ориентированное действие и действие, "правильно" ориентированное на то, что объективно значимо (рационально правильно), - в корне различные понятия. Исследователю, которому надлежит объяснить определенное действие, оно может казаться в высшей степени целерациональным, хотя и ориентированным на совершенно неубедительные, с его точки зрения, исходные позиции действующего лица. Так, например, действия, ориентированные на магические представления, субъективно подчас значительно более целерациональны по своему характеру, чем какое-либо немагическое, "религиозное" поведение, так как с ростом расколдования мира религиозность неизбежно вынуждена (субъективно) все более прибегать к иррациональным по цели смысловым связям (например, основанным на определенной "настроенности" или мистическим). Однако, оставляя в стороне проблему каузального сведения, следует указать на то, что в историческом и социологическом исследованиях постоянно приходится также заниматься и отношением действительного, понятного по своему смыслу поведения к тому, каким оно должно было бы быть по своему типу, чтобы соответствовать "значимому" (для самого исследователя) типу - назовем его "правильным". Для определенных (не всех) целей исторической и социологической науки тот факт, что субъективно осмысленное поведение (мышление или действие) ориентировано соответственно правильному типу, в противоречии с ним или приближенно к нему, чрезвычайно важен "сам по себе", то есть вследствие лежащего в его основе отнесения к ценности. Далее, это обстоятельство обычно оказывается решающим каузальным моментом во внешнем аспекте - для "результата" действий. Следовательно, при таком положении дел конкретно-исторические или типично социологические предпосылки могут быть открыты - по крайней мере в той степени, в какой степень идентичности, отклонения или противоречия эмпирического процесса по сравнению с правильным типом

[501]

становится понятной, а тем самым и объяснимой посредством категории "адекватной смыслу причинной обусловленности". Совпадение с "правильным типом" составляет "самую понятную каузальную связь", поскольку именно она "наиболее адекватна смыслу". "Адекватной смыслу причинной обусловленностью" в истории логики представляется тот факт, что при наличии определенной субъективно осмысленной

связи различных соображений по логическим вопросам ("состояние проблемы") мыслителю "приходит в голову" идея, приближающаяся к решению правильного типа, в принципе подобно тому, как ориентация поведения на познанный "опытным путем" действительность представляется нам специфически "адекватно по своему смыслу причинно обусловленной". Однако фактическое приближение реальных действий к правильному типу, а следовательно, фактическая объективная рациональная правильность, еще очень далеки от обязательного совпадения с субъективно целерациональными действиями, то есть ориентированными на полностью однозначно осознанные цели и на полностью осознанный выбор "адекватных" для этого средств. Значительная часть исследований в области понимающей психологии направлена в настоящее время на выявление недостаточно или вообще не замеченных, следовательно, в этом смысле не субъективно рационально ориентированных связей, которые, однако, фактически идут главным образом в направлении объективно "рационально" понятной связи. Если полностью отвлечься от ряда областей исследования так называемого психоанализа, который носит именно такой характер, то окажется, что в конструкции, подобной теории Ressentiment у Ницше, содержится толкование, в котором из прагматической направленности интересов (недостаточно или вообще не замеченной, так как, по вполне понятным причинам, в них "не признавались") выводится объективная реальность внешнего или внутреннего отношения. Впрочем - совершенно в том же (методологическом) смысле, - это делается в опередившей ее на несколько десятилетий теории экономического материализма. В подобных случаях субъективная целерациональность (даже если она не замечена) и объективная рациональность правильности очень легко вступают в не вполне ясные взаимоотношения, которыми мы здесь, однако, заниматься не будем. Наша задача заключалась в том, чтобы указать (хотя

[502]

и неточно), насколько проблематичен и ограничен "чисто психологический" аспект понимания. На одной стороне перед нами незамеченная относительно высокая степень рациональности (в которой не сознаются) поведения, как будто совершенно иррационального по своей цели, - оно "понятно" вследствие этой рациональности. На другой - несчетное число раз (особенно в истории культуры) обнаруживаемое свидетельство того, что явления, как будто непосредственно целерационально обусловленные, в действительности исторически возникли благодаря совершенно иррациональным мотивам, а затем они, поскольку изменившиеся условия жизни придали им высокую степень технической "рациональной правильности", "адаптируясь", сохранились и в ряде случаев широко распространились.

Социология принимает во внимание, конечно, не только наличие таких "выдвинутых" мотивов поведения, как "замена удовлетворения" инстинктов и т. п., но, и прежде всего, то, что просто "непонятные" качественные компоненты мотивационного процесса в значительной степени определяют также его смысловую соотнесенность и характер его воздействия. "Одинаковое" по своей смысловой соотнесенности поведение уже при чисто количественном различии в "быстроте реакции" участников в своей конечной стадии часто проходит совершенно различным способом. Именно подобные различия, а тем более качественные моменты, ведут к тому, что "одинаковые" вначале по своей "смысловой" соотнесенности мотивационные сцепления в результате нередко перемещаются на пути, гетерогенные и по своему смысловому значению.

Для социолога нет четких границ между: 1) более или менее приближенно достигнутым типом правильности; 2) типом (субъективно), целерационально ориентированным; 3) более или менее осознанным или замеченным и более или менее однозначно целерационально ориентированным поведением; 4) поведением нецелерациональным, но понятным по своим смысловым связям; 5) поведением, мотивированным более или менее понятной смысловой связью, в большей или меньшей степени прерываемой непонятными, отчасти также определяющими ее моментами; 6) наконец, совершенно непонятными психическими и физическими данностями "в" человеке и "связанными" с ним. Социолог считает само собой раз-

[503]

моющимся, что "рационально правильное" поведение не всегда субъективно обусловлено целерационально и что реальное поведение определяют в первую очередь не логически рационально выявляемые, а, как принято говорить, "психологические" связи. Так, логически можно было бы прийти к выводу, что следствием мистически-созерцательной религиозности должно быть безразличие к тому, обретут ли спасение другие люди, а следствием веры в предопределение - фатализм или даже этическая аномия. В действительности же такая религиозность может в некоторых типических

случаях привести к своего рода эйфории, субъективно ощущаемой как некая своеобразная безобъектная любовь, что, во всяком случае, представляет собой частично "непонятную" связь: в социальном поведении такое чувство часто выражается в виде некоего "акосмизма любви", что уже, конечно, является не целерационально, но психически "понятной" связью. Что же касается веры в предопределение, то при наличии известных (вполне понятных) условий она может специфически рационально понятным образом превратить в глазах верующего его способность к активной этической деятельности в залог его спасения и тем самым полностью раскрыть это качество частично целерациональным, частично совершенно понятным по своему смыслу образом. С другой стороны, однако, вера в предопределение в свою очередь может быть "психологически" понятным образом продуктом весьма определенных, также понятных по смыслу своих связей, жизненных судеб и качеств "характера" (которые следует принимать как данность). Короче говоря, отношение понимающей социологии к психологии в каждом отдельном случае различно по своему характеру. Объективно рациональная правильность служит в социологии идеальным типом по отношению к эмпирическому поведению, ценностно рациональная - по отношению к психологически понятному по своему смыслу, понятное по своему смыслу - по отношению к непонятно мотивированному: посредством сопоставления поведения того или иного характера с соответствующим идеальным типом устанавливаются каузально релевантные иррациональности (в каждом случае в различном смысле слова) для осуществления каузального сведения.

Социология категорически отвергает утверждение, будто "понимание" и "объяснение" не взаимосвязаны,

[504]

хотя и совершенно верно, что исследование в обоих случаях начинается на противоположных полюсах происходящего; частности, статистическая повторяемость поведения ни на йоту не делает "понятнее" его смысл, а оптимальная степень "понятности" как таковая никак не влияет на повторяемость, более того, при абсолютной субъективной целерациональности обычно даже противоречит ей. Несмотря на это, понятные в смысловом отношении духовные связи, особенно целерационально ориентированные мотивации, безусловно, могут с социологической точки зрения служить звеньями каузального ряда, который начинается, например, с "внешних" обстоятельств и в конечном итоге вновь ведет к "внешнему" поведению. Чисто "смысловые" интерпретации конкретного поведения как таковые даже при наибольшей "очевидности" и для социологии являют собой, конечно, лишь гипотезы каузального сведения. Они нуждаются в самой тщательной верификации, осуществляемой в принципе совершенно такими же средствами, как верификация любой другой гипотезы. Гипотезы такого рода мы считаем приемлемыми, если в каждом отдельном случае можно в самой различной степени исходить из "шанса", что даны (субъективно) "осмысленные" мотивационные сцепления. Ведь каузальные ряды, в которые посредством интерпретирующих гипотез включены целерационально ориентированные мотивации, допускают при определенных благоприятных обстоятельствах (и именно в соотношении с такой рациональностью) прямую статистическую проверку и в этих случаях, следовательно (относительно), оптимальное доказательство их значимости в качестве "объяснений". И наоборот, статистические данные (к ним относятся, в частности, и многие данные "экспериментальной психологии") повсюду, где они свидетельствуют о характере или следствиях поведения, в котором содержатся элементы, допускающие понятное истолкование, лишь в тех случаях для нас "объяснены", если они действительно осмысленно истолкованы в конкретном случае.

И наконец, степень рациональной правильности поведения является для эмпирической дисциплины вопросом эмпирическим. Ибо эмпирические дисциплины - там, где речь идет о реальных отношениях между их объектами (а не об их собственных логических предпосылках), - неизбежно изучают "наивный реализм", только изучают

[505]

его в различных формах, в зависимости от качественного характера объекта. Поэтому математические и логические положения и нормы в науке в том случае, когда они являются объектом социологического исследования - если, например, степень их рационально правильного "применения" становится целью статистического обследования, - "логически" рассматриваются в социологии только как конвенциональные условия практического поведения, хотя, с другой стороны, их значимость служит "предпосылкой" работы исследователя. Есть, конечно, в нашем исследовании такая важная проблематика, где именно отношение эмпирического поведения к правильному его типу становится также реальным каузальным моментом

развития эмпирических событий. Однако выявление такого положения вещей должно быть целью, которая служит не устранению эмпирического характера объекта, но определяется отношением к ценности, обуславливает характер применяемых идеальных типов и их функций. Важную и трудную даже по своему смыслу общую проблематику "рационального" в истории не следует здесь рассматривать мимоходом². Во всяком случае, для общих понятий социологии применение "правильного типа" в логическом понимании принципиально составляет лишь один, хотя часто и очень важный, случай образования идеального типа. Именно по своему логическому принципу его роль в общем аналогична той, которую в определенных обстоятельствах в зависимости от цели исследования может играть целесообразно выбранный "неправильный тип". Для последнего, правда, все еще является решающим моментом дистанция между ним и "значимым". Но логически нет различия в том, сконструирован ли идеальный тип из понятных по своему смыслу или из специфических, далеких от осмысления связей. Подобно тому как в первом случае идеальный тип образует значимая "норма", во втором случае его образует эмпирически сублимированная до уровня "чистого" типа фактическая данность. Однако и в первом случае эмпирический материал не формируется категориями "сферы значимости". Из нее взят только сконструированный идеальный тип. В какой мере именно правильный тип окажется целесообразным в качестве идеального типа, зависит только от отнесения к ценности.

[506]

III. ОТНОШЕНИЕ К ДОГМАТИКЕ ПРАВА

Цель нашего исследования - доказать, что "понимание" составляет, по существу, и причину того, что понимающая социология (в нашем смысле) рассматривает отдельного индивида и его действие как первичную единицу, как "атом" (если считать допустимым это само по себе сомнительное сравнение). В соответствии с другими задачами индивид может, конечно, определяться как совокупность психических, химических и любых других "процессов". Но для социологии все, что превышает порог того отношения к "объектам" (внутреннего или внешнего мира), которое допускает осмысленное толкование, принимается во внимание в такой же степени, как явления "чуждой смыслу" природы, как условие или предмет субъективного смыслового соотношения. По той же причине для социологического исследования индивид являет собой и верхнюю границу осмысленного поведения, он - его единственный носитель. И замаскировать это не способна ни одна как будто отклоняющаяся от этого форма выражения. Не только специфика языка, но и специфика нашего мышления неизбежно ведут к тому, что понятия, с помощью которых постигается поведение людей, выявляют его в облике устойчивого бытия, вещного или ведущего свое самостоятельное существование "личностного" образования. Сказанное относится в первую очередь именно к социологии. Такие понятия, как "государство", "сообщество" (Genossenschaft), "феодализм" и т.п., в социологическом понимании означают - если выразить это в общей форме - категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к "понятному" поведению, а такое сведение всегда означает только одно - сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей. В исследованиях иного рода это совершенно не обязательно обстоит таким образом. В первую очередь социология отличается от юридического отношения к объекту. В юриспруденции "государство" при известных обстоятельствах рассматривается, подобно отдельному человеку, как "юридическое лицо", так как в юридическом исследовании, направленном на истолкование объективного смысла, то есть на такое содержание правовых положений, каким оно должно быть, подобного рода понятийное вспомогательное сред-

[507]

ство может восприниматься как полезное или даже необходимое. Совершенно так же правовое положение видит в эмбрионах "юридические лица", тогда как для эмпирических понимающих дисциплин даже в поведении ребенка граница между чистой данностью практически релевантного поведения и "поведения", понятного по своему смыслу, не может быть четко проведена. Социология в той мере, в какой "право" попадает в орбиту ее исследования, занимается не выявлением логически верного "объективного" содержания "правовых положений", а действиями, в качестве детерминантов и результатов которого могут, конечно, играть значительную роль - наряду с прочими факторами - и представления людей о "смысле" и "значимости" определенных правовых положений. За пределы этого, то есть за пределы простой констатации фактического наличия подобного представления о значимости,

социология выходит лишь постольку, поскольку она, во-первых, принимает во внимание вероятность распространенности подобных представлений и, во-вторых, в силу того факта, что господствующие в умах ряда людей эмпирически определенные представления о "смысле" считающегося значимым "правового положения" могут привести в известных условиях к рациональной ориентации поведения на какие-либо "ожидания" и, следовательно, предоставить конкретным индивидам определенные "шансы". Это может серьезно влиять на их поведение. Таково понятийное социологическое понимание эмпирической "значимости" "правового положения". Поэтому с социологической точки зрения слово "государство", если оно вообще применяется, означает только вид человеческого поведения особого рода. Если в социологии здесь, как и в ряде случаев, приходится пользоваться термином, применяемым и в юридической науке, то его "юридически" правильный смысл совсем не тот, который имеет в виду социолог. Однако неизбежная судьба социологии такова, что, исследуя реальное поведение, где "типические" случаи постоянно переходят друг в друга, ей очень часто приходится применять строгие (поскольку они основаны на силлогистической интерпретации норм) юридические термины, которым она затем придает собственный, в корне отличный от юридического смысл. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что в соответствии с природой объекта в социологии постоянно приходится действовать таким образом: "при-

[508]

вычные", известные из повседневности смысловые связи используются для дефиниции других связей, а затем с помощью последних они в свою очередь обретают свою дефиницию. Несколько таких примеров мы здесь и рассмотрим.

IV. ОБЩНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (Gemeinschaftshandeln)

Об "общностно ориентированных действиях" (Gemeinschaftshandeln) мы будем говорить в тех случаях, когда действия индивида субъективно осмысленно соотносятся с поведением других людей. Случайное столкновение двух велосипедистов мы не назовем общностно ориентированными действиями, но их предшествующие попытки избежать инцидента, а также возможную "потасовку" или попытку прийти к мирному "соглашению" мы уже относим к действиям упомянутого типа. Для социологического каузального сведения важны не только общностно ориентированные действия; но это - вопрос первостепенной важности для "понимающей" социологии. Важный, хотя и не необходимый компонент общностно ориентированных действий составляет его смысловая ориентация на ожидание определенного поведения других и в соответствии с этим (субъективная) оценка шанса на успех собственных действий. Вполне понятным и важным основанием в объяснении рассматриваемых действий служит объективное наличие таких шансов, то есть большая или меньшая вероятность, которую можно выразить в "суждении об объективной возможности" (об этом подробнее ниже) того, что упомянутые ожидания обоснованны. Мы остаемся пока в пределах проблемы субъективного ожидания. "Целерациональные" действия, в том смысле, как мы их раньше определили, всегда ориентированы на ожидание. Поэтому сначала представляется, будто нет принципиальной разницы в том, следует ли считать, что поведение действующего лица основано на ожидании определенных явлений природы, которые могут возникнуть либо без какого-либо вмешательства с его стороны, либо в виде реакции на его рассчитанные на них действия или подобным же образом связывать его поведение с ожиданием определенного поведения других людей. Однако в последнем случае ожидания субъективно рационально действующего индивида могут

[509]

основываться и на том, что он предполагает возможным ожидать и от других субъективно осмысленного поведения и тем самым с различной степенью вероятности заранее исчислить, основываясь на определенных смысловых связях, и шансы других людей. Это ожидание может быть субъективно основанным прежде всего на том, что действующий индивид "приходит к соглашению" с другими лицами, "достигает договоренности" с ними, "соблюдения" которой (в соответствии с его собственным смыслом такой договоренности) он, как ему представляется, имеет достаточное основание ждать от них. Уже одно это обстоятельство придает общностно ориентированным действиям специфическую и очень существенную качественную особенность, поскольку тем самым значительно расширяется сфера ожиданий, на которую индивид может, как он полагает, целерационально ориентировать свои действия. Правда, возможный (субъективно предполагаемый) смысл общностно

ориентированных действий не исчерпывается ориентацией индивида на "ожидание" определенных действий третьих лиц. В пограничном случае такую ориентацию можно просто не принимать во внимание, и действия, соотношенные по своему смыслу с действиями третьих лиц, могут быть ориентированы на субъективно предполагаемую "ценность" содержания собственных действий как таковых (на "долг" или что бы то ни было) : в этом случае действия будут ориентированы не на ожидание, а на ценность. Содержанием такого "ожидания" могут быть не только действия, но и внутреннее ощущение (например, "радость") третьего лица. Переход от идеального типа смысловой соотношенности своего поведения с осмысленным поведением третьего лица. вплоть до такого случая, когда этот третий (например, грудной младенец) принимается во внимание просто как "объект", не имеет четких границ. Действия, ориентированные на ожидание осмысленных действий других людей, не более чем пограничный случай. Однако "общностно ориентированные действия" для нас всегда либо нечто, известное из истории, либо теоретически конструированное в качестве объективно "возможных" или "вероятных" действий отдельных индивидов в соответствии с действительным или с потенциально предполагаемым поведением других людей. Об этом необходимо помнить и при разработке тех категорий понятия мажорной социологии, о которых пойдет речь дальше.

[510]

V. ОБЪЕДИНЕНИЕ В ОБЩЕСТВА (Vergesellschaftung) И ОБЩЕСТВЕННО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ДЕЙСТВИЕ (Gesellschaftshandeln)

Обобщественно ориентированными ("общественными" [в узком смысле]) действиями мы будем называть общностно ориентированные действия в том случае (и в той мере), если они, во-первых, осмысленно ориентированы на ожидания, которые основаны на определенных установлениях, во-вторых, если эти установления "сформулированы" чисто целерационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобщественно ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна. Установленный порядок в том чисто эмпирическом смысле, который мы имеем в виду, - здесь будет дано лишь временное его определение - является либо односторонним, в рациональном пограничном случае категорическим требованием одних людей к другим, либо, в пограничном случае, категорическим двусторонним объяснением людей, субъективно предполагаемое содержание которого сводится к тому, что предполагаются и ожидаются действия определенного типа. Более подробно мы пока на этом останавливаться не будем.

Тот факт, что действия "ориентируются" по своему субъективному смыслу на установленный порядок, может означать, что субъективно воспринятому обобщественно ориентированными индивидами типу действий объективно соответствует их фактическое поведение. Смысл установленного порядка, а следовательно, и свое предполагаемое и ожидаемое другими поведение могут быть, однако, различно поняты или впоследствии различно истолкованы отдельными обобщественными индивидами, поэтому поведение, которое субъективно ориентировано соответственно существующему порядку (субъективно идентифицированному действующими лицами с собой), не обязательно должно быть в одинаковых случаях объективно одним и тем же. Далее, "ориентация" поведения на установленный порядок может заключаться и в том, что какой-либо из обобщественных индивидов сознательно противодействует субъективно постигнутому им смыслу установленного порядка. Если один из участников игры в карты сознательно и преднамеренно играет наперекор субъективно воспринятому им смыслу правил игры, то

[511]

есть играет "неправильно", он тем не менее остается "участником" общества игроков в отличие от того, кто выходит из игры совершенно так же, как вор или убийца, скрывая совершенное им преступление или скрываясь сам, все-таки ориентирует свое поведение на те установления, которые он субъективно сознательно нарушает. Следовательно, решающим для эмпирической "значимости" целерационально функционирующего порядка является не то обстоятельство, что отдельные индивиды постоянно ориентируют свое поведение соответственно субъективно истолкованному ими смысловому содержанию. Эта значимость может сводиться к тому, что в одном случае действительно (субъективно) отдельные индивиды, подобно шулерам и ворам, в среднем ожидают, что другие индивиды данного общества будут в среднем вести себя так, "будто" первые руководствуются

в своем поведении сохранением установленного порядка: в другом - что в соответствии с усреднением применяемым суждением о шансах, присущих поведению людей, они объективно могут рассчитывать на подобные ожидания (особая форма категории "адекватной причинной обусловленности"). Логически две указанные разновидности значимости следует строго различать. Первая субъективно присуща действующему индивиду, являющему собой объект наблюдения, то есть принимается исследователем как "в среднем" имеющаяся данность: вторая - это шанс, который должен быть объективно исчислен познающим субъектом (исследователем), исходя из наличия вероятного знания и из обычного типа мышления индивидов данного общества. При образовании общих понятий социологи предполагают, что и действующему индивиду субъективно присуща средняя мера "способности" понимания, необходимого для оценки имеющихся шансов. Это означает, что социолог раз и навсегда принимает идеально-типическую предпосылку, что объективно существующие усредненные шансы в среднем субъективно приближенно принимаются во внимание и целерационально действующими индивидами. Следовательно, и для нас эмпирическая "значимость" установленной. порядка заключается в объективной обоснованности усредненных ожиданий (категория "объективной возможности"). В более специальной формулировке можно сказать, что в соответствии с состоянием усреднения вероятностного исчисления фактических данных дейст-

[512]

вия, в среднем субъективно ориентированные на такие ожидания, считаются "адекватно причинно обусловленными". При этом допускающие объективную оценку шансы возможных ожиданий выступают как достаточно понятная познавательная основа для вероятного наличия упомянутых ожиданий у действующих индивидов. То и другое почти неизбежно совпадают здесь по своему выражению, что не должно стирать громадного логического различия между ними. Лишь в первом смысле - в объективном суждении о возможности - предполагается, конечно, что шансы возможных в среднем ожиданий могут по своему смыслу служить основой субъективным ожиданиям действующих лиц "и поэтому" действительно (в релевантной степени) служили им таковой. Тем самым из сказанного уже становится ясным, что между логически как будто взаимоисключающими сторонами альтернативы - существование объединения в общество или прекращение его - в реальности дана непрерывная шкала переходов. Как только все игроки в карты "узнают", что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается, или как только окажется, что объективно шанса, принимаемого обычно в расчет, не существует, и поэтому и субъективно не принимается больше в расчет шанс на то, что убийца, например, будет интересоваться установленным порядком, который он сознательно нарушает, именно потому, что подобное нарушение не влечет за собой никаких последствий для него, - в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а следовательно, не существует и соответствующего объединения в обществе. Оно сохраняется до той поры - и в той степени, - пока в практически релевантном масштабе так или иначе сохраняется в усредненно предполагаемом смысле ориентированное на его установления поведение. Границы здесь, однако, размыты.

Из сказанного явствует также, что реальное поведение индивида вполне может быть субъективно осмысленно ориентировано на несколько систем установлений, которые по принятому в них конвенциональному мышлению в смысловом отношении "противоречат" друг другу, однако тем не менее параллельно сохраняют свою эмпирическую "значимость". Так, например, согласно господствующим (в среднем) воззрениям на "смысл" нашего законодательства, дуэли категорически запрещены. Между

[513]

тем в соответствии с широко распространенными представлениями о "смысле" считающихся в обществе значимыми условностей³ дуэль часто бывает неизбежна. Участвуя в дуэли, индивид ориентирует свое поведение на эти конвенциональные предписания; однако, скрывая свои действия, он ориентируется на требования закона. Следовательно, практическое воздействие эмпирической (то есть здесь и всегда: в среднем ожидаемой для субъективно осмысленной ориентации поведения) значимости обеих систем установлений в этом случае различно. Между тем обеим системам мы приписываем эмпирическую "значимость", которая состоит в том, что поведение осмысленно ориентируется на их (субъективно постигнутый) смысл и испытывает его влияние. Естественным выражением эмпирической "значимости" системы мы будем считать шанс на то, что ее установлениям "будут следовать". Это значит, что объединенные в общества индивиды в среднем с достаточной долей вероятности рассчитывают на "соответствующее" (в среднем) "требованиям"

установленного порядка поведение других, и сами в среднем также подчиняют свое поведение таким же их ожиданиям ("соответствующее установленному порядку общественное поведение"). Однако необходимо подчеркнуть следующее: эмпирическая "значимость" системы не исчерпывается усредненной обоснованностью "ожиданий" одними индивидами, объединенными в общества, определенного фактического поведения других людей. Это лишь наиболее рациональное и социологически непосредственно доступное значение. Но поведение каждого из индивидов данной системы, ориентированное исключительно на то, что другие "ждут" от него соответствующего поведения, составило бы абсолютный пограничный случай чисто "общностно ориентированных действий" и свидетельствовало бы также об абсолютной лабильности самих этих ожиданий. Последние тем больше "обоснованны" усредненной вероятностью, чем больше можно в среднем рассчитывать на то, что индивиды ориентируют свои действия не только на "ожидания" от других определенного поведения, и чем в более релевантной степени распространено среди них субъективное воззрение, что для них "обязательна" (субъективно осмысленно постигнутая) "легальность" отношения к системе.

Действия вора и шулера мы будем определять как (субъективно) "противоречащие установленному поряд-

[514]

ку" общественные действия, а действия, по своей интенции субъективно ориентированные на этот порядок, но отклоняющиеся от усредненного истолкования его правил, - как общественные действия, "отклоняющиеся от нормативных". За пределами этих категорий находятся только случаи "обусловленных обобществлением действий". Например, кто-либо полагает, что он вынужден в своем поведении целерационально исходить из обязанности, которую он взял на себя вследствие факта включенности в общество (отказаться, например, от каких-либо действий из-за обуславливаемых ими дальнейших расходов). Или может (например, в своих "дружеских связях" или в общем "стиле жизни"), не желая целерационально и не замечая этого, подчас испытывать в известных аспектах своего поведения влияние своей ориентации на какие-либо согласованно принятые установления (например, религиозной секты). Провести четкие грани этих различий в реальности трудно. В принципе вообще нет различия в том, проходят ли общественные действия в рамках смысловых отношений общественно ориентированных индивидов друг с другом или с третьими лицами; именно последний тип отношений может преимущественно составлять предполагаемый смысл объединения, образовавшегося на основе взаимного согласия. Напротив, действия, ориентированные на установленный порядок объединения в общество, могут быть как "соотнесенными с обществом", то есть проистекающими из непосредственного занятия определенной позиции к установленному порядку (как всегда, субъективно по своему смыслу истолкованному) данного объединения в общество - следовательно, направленными по своему предполагаемому смыслу либо на планомерное полное осуществление эмпирической значимости этих установлений, либо, наоборот, на их изменение или дополнения к ним, - так и действиями, "регулируемыми обществом", то есть ориентированными на установления общества, но не "соотнесенными с обществом", как в первом случае. Однако и это различие лабильно.

На данной стадии мы будем считать рациональным идеальным типом объединения в общество "целевой союз", то есть общественные действия с установлениями о содержании и средствах общественных действий, целерационально принятыми всеми участниками на основе общего согласия. В согласии об

[515]

рядке (его "формулировке") в идеально-типическом рациональном случае все обобществленно действующие лица субъективно однозначно выговорили условия: какие и в каких формах осуществляемые действия каких (или каким образом определяемых) лиц ("органов союза") должны считаться действиями союза и какой "смысл", то есть какие последствия, это будет иметь для объединенных в союзе лиц. Далее, будут ли - и какие - материальные блага и достижения доступны использованию в общих целях ("цели союза") общественной деятельности ("имущество для достижения определенных целей"). Затем, какие органы союза будут этим распоряжаться и каким образом: что участники должны делать во имя целей союза; какие действия "требуются", "запрещаются" или "разрешаются" и какие преимущества они получают от своего участия в деятельности союза. И наконец, какими будут органы союза, при каких условиях и с помощью каких средств им надлежит действовать для сохранения установленного порядка ("аппарат принуждения"). Каждый индивид, участвующий в

общественных действиях, в известной степени полагается на то, что другие участники союза (приблизительно и в среднем) будут действовать в соответствии с установленным соглашением, и исходит из этого при рациональной ориентации собственного поведения. Основания, которые отдельный индивид, как он полагает, имеет для такой уверенности, безразличны для эмпирического существования союза, если объективно существует возможность того, что результаты любых, каких бы то ни было по своему характеру интересов других будут склонять их к тому, чтобы в среднем достаточно решительно поддерживать установленный порядок. Конечно, вероятность физического или (пусть даже столь мягкого, как, например, христианское "братское" увещание) психического принуждения в случае несоблюдения установлений союза значительно усиливает субъективную уверенность в том, что (в среднем) доверие не будет обмануто, а также и объективную вероятность того, что упомянутые ожидания обоснованы. Действия, которые по своему субъективно усредненно предполагаемому смыслу свидетельствуют о наличии "соглашения", мы назовем в отличие от "общественных действий", ориентированных на это соглашение, действиями, объединяющими в общество. Внутри ориентированных на соглашение дей-

[516]

ствий важнейшим видом "соотнесенных с обществом" общественных действий являются, с одной стороны, специфические общественные действия "органов", с другой - общественные действия индивидов, объединенных в общество, которые по своему смыслу соотнесены с действиями органов. Внутри категории обобществления, относящейся к "институтам" - мы ее рассмотрим ниже (в частности, внутри "государства"), - обычно разделяют установления, которые созданы для ориентации этих действий, - право института (в государстве - "публичное право"), и установления, регулирующие прочие действия индивидов данного института. Такое разделение существует и внутри целевого союза ("право союза" противостоит здесь установлениям, созданным союзом). Однако мы не будем здесь заниматься указанными противоположностями (не допускающими четкого определения).

При полном развитии целевой союз являет собой не эфемерное, а длительно существующее "социальное образование". Это означает: несмотря на смену лиц, участвующих в общественных действиях союза, то есть несмотря на то, что они выбывают из его состава и одновременно в него все время входят новые лица, конечно - в идеально-типическом пограничном случае, - всегда на основе новых соглашений, он рассматривается как остающийся идентичным. Это происходит до тех пор, пока, несмотря на смену состава, можно действительно ожидать, что действия, ориентированные на "одинаковые" установления союза, сохранятся в социологически релевантном размере. "Одинаковым" же в социологическом смысле (субъективно постигнутым) порядок считается до той поры, пока по усредненному обычному мышлению обобществленно объединенных индивидов принимается его идентичность в важных по усредненным представлениям пунктах. Они могут принимать его более или менее однозначно, более или менее приближенно: "одинаковость" в социологическом понимании - лишь относительная и меняющаяся данность. Обобществленно объединенные в союзе индивиды могут сознательно менять установленный порядок посредством новых общественно объединяющих действий; эти установления без какой-либо перемены в упомянутых действиях могут меняться сами по своему практическому значению для действий индивидов вследствие изменения распрост-

[517]

раняющегося усредненного постижения их "смысла" или в особенности вследствие изменения обстоятельств ("изменение значения", неточно именуемое также изменением цели), а иногда и вообще потерять свое значение. В подобных случаях тот факт, будет ли социолог из соображений целесообразности рассматривать изменившиеся общественные действия как "продолжение" прежнего или как "новое" социальное образование, зависит от следующих факторов: 1) от непрерывности изменений; 2) от относительного объема эмпирически сохраняющихся прежних установлений в виде соответственно ориентированных действий; 3) от продолжавшегося существования органов союза и аппарата принуждения либо в прежнем составе, либо в близком ему по типу вновь введенных лиц, либо - если это новые органы - от того, действуют ли они аналогично прежним. Вновь следует заметить, что и здесь переходы носят скользкий характер. В такой же степени является вопросом, который в каждом отдельном случае решается по-разному (то есть исходя из целесообразности, определяемой конкретной исследовательской целью), в каких случаях объединение в общество рассматривается как "самостоятельное" образование и в каких случаях его рассматривают как часть

более широкого, выходящего за свои границы обобществления. Последнее возможно в двух случаях: 1. Если эмпирически "значимые" установления общественных действий не коренятся исключительно в установлениях, сформулированных участниками этих действий (автономные системы), но общественные действия обусловлены также и тем, что участвующие в них индивиды ориентируют, свои действия (здесь, как и всегда: обычно) также и на установления другого общественного объединения, в котором они участвуют (гетерономные системы). Примером могут служить действия церкви применительно к установлениям политической власти или наоборот. 2. Если органы какого-либо общественного объединения в свою очередь также определенным образом обобществлены в рамках обобществляющих органов другого союза большего масштаба: так, например, органы "полка" в общем аппарате "военного управления" (гетерокефальный целевой союз в отличие от "автокефального, типа свободного союза или самостоятельного государства"). Гетерономия установлений и гетерокефалия органов уп-

[518]

равления часто, но не обязательно совпадают. В настоящее время общественные действия в автокефальном союзе обычно обусловлены также и ориентацией действий членов этого союза на установления политического союза, следовательно, оно гетерономно. Социалистическое "обобществление" средств производства означало бы, что уже сегодня в значительной степени гетерономное, то есть ориентированное на установления других, прежде всего политических союзов, общественное поведение каждого отдельного, теперь в принципе автокефального "предприятия" стало бы гетерокефальным, то есть ориентированным на органы какой-либо (любой) "совокупности".

Не каждое общественное объединение по соглашению ведет к возникновению целевого союза, для которого в соответствии с данной дефиницией должны быть конститутивны: 1) соглашение по поводу общих правил и 2) наличие собственных органов союза. Объединение в общество ("обобществление по случаю") может быть по своему назначению и совершенно эфемерным; например, если речь идет о совместно задуманном убийстве из мести, которое участники договоренности предполагают осуществить в ближайшее время, следовательно, в нем могут отсутствовать все упомянутые характеристики целевого союза, кроме рационально установленного по совместной договоренности "порядка" общественных действий, который по принятой дефиниции считается здесь конститутивным. Хорошим примером последовательности ступеней от объединения в общество по случаю до целевого союза может служить промышленное картелирование, которое начинается с простой однократной договоренности между отдельными конкурентами о границах снижения цен и завершается "синдикатом", обладающим большим капиталом, конторами сбыта товаров и развернутым аппаратом управления. Общим для всех них является лишь установленный по общему соглашению порядок, который при предполагаемой здесь идеально-типически точной формулировке всех пунктов должен, во всяком случае, содержать указание на то, что считается для участников договора обязательным, что запрещается и что дозволяется. При изолированном (мыслимым в условиях полного абстрагирования от какого бы то ни было "правопорядка") обмене, например в идеально-типическом случае полной ясности, договоренность

[519]

должна распространяться по крайней мере на следующие пункты: 1) обязательна: передача товаров в процессе обмена и - эвентуально - обязанность гарантировать право владения на товары от посягательства третьих лиц; 2) запрещено: требовать возврата обмененных товаров; 3) разрешено: любым образом располагать приобретенными в обмен товарами. Изолированный рациональный "обмен" такого типа являет собой один из пограничных случаев обобществления без "органов управления". Из всех признаков целевого союза он обладает только одним - установленным по договоренности порядком. Он может быть структурирован гетерономно (правом или условностью) или располагать полной автономией, будучи обусловлен в своих "ожиданиях" обоюдным доверием, основанным для обеих сторон на том, что другая сторона, какими бы интересами она ни руководствовалась, будет следовать договоренности. Однако обмен этого типа не может быть назван ни автокефальным, ни гетерокефальным общественным действием, так как он вообще не есть устойчивое "образование". В такой же степени и наличие актов обмена в качестве массового явления, даже в качестве внутренне каузально связанных массовых явлений ("рынка"), конечно, ни в коем случае не может рассматриваться как целевой союз, более того, он в принципе отличен от него. .Случай с обменом одновременно наглядно иллюстрирует тот факт, что действия, которые ведут к

объединению в общества (обобществленные действия), совсем не обязательно должны быть ориентированы только на ожидания соответствующих действий со стороны общественно объединенных лиц. Напротив, как показывает данный пример, они ориентированы также и на ожидание того, что третьи, не причастные к акту обмена лица "отнесутся с уважением" к результату обмена, к "смене владельца". До сих пор это просто "общностные действия" того типа, который мы впоследствии будем называть "действиями, основанными на согласии".

В истории мы обнаруживаем шкалу, ступени которой ведут от "объединения в общество по случаю" вплоть до устойчивого "образования". Типовой зародыш того обобществленного объединения, которое мы сегодня называем "государством", находится, с одной стороны, в свободных "объединениях в общество по случаю", созданных любителями добычи, отправлявшимися в поход во главе

[520]

с избранным ими вождем; с другой - в таких "объединениях в общество по случаю", к которым прибегали те, кому грозило нападение. Здесь полностью отсутствует какое-либо имущество, используемое как средство осуществления цели, и длительность. Как только поход за добычей завершен (удачно или неудачно) и добыча распределена, как только опасность нападения предотвращена - объединенность в общество перестает существовать. Отсюда до длительного обобществления военнообязанных, систематического налогообложения женщин, тех, кто не состоит на военном учете, покоренных народов, и далее - до узурпирования судебных и административных общественных функций - длинный непрерывный путь. Наоборот, из существующих для удовлетворения потребностей длительных общественных объединений может в результате распада - и это один из различных сопутствующих возникновению "народного хозяйства" процессов - сложиться аморфное, представляющее собой общественно объединяющие действия образование - "рынок".

"Психическое" отношение к такому акту его участников, то есть вопрос, какими глубокими "внутренними побуждениями" они руководствуются, объединяясь и ориентируя свои действия на принятые установления, - поступают ли они таким образом, исходя из трезвых соображений целесообразности, из горячей приверженности совместно принятым или предполагаемым общим целям или неохотно принимая их как неизбежное зло, как нечто соответствующее их привычному поведению или почему-либо еще, - все это для существования обобществленного объединения безразлично до той поры, пока в конечном итоге шансы на такую ориентацию на договоренность сохраняются в социологически релевантном размере. В своих общественных действиях их участники могут ведь преследовать совершенно различные, противоположные и взаимоисключающие цели, и очень часто так оно действительно и бывает. Международный военно-правовой союз, правовая обобщественность для общностных действий на рынке с его процессом обмена и борьбой цен - лишь особенно яркие примеры этого постоянно встречающегося положения дел. Общественные действия всегда, разумеется, являются выражением констелляции интересов, направленной на ориентацию поведения, своего и чужого, на его правила, и ни на что

[521]

более, и поэтому констелляцией интересов, весьма различной для каждого из участников. В самой общей форме содержание указанной констелляции интересов можно чисто формально определить так, как это уже многократно определялось, а именно следующим образом: отдельный индивид полагает, что он может рассчитывать на совместно принятый посредством обобществленного объединения характер действий другого или других и что в его интересах полностью ориентировать на это свои действия.

VI. "СОГЛАСИЕ"

Существуют комплексы общностных действий, которые без каких-либо целерационально принятых по совместному соглашению установлений тем не менее, во-первых, носят такой характер, будто подобные установления существуют; во-вторых, их специфический характер в известной степени обусловлен и видом смысловой отнесенности действий каждого отдельного человека. В любом рациональном обмене "денег", например, содержится наряду с единичным актом обобществленного объединения с партнером смысловая соотнесенность с будущими действиями внутри некоей неопределенно представляемой (только такое неопределенное представление и допускающей) сферы актуальных и потенциальных владельцев денег, любителей денег и предполагаемых участников обмена. Ибо

собственные действия ориентированы на ожидание того, что и другие будут "брать" деньги, так как только такое ожидание и делает возможным их использование. Правда, здесь смысловая ориентация в целом направлена на собственные интересы - и косвенно на предполагаемые индивидуальные интересы других, - на удовлетворение собственных потребностей и удовлетворение потребностей других. Однако это не есть ориентация на установленный порядок удовлетворения потребностей предполагаемых участников акта обмена. Более того, отсутствие - во всяком случае, относительное - ("общеэкономического") порядка, регулирующего удовлетворение потребности в употреблении денег со стороны участников этого акта, служит прямой предпосылкой функции денег. Тем не менее общий результат денежного обмена обычно во многих отношениях

[522]

носит такой характер, "как будто" он достигнут посредством ориентации на правила, установленные для удовлетворения потребностей всех участников обмена. Это происходит именно вследствие смысловой соотнесенности действий потребителя денег, чье положение, как и любого участника акта обмена, в среднем внутри известных границ определено таким образом, будто его интерес обычно требует от него, чтобы он в известной мере принимал во внимание интересы других, поскольку эти интересы являют собой, как правило, обоснование тех "ожиданий", которые он в свою очередь может иметь применительно к действиям других. "Рынок" в качестве идеально-типического комплекса такого рода действий отчетливо демонстрирует введенный нами посредством выражения "как будто" признак.

Языковая общность выражается в идеально-типическом "целерациональном" пограничном случае посредством многочисленных отдельных актов обобщенных действий, ориентированных на ожидание встретить у другого "понимание" предполагаемого смысла. Тот факт, что в массовом масштабе среди множества людей понимание происходит более или менее приближенно посредством определенных близких по смыслу, внешне подобных друг другу символов, "как будто" участвующие в разговоре ориентируют свое поведение на совместно принятые грамматически целесообразные правила, - также является собой пример, соответствующий упомянутому признаку "как будто", поскольку этот случай детерминирован смысловым соотношением актов участвующих в разговоре индивидов.

Однако общим для обоих названных случаев является едва ли не исключительно указанный признак. Ибо то, как достигается общий результат, может быть, правда, для обоих случаев иллюстрировано несколькими внешними параллелями, однако они не имеют серьезной познавательной ценности. Следовательно, для социологии это "как будто" имеет значение лишь постольку, поскольку в обоих случаях присутствует постановка проблемы, которая, однако, сразу же ведет к совершенно иному по своему содержанию понятийным рядам. Всякого рода аналогии с "организмом" и подобными биологическими понятиями заранее обречены на неудачу. К тому же общий результат, который внешне представляется таким, "как будто" действия людей детерминированы совместно

[523]

установленным порядком, совсем не обязательно может быть достигнут только посредством общностных действий людей, но в такой же степени, и еще значительно более ощутимо, он достигается посредством различных форм "однотипных" и массовых действий, которые не относятся к общностным действиям.

По принятой нами дефиниции мы говорим об "общностных" действиях там, где действия одних индивидов соотнесены по своему смыслу с действиями других. Следовательно, простая "однородность" поведения ряда лиц еще не дает основания для такого определения, так же как и не всякий вид "взаимодействия" или чистое подражание как таковое. Ведь "раса" - каким бы однотипным ни было поведение принадлежащих к ней индивидов в отдельном случае - становится для нас "расовой общностью" лишь в том случае, если поведение индивидов соотносится по своему смыслу друг с другом: если, например - мы берем простейший случай, - представители данной расы в каком-либо отношении "обособляются" от чуждой им в расовом отношении среды, исходя из того что представители другой расы поступают так же (характер и масштабы такого обособления здесь значения не имеют). Когда толпа прохожих одинаково реагирует на проливной дождь, открывая зонты, то это не совместные действия (а действия "массово-однотипные"): таковыми не являются также и действия, вызванные простым "влиянием" поведения других, не соотнесенные с ним по смыслу, например при общей панике или если толпа прохожих во время давки на улице испытывает какое-либо психическое воздействие "массового

характера". В тех случаях, когда на поведение отдельных людей влияет самый факт того, что и другие участники сложившейся ситуации поступают определенным образом, мы будем говорить о "поведении, обусловленном массовостью". Ведь нет никакого сомнения в том, что даже самый факт совместно действующей, пусть даже территориально разделенной, но соотносенной друг с другом (например, через прессу) "массы" может оказывать влияние на поведение каждого отдельного индивида. Рассматривать здесь эту проблему мы не будем, так как она относится к области "массовой психологии". Переход от "обусловленных массовостью" действий к общественным действиям в реальности, конечно, лишен четких границ. Даже в таком явлении, как паника,

[524]

безусловно, содержатся наряду с элементами, обусловленными массовостью, и элементы общественных действий. К этому типу действий приближаются и действия людей, сообща вступающих в схватку с вооруженным пьяным и - при эвентуальном "разделении труда" - обезоруживающих его, или когда они совместно оказывают помощь пострадавшему. Поскольку здесь в поведении людей присутствует "разделение труда", совершенно очевидно, что общественные действия ничего общего не имеют с "однотипными" действиями и часто по своему значению даже противоположны им. В названном свойстве заключается и отличие от действий, основанных на "подражании". "Подражанием" может быть поведение, только "обусловленное массовостью" или ориентированное на поведение того, кому подражают, то есть "копирование". Причем это в свою очередь происходит скорее из-за целерациональной-или какой-либо другой-оценки значимости поведения как такового, являющегося образцом для подражания, или лишь в смысловой соотношенности с ожиданиями, например из соображений, связанных с "конкуренцией". Отсюда ведет многоступенчатая шкала переходов к случаю весьма специфических общественных действий, где подражание объясняется тем, что поведение, являющееся образцом, рассматривается как признак принадлежности к определенному кругу людей, которые - причина здесь роли не играет - претендуют на специфический "социальный престиж" и в какой-то степени им обладают. Однако последний случай уже выходит за пределы простого "подражания", и эта категория не дает его исчерпывающей характеристики.

Наличие "языковой общности" не означает в нашем понимании, что существует обусловленная массовостью однородность при произнесении определенных звуковых сочетаний (это совсем не требуется) или будто один индивид "подражает" тому, что делают другие; языковая общность сводится к таким действиям индивида при каких-либо "высказываниях", которые по своему смыслу ориентированы на определенные, в среднем существующие внутри какого-либо круга людей шансы быть "понятым", и, следовательно, в среднем дают этому индивиду основание ждать такого осмысленного результата. Совершенно так же понятие "господства" не означает, что некая более могущественная по своей природе сила сумеет так или иначе настоять на своем, а предполагает

[525]

осмысленное соотношение одного действия ("приказ") с другим ("послушание") и соответственно обратное, в результате чего в среднем можно рассчитывать на осуществление тех ожиданий, на которые ориентированы действия обеих сторон.

Следовательно, пользующаяся отчетливыми признаками категория явлений не применима к феномену "как будто". Вот почему мы в добавление к тому, что было сказано о "подражании" и "господстве", внесем в существующее многообразие отношений другое разделение. Под "согласием" мы будем понимать следующее: действия, ориентированные на ожидания определенного поведения других, имеют вследствие этого эмпирически "значимый" шанс на то, что ожидания оправдаются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям как к "значимым" по своему смыслу для их поведения. Мотивы, исходя из которых можно ждать подобного поведения других, в концептуальном аспекте безразличны. Общностные действия, характер которых обусловлен - и в той мере, в какой он обусловлен, - ориентацией на шансы подобного "согласия", мы будем называть "действиями, основанными на согласии".

Объективно - в смысле оценки его шансов - "значимое" согласие не следует, конечно, отождествлять с субъективным предположением отдельного действующего индивида, что другие будут рассматривать его ожидания как значимые по своему

смыслу, так же как эмпирическую значимость установленного по договоренности порядка не следует отождествлять с субъективным ожиданием того, что будет сохранен его субъективно предполагаемый смысл. Однако в обоих случаях между (логически охватываемой категорией "объективной возможности") усредненной объективной значимостью шанса и каждым усредненным субъективным ожиданием существует взаимосвязь понятной адекватной причинной обусловленности. Субъективная ориентация поведения на согласие может, как и при договоренности, в отдельном случае быть кажущейся или только приближенной, и это не может не оказать воздействия на степень и однозначность шансов на эмпирическую значимость. Индивиды, объединенные согласием, могут намеренно действовать вопреки ему. совершенно

[526]

так же, как общественно объединенные индивиды действуют вопреки договоренности. Подобно тому как "вор" в нашем примере, также и "неповинующийся", ранее согласившийся признавать господство другого, может, несмотря на свое "неповиновение", тем не менее (фактом сокрытия своих действий) ориентировать их на субъективно воспринятый смысл согласия. Поэтому понятие "согласие" не следует и в субъективном аспекте отождествлять с "удовольствием" по поводу его эмпирической значимости, испытываемым участвующими в этом акте индивидами. Боязнь дурных последствий может привести к тому, что человек "покоряется", принимая господство насилия в его усредненном содержании, совершенно так же, как он следует нежелательной "свободной" договоренности. Правда, длительное недовольство подрывает шансы на сохранение согласия, однако оно продолжает существовать до той поры, пока господствующий посредством насилия индивид имеет объективно релевантный шанс рассчитывать на выполнение своих приказаний (в соответствии с усредненно воспринятым их смыслом). Причина этого важна постольку, поскольку (совершенно так же, как при обобществленном объединении) только ориентация на "ожидания" определенного поведения другого или других (например, только "страх" "повиновеющегося" перед "господином") составляет пограничный случай и обладает высокой степенью лабильности, так как ожидания и здесь тем объективно "обоснованнее", чем с большей вероятностью можно рассчитывать на то, что "согласившиеся" в среднем (субъективно) сочтут "действия, основанные на согласии" (по какой причине, здесь значения не имеет), для себя "обязательными". В конечном итоге "значимость" договоренности также основана на таком (базирующемся на легальности) согласии. Значимое согласие не следует отождествлять с "молчаливо достигнутой договоренностью". Между основанным на эксплицитной договоренности порядком и согласием существует, конечно, множество переходов, среди которых обнаруживается также и поведение, практически рассматриваемое участниками как усредненный, установленный по молчаливо достигнутой договоренности порядок. В принципе это, однако, не составляет особого случая по сравнению с отчетливо сформулированной договоренностью. "Недостаточно от-

[527]

четливая" договоренность являет собой установленный порядок, эмпирически особенно сильно подверженный - в соответствии с распространенными типами истолкования - возможным практическим последствиям. Напротив, "значимое" согласие в качестве чистого типа не содержит никаких установлений или специальной договоренности. Объединенные согласием индивиды могут при известных обстоятельствах вообще ничего не знать друг о друге, но их согласие может при этом эмпирически быть едва ли не непреложной "нормой"; примером могут служить сексуальные отношения между впервые встретившимися членами экзогамного рода, который часто охватывает различные политические и даже языковые общности. В качестве другого примера можно привести пользование деньгами, при котором согласие заключается в шансе на то, что используемый в данном акте обмена (в соответствии с предполагаемым его значением) товар будет в качестве денег рассматриваться многими неизвестными друг другу людьми как "значимое" средство оплаты долгов, то есть как средство, необходимое для совершения считающихся "обязательными" общественных действий.

Не все общественные действия относятся к категории действий, основанных на согласии, но лишь те, которые усредненно основывают свою ориентацию на шансы согласия. Социальное обособление индивидов одной расы, например, относится к названной категории лишь в том случае, если в какой-либо релевантной степени

можно рассчитывать на то, что эти индивиды будут (в среднем) практически рассматривать такое обособление как нечто, обязывающее их к определенному поведению. В противном случае в зависимости от обстоятельств это следует рассматривать либо как действия, обусловленные массовостью, либо просто как общностные действия отдельных людей без какого бы то ни было согласия в качестве его основы. Лабильность такого перехода очевидна. Особенно сильна она в приведенных выше примерах, где речь шла о задержании пьяного или оказании помощи пострадавшему. Нечто большее, чем просто фактически предпринятые совместные действия (Zusammenwirken), объединенные простой общностной деятельностью, субъективно присутствует в поведении отдельных индивидов лишь там, где это поведение ориентировано на какое-либо согласие, которое предпола-

[528]

гается эмпирически "значимым", например если каждый индивид сочтет себя обязанным принимать участие в тех актуальных совместных действиях (Zusammenhandeln) в такой мере и столько времени, как это определяется усредненно постигнутым "смыслом" согласия. Приведенные примеры, взятые в их среднем значении, различаются по степени согласия. Действия по оказанию помощи ближе по своему смыслу к тому, что существует шанс на согласие, следовательно, к действиям, основанным на согласии; другой пример можно, скорее, отнести к фактическим совместным действиям. И уж, конечно, не все действия людей, внешне представляющиеся "совместными", являют собой общностные или тем более основанные на согласии действия. С другой стороны, действия, представляющиеся совместными, вообще не относятся к понятию действий, основанных на согласии. Во всех этих случаях полностью отсутствует смысловая соотнесенность с действиями незнакомых третьих лиц. Подобным же образом (как в приведенных выше двух примерах) основанные на согласии действия сородичей отличаются по своей степени от общностных действий, соотнесенных с потенциальными действиями будущих участников акта обмена. В последнем случае согласие конституируется лишь постольку, поскольку в основе ожидания лежит возможность усредненной ориентации действий других на принятую значимость, следовательно, обычно лишь в той мере, в какой эти ожидания носят "легальный" характер. Лишь постольку и здесь действия можно считать основанными на согласии. В остальном же они лишь обобщенные действия, обусловленные согласием. С другой стороны, уже пример, где речь шла об оказании помощи, свидетельствует о том, что содержанием "согласия" может быть и совершенно конкретная соотнесенность с целью без каких-либо абстрактных "правил". Но в ряде случаев, когда мы исходим из основанной на согласии общности "длительного" характера, например "дружбы", содержание ее может быть постоянно меняющимся и определяться лишь посредством соотнесения с идеально-типически конструируемым смыслом, рассматриваемым каждой стороной в качестве значимого. Однако и этот смысл может меняться при неизменной идентичности лиц. Тогда и здесь является лишь вопросом целесообразности, рассматривать ли данную стадию как "продолжение" преж-

[529]

них, изменившихся по своему характеру отношении или как "новые" отношения.

Данный пример, а тем более пример эротической связи показывают, что в основе конституирующих согласие смысловых соотношений и "ожиданий" отнюдь не всегда лежат целерациональный расчет и ориентация на рационально конструируемый "порядок". Напротив, "значимая" ориентация на "ожидания" означает в рамках согласия лишь следующее: индивид обладает, как он полагает, шансом на то, что в среднем он может ориентировать свое поведение на определенное, более или менее часто считающееся "значимым", хотя при этом подчас совершенно иррациональное, содержание (внутреннего или внешнего) поведения другого индивида. Поэтому в каждом отдельном случае по-разному (так же как и при обобществлении) решается вопрос, в какой мере смысл согласия, выраженный обычно в "правилах", в среднем ведет к общим закономерностям практического поведения. Ибо и здесь обусловленные согласием действия не идентичны действиям, основанным на согласии. Так, например, "сословная конвенциональность" есть основанные на согласии действия, конституированные посредством такого поведения, которое в среднем "считается" эмпирически обязательным. Этим согласием по поводу того, что следует считать "значимым", "конвенциональность" отличается от простого "обычая", основанного на повторении привычных действий, а от права - отсутствием аппарата принуждения: конечно, границы по обе стороны не могут быть четко проведены.

Сословная конвенциональность может, однако, привести к таким фактическим последствиям в поведении членов данного сословия, которые эмпирически не считаются обязательными на основе согласия. Так, феодальная конвенциональность, рассматривая торговлю как нечто безнравственное, могла привести к снижению степени собственной легальности феодалов в их отношениях с торговцами.

Совершенно различные субъективные мотивы, цели и "внутренние состояния" людей, понятные целерационально или "только психологически", могут создать в качестве равнодействующей одинаковые по своей смысловой соотнесенности общественные действия, а также одинаковое по своей эмпирической значимости "согласие". Реальная основа действий, базирующихся на со-

[530]

гласии, есть просто констелляция "внешних" и "внутренних" интересов, наличие которых может быть обусловлено самыми различными внутренними состояниями и целями отдельных индивидов, и воздействует она на различным образом воспринятую значимость "согласия" и ни на что другое. Однако мы, конечно, не отрицаем того, что для отдельных типов общественных действий, различаемых по господствующей в них субъективной "смысловой направленности", так же как, в частности, и для действий, основанных на согласии, можно выявить мотивы, интересы и "внутренние состояния", которые в среднем чаще всего служат причиной возникновения и дальнейшего существования действий такого рода. Установить все это и есть одна из задач каждой содержательной социологии. Общие же понятия, дефиницией которых мы здесь занимались, не могут не быть скудными по своему содержанию. Не разграничен резко, конечно, и переход от действий на основе согласия к общественному поведению; последнее является собой только особый случай, упорядоченный формулированием установлений. Так, например, основанные на согласии действия пассажиров трамвая, которые "становятся на сторону" индивида, вступившего в конфликт с кондуктором, переходят затем в общественное поведение, если они объединяются для подачи "жалобы". Повсюду, где целерационально устанавливается порядок, всегда присутствует объединение в "общество", пусть даже в самых различных масштабах и смысле. Обобщественное объединение возникает уже в том случае, когда "обособившиеся" представители расы основывают по взаимному согласию, но без оформленной договоренности "журнал", находят "издателя", "редакторов", "сотрудников" и "абонентов" и из этого журнала теперь в прежнюю аморфную сферу поведения идут на основе согласия директивы различной степени значимости. Так же обстоит дело, когда для какой-либо языковой общности создаются "академия" типа Accademia della Crusca и "школы", где преподаются грамматические правила: или в сфере "господства" - аппарат с рациональными учреждениями и чиновниками. И обратное: едва ли не в каждом общественном объединении среди его членов обычно на основе согласия складывается поведение, выходящее за пределы его рациональных целей (обусловленное обобществлением). В каждом кегельном клубе существуют "конвенциональ-

[531]

ные" предписания, регулирующие взаимоотношения его членов, то есть вне сферы общественного объединения формируется ориентированное на "согласие" общественное поведение.

Каждый отдельный человек постоянно участвует в многочисленных, самых разнообразных сферах действий, общественных, основанных на согласии, и общественных. Его общественное поведение может теоретически в каждом данном своем акте осмысленно соотноситься с другой сферой чужого поведения и с другими объединениями на основе согласия и общественного объединения. Чем многочисленнее и многообразнее по типу конститутивных для них шансов сферы, на которые индивид рационально ориентирует свои действия, тем дальше заходит "рациональная дифференциация" общества: чем более обобщественными становятся по своему характеру его действия, тем большей степени достигает "рациональная организация общества". Индивид может, конечно, участвовать в ряде общественных действий различного типа посредством одного и того же акта поведения. В акте обмена, который некое лицо совершает с неким X, уполномоченным Y, который в свою очередь является "органом" целевого союза, содержится: 1) устное и 2) письменное объединение в общество; 3) обобществление акта обмена лично с X; 4) тоже лично с Y; 5) то же с общественными действиями участников целевого союза; 6) акт обмена ориентирован в своих условиях также и на ожидания потенциальных действий других заинтересованных в данном акте лиц (конкурентов с обеих сторон), а в равной степени и на легализованное согласие и т. д. Чтобы входить в число действий на

основе -согласия, действие должно принадлежать к общностным действиям, но ориентированным на согласие оно может быть и без этого условия. Любые распоряжения по поводу запасов или имущества человека (оставляя в стороне, что они обычно вообще осуществимы только при наличии защиты, которую аппарат принуждения предоставляет политическому сообществу) лишь и в той мере ориентированы на согласие, в какой они учитывают возможность изменения в количестве своих запасов посредством обмена вовне. Денежное "частное хозяйство" охватывает действия общественные, действия, основанные на согласии, и общностные действия. Только чисто теоретический пограничный случай, робинзонада,

[532]

совершенно свободен от каких бы то ни было общностных, а следовательно, и от ориентированных на согласие действий, так как робинзонада по своему смыслу ориентирована только на ожидание состояния природных объектов. Сама возможность мыслить такой случай ясно показывает, что "хозяйственные" действия по самому своему понятию не обязательно включают в себя и общность действия. Напротив, как правило, именно концептуально "наиболее чистые" типы в отдельных сферах действий находятся за пределами общностных действий и сфер согласия, причем это в равной степени относится как к области религии, так и к экономике и научным и художественным концепциям. Путь "объективации" ведет - необязательно, но, как правило, быстро - к общностным действиям, и если не всегда, то, как правило, именно к действиям на основе согласия.

Из сказанного ни в коем случае не следует делать вывод, будто общностные действия, согласие и объединение в общества можно как-то идентифицировать с представлением о действиях "друг с другом и друг для друга" в отличие от какого-либо "противопоставления". Не только совершенно аморфная общность, но и "согласие" отнюдь не тождественно для нас с "замкнутостью", обособлением от других. Является ли сфера действий, основанных на согласии, "открытой", то есть может ли любой желающий в каждый данный момент принять в них участие, или "закрытой" и в какой мере, то есть исключается ли участие в них третьих лиц, будь то просто по взаимному согласию или посредством объединения в общества, - вопрос, который решается в каждом отдельном случае по-разному. Конкретная языковая или рыночная общность всегда где-то имеет границы (обычно размытые); это означает, что обычно в "ожиданиях" принимается во внимание в качестве актуального или потенциального участника согласия не человек, а некое часто весьма неопределенное по своим границам множество. Однако, например, участники языковой общности, как правило, совсем не заинтересованы в исключении из согласия третьих лиц (конечно, в зависимости от обстоятельств какого-либо конкретного собеседования); а лица, интересы которых связаны с рынком, часто заинтересованы именно в "расширении" рынка. И все-таки как язык (в качестве сакрального, сословного или конспиративного), так и рынок-по-

[533]

средством монополистического соглашения или обобществления - могут быть "закрыты". С другой стороны, сфера специфических общностных действий конкретных органов власти, обычно закрытых посредством объединения в общества, может быть в значительной степени открыта (для участия "новых людей") именно в интересах носителей власти.

Участники действий, основанных на согласии, могут преследовать совместные внешние интересы. Однако это не обязательно. Действия на основе согласия - еще не "солидарность", и общественные действия никоим образом не исключают и не противостоят тем общественно связанным действиям, которые мы называем борьбой, то есть в самой общей форме стремлением противопоставить свою волю другой, сопротивляющейся ей, ориентируясь на ожидание определенного поведения другого. Борьба потенциально присуща всем видам общественно связанным действиям. В какой степени, например, акт общественного объединения практически означает солидарность по отношению к третьим лицам, компромисс между различными интересами или лишь желательное по каким бы то ни было причинам для участников этого акта перемещение форм борьбы и ее объектов в соответствии с усредненной (быть может, в индивидуальных проявлениях различной), субъективно предполагаемой целью, решается в каждом данном случае по-разному: часто все эти моменты в каком-то виде присутствуют. Нет таких сообществ, основанных на согласии, в том числе и характеризующихся безграничной самоотверженностью - например, при эротических отношениях или проявлениях милосердия. - в которых, несмотря на эти чувства, не могло бы присутствовать и самое жестокое насилие над другим

человеком. Вместе с тем в большинстве актов "борьбы" содержится какая-то степень общественного объединения или согласия. Перед нами обычный в социологии случай, когда фактически понятия частично перекрывают друг друга, происходит это из-за наличия одинаковых, только рассмотренных под различным углом зрения признаков. Борьба, полностью лишенная какой бы то ни было общности с противником, - лишь пограничный случай. От вторжения монголов до современного ведения войны в соответствии с "требованиями международного права" (пусть даже не всегда действительными), от рыцарских сражений с их

[534]

строгим установлением допустимого оружия и определенными правилами ("messieurs les Anglais, tirez les premiers")* до судебного поединка или "дружественного поединка" корпорантов, который можно уже отнести к спортивным "соревнованиям", мы повсюду обнаруживаем градуированно увеличивающиеся фрагменты основанного на согласии объединения в общность борющихся сторон; там, где насильственная борьба переходит в "соперничество", будь то борьба за завоевание олимпийских венков, за голоса избирателей или иные атрибуты власти, за социальный престиж или доходы, в основе ее всегда лежит рациональное объединение в общество, установления которого служат "правилами игры", определяющими формы борьбы, но при этом сдвигающими ее шансы. Растущая от ступени к ступени склонность к "мирному" урегулированию споров, вытесняющая применение физической силы, лишь отодвигает ее на задний план, будучи неспособна полностью исключить ее из отношений между людьми. Лишь в ходе исторического развития применение силы все более монополизировалось аппаратом принуждения одного определенного типа общественного объединения или сообщества, основанного на согласии, а именно политического, которое преобразовало его сначала в упорядоченную угрозу принуждения со стороны могущественных людей, а затем формально нейтральной власти. То обстоятельство, что "принуждение", физическое или психическое по своему характеру, в той или иной степени лежит в основе всех видов объединения в общество, заставляет нас кратко остановиться на данном вопросе лишь в той степени, в какой это необходимо в качестве дополнения ко всем выше рассмотренным идеально-типическим понятиям.

VII. "ИНСТИТУТ" И "СОЮЗ"

В приведенных нами примерах неоднократно встречался случай, на котором здесь следует более подробно остановиться: речь идет о том положении вещей, когда кто-либо без своего содействия оказывается участником какой-либо общности, основанной на согласии, и остается таковым. При аморфных действиях, основанных на

[535]

взаимном согласии, таких, например, как "разговор", это не требует объяснения, ибо в нем "принимает участие" каждый, чьи действия соответствуют признаку той предпосылки (согласие), которую мы приняли. Однако дело не всегда обстоит так просто. Выше мы приняли в качестве идеального типа "объединения в общество" "целевой союз", основанный на полной договоренности о средствах, целях и порядке. При этом было установлено, что (и в каком смысле) подобный союз может считаться постоянным образованием, несмотря на изменения в составе его участников. Предполагалось также, что "участие" отдельных лиц, то есть обоснованное в среднем ожидание того, что каждый индивид будет ориентировать свои действия на установленный порядок, покоится на особой рациональной договоренности с каждым участником в отдельности.

Однако существует ряд очень важных форм общественного объединения, где общественное поведение так же, как в целевом союзе, в значительной степени рационально упорядочено в своих средствах и целях принятыми установлениями, следовательно, "обобществлено", но внутри этих обобществлений едва ли не в качестве основной предпосылки их существования действует следующий принцип: как правило, отдельный индивид оказывается участником в общественных действиях и, следовательно, одним из тех, на кого распространяются ожидания, что его поведение будет ориентировано на упомянутые установления, - без своего содействия этому. Конститутивное для таких форм объединения в общество общностное поведение характеризуется именно тем, что при наличии известных объективных данных, присущих определенному лицу, от него ожидают участия в общностных действиях, в частности, следовательно, ориентации его действий на установленный порядок, причем в среднем эти ожидания оправданны, поскольку

упомянутые индивиды эмпирически считаются "обязанными" участвовать в общественных действиях, конститутивных для данного сообщества, и поскольку существует шанс на то, что эвентуально, если они не захотят участвовать, их заставит повиноваться (пусть даже посредством мягких мер воздействия) "аппарат принуждения". Объективные данные, с которыми эти ожидания связаны, в особо важном случае, в случае политической общности, - прежде всего происхождение, родственные связи, а иногда даже

[536]

просто пребывание или определенная деятельность в определенной области. Обычно вступление индивида в сообщество такого рода предопределено его рождением и воспитанием. Такого рода сообщества характеризуются, во-первых, тем, что в отличие от "целевого союза" добровольное вступление заменено в них зачислением на основании чисто объективных данных независимо от желания зачисляемых лиц; во-вторых, тем, что в отличие от сообществ, основанных на согласии, преднамеренно отказывающихся от рационального порядка, следовательно, в этом отношении аморфных образований, здесь одним из определяющих поведение факторов служит наличие рациональных установлений и аппарата принуждения. Такие сообщества мы будем называть "институтами". Не каждое сообщество, к участию в котором индивид предопределен рождением и воспитанием, является "институтом"; таковым не является, например, языковое или семейное сообщество, поскольку оба они лишены рациональных установлений. Однако им, безусловно, является та структура политического сообщества, которую мы называем "государством", или та структура религиозного сообщества, которую в строгом техническом смысле принято определять как "церковь".

Подобно тому как общественное действие, ориентированное на рациональную договоренность, относится к поведению, основанному на согласии, институт с его рациональными установлениями относится к "союзу". Действиями в рамках союза мы считаем действия, ориентированные не на установления, а на согласие; следовательно, поведение, основанное на согласии, характеризуется: 1) тем, что зачисление индивида в число участников происходит по общему согласию без предпринятых каких-либо целерационально направленных действий с его стороны; 2) тем, что, несмотря на отсутствие специально созданных для этой цели постановлений, определенные лица (обладающие властью) устанавливают по общему согласию действенный порядок поведения для лиц, зачисленных по общему согласию в члены союза; 3) тем, что упомянутые носители власти в рамках союза сами или через посредство других лиц готовы в случае необходимости осуществить физическое или психическое принуждение любого типа по отношению к членам, не подчиняющимся сообще принятому порядку. При этом речь идет, конечно, как при любом "согласии", об усред-

[537]

ненно однозначно понятием содержания и меняющихся усредненных шансах эмпирической значимости. К "союзам" достаточно чистого типа относятся: исконное "семейное сообщество", где власть принадлежит главе семьи, не имеющее рационально установленного порядка патримониальное политическое образование, во главе которого стоит "правитель", а также община, состоящая из "пророка" и его учеников, где власть принадлежит пророку, и основанная только на согласии религиозная "община", где власть принадлежит наследственному иерарху. В принципе здесь нет каких-либо специфических особенностей по сравнению с действиями, основанными на согласии, в других социальных образованиях такого типа, и вся их казуистика распространяется и на союз. В современной цивилизации почти вся деятельность союзов хотя бы отчасти так или иначе упорядочена посредством рациональных установлений: отношения внутри "семейного сообщества", в частности, гетерономно регулируются "семейным правом", установленным государством. Переход к "институту", следовательно, недостаточно определен, тем более что институтов чистого типа очень немного. Чем многообразнее конституирующая их институциональная деятельность, тем чаще они в своей совокупности не упорядочены целерационально посредством формальных установлений. Те установления, например, которые регулируют общественные действия политических институтов - мы считаем *ad hoc*, что они совершенно целерациональны, - и именуются "законами", как правило, отражают лишь фрагментарные отношения, к рациональному упорядочению которых стремятся какие-либо группы, интересов. Следовательно, действия на основе согласия, фактически конституирующие определенное образование, обычно не только

выходят за рамки своих общественных действий, ориентированных на целерациональные установления, что свойственно большинству целевых союзов, но и предшествуют этим действиям. "Институциональные действия" - рационально упорядоченная часть "союзных действий", институт - частично рационально упорядоченный союз. Другими словами, в социологическом отношении переход очень мобилен. Правда, институт представляет собой совершенно рациональное "новообразование", однако возник он все-таки не в "сфере, полностью лишенной союзов"; напротив, уже сложившаяся ранее деятельность

[538]

внутри союза или регулируемая союзом теперь подчиняется - например, в результате "аннексии" или объединения прежних союзов в новый институт - посредством серии направленных на этот акт установлений либо совершенно новым порядкам в рамках соотнесенной с союзом или регулируемой им деятельности, или тому и другому: либо предпринимается замена союза, с которым теперь должна координироваться деятельность его членов, чьи установления будут теперь для них значимы; либо заменяется только состав органов института, и в частности его аппарата принуждения.

Возникновение новых установлений института любого рода, будь то вследствие образования нового института или в процессе повседневной деятельности, лишь чрезвычайно редко происходит на основе автономной "договоренности" всех участников будущих действий, от которых ждут лояльности в предполагаемом усредненном смысле по отношению к этим установлениям. Обычно происходит "насильственное их внедрение": определенные лица прокламируют некие установления в качестве обязательных для координированной с союзом или регулируемой им деятельности, и лица, связанные с институтом (или подчиненные ему), в той или иной степени покоряются этому, что находит свое выражение в более или менее лояльной, однозначной по своему смыслу ориентации их действий на упомянутые установления. В результате установленный в институте порядок становится эмпирически значимым в качестве действующего на основе "согласия". И в данном случае надо избегать отождествления с "пребыванием в согласии" или со своего рода "молчаливой договоренностью". Здесь также имеется в виду усредненный шанс того, что те, кого (в среднем) "считают" объектом насильственно введенных установлений, действительно - из страха, религиозных убеждений, пиетета к властителю, чисто целерациональных или любых других мотивов (причина здесь роли не играет) - будут считать эти установления практически "значимыми" для своего поведения и, следовательно, ориентировать (в среднем) свои действия на их смысл. Насильственное введение определенного порядка может быть осуществлено "органами института" посредством их специфических функций, которые силою согласия признаны эмпирически значимыми и основаны на установлениях (автономное насильственное введение поряд-

[539]

ка); таковы, например, законы полностью или частично автономного вонне института (например, "государства"). Это введение нового порядка может быть и "гетерономным", идти извне, то есть навязываться прихожанам церкви, членам общины или иного союза, близкого по типу к институту, каким-либо другим, например политическим, союзом, причем участники гетерономно упорядоченного сообщества подчиняются в своих общностных действиях новому порядку.

Преобладающая часть всех установлений как институтов, так и союзов возникла не на основе договоренности, а в результате насильственных действий, то есть люди и группы людей, способные по какой-либо причине фактически влиять на общностные действия членов института или союза, направляют его в нужную им сторону, основываясь на "ожидании согласия". Реальная власть, предписывающая определенные действия, может в свою очередь эмпирически "считаться" принадлежащей в силу общего согласия каким-либо индивидам, которым она доверена вследствие каких-то их личных качеств, определенных признаков или в результате того, что они избраны в соответствии с правилами (например, на выборах). В таком случае эти эмпирически значимые - поскольку в среднем фактически в достаточной степени определяющие действия участников "согласия" - претензии и представления "значимой" власти, насильственно внедряющей новый порядок, можно называть "устройством" данного института. Оно находит свое выражение в самой различной степени в рационально сформулированных установлениях. Часто именно наиболее важные практические вопросы оказываются не затронутыми ими, причем в ряде

случаев преднамеренно (почему-мы здесь не будем рассматривать). Поэтому установления, касающиеся эмпирически значимой власти, которая предписывает определенное поведение и в конечном итоге основана на "согласии" участников союза, всегда дают неполное представление о ней. Ведь фактически главное содержание "согласия", которое отражено в действительно эмпирически значимом "устройстве", сводится к оценке того, по отношению к каким людям, в какой степени и в каких отношениях есть шанс, что они в среднем практически подчинятся тем, кто, по принятому толкованию, является участником аппарата принуждения. Создатели целерациональ-

[540]

ных устройств могут, опираясь на них, связать насильственно введенный порядок с одобрением большинства членов или большинства лиц, обладающих определенными признаками или избранных в соответствии с правилами. Само собой разумеется, что и это остается "насилием" по отношению к меньшинству, о чем свидетельствует весьма распространенное у нас в средние века - а в России в виде "мира" сохранившееся до начала нашего времени - представление, согласно которому "значимое" установление, по существу, должно (несмотря на то, что официально принцип большинства голосов уже вошел в действие) основываться на согласии всех тех, для кого оно обязательно.

фактическая власть такого рода покоится на специфическом, все время меняющемся по силе и характеру влиянии "господствующих" конкретных людей (пророков, королей, патримониальных властителей, отцов семейства, старейшин или других авторитетных лиц, чиновников, партийных и прочих "вождей" самого различного характера, что социологически очень важно) на деятельность других членов союза. Влияние такого рода в свою очередь основывается на различных по своему характеру мотивах, в том числе также и на возможности применить меры физического или психического принуждения. Однако и здесь следует исходить из того, что основанные на согласии действия в том случае, если они ориентированы только на ожидания (в частности, "страха" повинующихся), составляют лишь относительно лабильный пограничный случай. Шанс на то, что существует эмпирическая значимость согласия, и здесь будет - при прочих равных условиях - тем более вероятным, чем в большей степени можно в среднем рассчитывать на то, что повинующиеся повинуются по той причине, что они и субъективно рассматривают свои отношения к господствующему над ними индивиду как нечто для них обязательное. До той поры, пока дело обстоит в среднем или приблизительно таким образом, "господство" покоится на согласии, признающем его "легитимность". Господство как важнейшая основа едва ли не всей деятельности союзов, к проблематике которого мы здесь подошли, должно быть объектом особого, выходящего за пределы данного исследования рассмотрения. Его социологический анализ непосредственно связан с различными возможными, субъективно осмыс-

[541]

ленными основами того согласия по поводу "легитимности", которое повсюду, где повиновение обусловлено не просто страхом перед непосредственной угрозой насилию, в решающей степени определяет его специфический характер. Однако названная проблема не может быть разрешена попутно, поэтому в данной связи мы вынуждены отказаться от анализа возникающих перед нами "подлинных" проблем социологической теории, изучающей союзы и институты.

Путь развития ведет, правда, в каждом отдельном случае - мы это видели уже раньше - и здесь от конкретного рационального порядка типа целевого союза к созданию "выходящих за его пределы" действий на основе согласия. Однако в целом в рамках доступного нашему обозрению исторического развития можно констатировать если не однозначную "замену" действий на основе согласия объединения в общество, то, во всяком случае, все расширяющееся целерациональное упорядочение действий на основе согласия посредством формализованных установлений и все большее преобразование союзов в целерационально упорядоченные институты.

Что же практически означает рационализация установлений сообщества? Для того чтобы конторский служащий или даже глава конторы "знал" бухгалтерские правила и ориентировал на них свои действия, правильно - или в ряде случаев неправильно вследствие ошибки или сознательного обмана - применяя эти правила. ему совсем не надо представлять себе, какие рациональные принципы положены в основу этих норм. Для "правильного" применения таблиц умножения не требуется рационального понимания алгебраических положений, которые определяют, например, такое правило вычитания: вычесть 9 из 2 нельзя, поэтому я занимаю 1.

Эмпирическая значимость таблицы умножения есть случай "значимости, основанной на согласии". Однако "согласие" и "понимание" неидентичны. Таблица умножения совершенно так же "предписывается" нам в детстве, как подчиненному-рациональные распоряжения деспота: причем в самом полном значении этого акта - в качестве чего-то, нам по своим основам и даже целям вначале совершенно непонятного, но тем не менее по своей "значимости" обязательного. Следовательно, "согласие" есть простое "подчинение" привычному потому, что оно привычно. Таким оно в большей или меньшей

[542]

степени и остается. Не посредством рациональных соображений, а руководствуясь привычной (предписанной) эмпирической проверкой от противного, выводится заключение о том, "правильно" ли проведено в соответствии с установленным согласием вычисление. Это обнаруживается повсюду: когда мы, например, пользуемся трамваем, лифтом или ружьем, ничего не зная о научных принципах, на которых основана их конструкция и о которых даже водитель трамвая или оружейный мастер может иметь лишь приблизительное понятие. Современный потребитель обычно лишь в самых общих чертах представляет себе технику изготовления повседневно употребляемых им продуктов, а подчас не ведаёт даже, из какого материала и в какой отрасли промышленности они создаются. Его интересуют лишь практически важные для него аспекты этих артефактов. Совершенно так же обстоит дело с социальными институтами, например с деньгами. Потребитель не знает, каким образом деньги обретают свои поразительные специфические свойства, ведь об этом горячо спорят и специалисты. То же мы обнаруживаем, когда обращаемся к целерационально установленным порядкам. В стадии дискуссии о новом "законе" или параграфе "союзного устава" те лица, во всяком случае, чьи интересы практически непосредственно затрагиваются, обычно понимают, в чем подлинный "смысл" новообразования. Однако как только оно входит в практику повседневной жизни, первоначально более или менее единодушно предполагаемый его создателями смысл настолько забывается и перекрывается изменением его значения, что лишь ничтожная часть судей и поверенных помнит еще о "цели", ради которой в свое время было достигнуто согласие или предписано определенное понимание запутанных норм права. Что же касается "публики", то она осведомлена о факте создания и эмпирической "значимости" форм права, а следовательно, и о проистекающих из такого знания "шансах" ровно настолько, насколько это необходимо для предотвращения самых крупных неприятностей. С ростом сложности установления и все увеличивающейся дифференциации общественной жизни указанное явление принимает все более универсальный характер. Лучшее всего, безусловно, эмпирический смысл установленного порядка, то есть ожидания, которые с достаточной степенью вероятности в

[543]

среднем должны следовать из того факта, что этот порядок некогда был создан, а теперь определенным образом усреднение интерпретируется и гарантируется аппаратом принуждения, известен тем, кто намеревается планомерно действовать вопреки ему, тем самым "нарушить" его или "обойти". Рациональные порядки обобществления, будь то институт или союз, внедряются или "внушаются", следовательно, одними людьми, - их цели могут быть самыми различными. Другие, "органы" общественного объединения - совсем не обязательно зная что-либо о целях создания этих порядков, - субъективно толкуют их более или менее однозначно и активно проводят их. Третьим рациональные порядки известны - в той мере, в какой это совершенно необходимо для их частных целей, - субъективно, в различной степени приближения к тому, как существующие установления обычно применяются, и в качестве средства ориентации своих (легальных или нелегальных) действий, поскольку они связаны с определенным ожиданием поведения других ("органов", а также товарищей по институту или союзу). Четвертые - это "масса" - усваивают определенное "традиционное", как мы говорим, поведение в каком-либо приближении к усредненно понятному смыслу и следуют ему по большей части без какого-либо знания о цели и смысле, даже о самом существовании данных порядков. Эмпирическая "значимость" именно рационального порядка основана, следовательно, прежде всего на согласии повиноваться тому, что привычно, с чем жились, что привито воспитанием и все время повторяется. С точки зрения своей субъективной структуры поведение людей часто даже в преобладающей степени приближается к типу повторяющихся массовых действий, без всякого соотнесения их со смыслом. Прогресс в области дифференциации и рационализации общества означает, следовательно, что в конечном итоге обычно (хотя и не без исключений) те, кого рациональные методы

и порядки практически касаются, все больше отдаляются от их рациональной основы, которая в целом от них обычно более скрыта, чем смысл магических процедур, совершаемых колдуном, от "дикаря".

Таким образом, универсализация знания об условиях и связях общественно объединяющих действий не только не ведет к их рационализации, но, скорее, наоборот. "Дикарь" знает неизмеримо больше об экономичес-

[544]

ких и социальных условиях своего существования, чем "цивилизованный" человек в обычном смысле слова. И совсем не всегда действия "цивилизованного" человека носят субъективно более целерациональный характер. Они проявляются по-разному в различных сферах деятельности, и это уже особая проблема. Специфически рациональный оттенок в отличие от "дикарей" придает положению "цивилизованных" людей в данном аспекте следующее: 1) привычная уверенность в том, что условия повседневной жизни, будь то трамвай или лифт, деньги, суд, армия или медицина, в принципе рациональны по своей сущности, то есть являются продуктами человеческой деятельности, доступны рациональному знанию, созиданию и контролю, а это имеет серьезное значение для характера "согласия"; 2) уверенность в том, что они функционируют рационально, то есть в соответствии с известными правилами, а не иррационально, подобно силам, на которые дикарь пытается влиять с помощью колдуна, что по крайней мере в принципе их можно "принимать во внимание", "исчислять", ориентировать свои действия на однозначные вызванные ими ожидания. Именно это и создает специфическую заинтересованность рационального капиталистического "предприятия" в "рациональных" установлениях, практическое функционирование которых может быть принято в расчет с такой же степенью вероятности, как функционирование машины. Но об этом речь пойдет в другом месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Помимо высказываний по этому вопросу Зиммеля (в сборнике "Проблемы философии истории") и собственных работ, помещенных в данном сборнике, я считаю нужным отослать читателя к замечаниям Риккерта (во 2-м издании его "Границ") и на различные работы К. Ясперса (особенно "Общую психопатологию"). Различия в образовании понятий у нас от образования понятий у названных авторов, а также в важной работе Ф. Тенниса ("Сообщество и общество"), трудах А. Фиркандта и других авторов не обязательно всегда отражают различия во взглядах. В методологическом отношении следует, кроме вышеуказанных работ, принять во внимание книгу Готля ("Господство слова"), для категории объективной возможности Радбруха и, хотя уже более косвенным образом, Гуссерля и Ласка. Легко заметить, что наш метод образования понятий внешне как будто похож, при полной внутренней противоположно-

[545]

сти, на конструкции Р. Штаммлера ("Хозяйство и право"), столь же выдающегося юриста, сколь неудачливого социального философа, привнесшего полную путаницу в ряд вопросов. Это сходство преднамеренное. Характер образования социологических понятий - в значительной степени вопрос целесообразности. Совершенно не обязательно создавать все представленные ниже категории. В некоторой своей части они разработаны для того, чтобы показать, "что должен был полагать Штаммлер". Второй раздел данной статьи - фрагмент уже давно написанной работы, в которой была сделана попытка дать методологические обоснования ряду эмпирических исследований, в том числе и статье для сборника "Хозяйство и общество". Педантическая пространный изложения объясняется желанием строго различать субъективно предполагаемый смысл от объективно значимого (в этом отношении частично отходя от метода Зиммеля).

2. Характер того, как "действует" связь между правильным типом поведения и эмпирическим поведением и как это соотносится с социологическим влиянием, например в конкретном развитии искусства, я надеюсь при случае показать на определенном примере (истории музыки). Не только для истории логики или других наук, но в такой же степени во всех остальных областях именно те связи, то есть швы, где может возникнуть напряжение между эмпирическим типом и типом правильности, имеют громадное значение для динамики развития. В такой же степени значимо, впрочем, и другое положение вещей, индивидуальное и в каждой области культуры совершенно различное по своему характеру. Оно сводится к тому, что (и в каком смысле) однозначный правильный тип не может быть проведен, он всегда

возможен или неизбежен только как компромисс или выбор между несколькими основами рационализации. Подобные содержательные проблемы мы здесь рассматривать не можем.

3. В данной связи мы не будем подробно рассматривать это понятие. Заметим только следующее: "правом" мы считаем порядок, социологически гарантированный в своей значимости "аппаратом принуждения" (смысл его будет вскоре охарактеризован); условностью - порядок, гарантированный только "социальным порицанием" группы, объединенной в "правовое" или "конвенциональное" сообщество. Конечно, в реальной действительности здесь нет четкой границы.

[546]

Текст приводится по изданию:

Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. -808 с.- (Социологич. мысль Запада).

* "Господа англичане, стреляйте первыми" (франц.).-Прим. перев.

Макс Вебер

"ОБЪЕКТИВНОСТЬ" СОЦИАЛЬНО-НАУЧНОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ¹

При появлении нового журнала² в области социальных наук, а тем более социальной политики или при изменении состава его редакции у нас обычно прежде всего спрашивают о его "тенденции". Мы также не можем не ответить на этот вопрос и постараемся, здесь в дополнение к замечаниям в нашем введении более принципиально заострить саму постановку данной проблемы. Тем самым представляется возможным осветить своеобразие ряда аспектов "исследования в области социальных наук" так, как мы его понимаем; несмотря на то что речь пойдет о вещах "само собой разумеющихся", впрочем, может быть, именно поэтому, это может оказаться полезным если не специалисту, то хотя бы читателю, менее причастному к практике научной работы.

Наряду с расширением нашего знания о "социальных условиях всех стран", то есть о фактах социальной жизни, основной целью "Архива" с момента его возникновения было также воспитание способности суждения о практических проблемах и, следовательно, в очень незначительной степени, в какой ученые в качестве частных лиц могут способствовать реализации такой цели, - критика социально-политической практики вплоть до факторов законодательного характера. Вместе с тем, однако,

[345]

"Архив" с самого начала стремился быть чисто научным журналом, пользующимся только средствами научного исследования. Невольно возникает вопрос, как же сочетать данную цель с применением одних только упомянутых средств? Какое значение может иметь то, что на страницах данного журнала речь пойдет о мерах законодательства и управления или о практических советах в этой области? Какие нормы могут быть положены в основу таких суждений? Какова значимость оценок, которые предлагает в своих суждениях или кладет в основу своих практических предложений автор? В каком смысле можно считать, что он не выходит за рамки научного исследования, ведь признаком научного познания является "объективная" значимость его выводов, то есть истина. Мы выскажем сначала нашу точку зрения по этому поводу, чтобы затем перейти к вопросу о том, в каком смысле вообще есть "объективно значимые истины" в науках о культуре? Данный вопрос нельзя обойти ввиду постоянного изменения точек зрения и острой борьбы вокруг элементарнейших на первый взгляд проблем нашей науки, таких, как применяемые ею методы исследования, образование понятий и их значимость. Мы не предлагаем решения, а попытаемся указать на те проблемы, которым должен будет уделить внимание наш журнал, если он хочет оправдать поставленную им цель в прошлом и сохранив ее в будущем.

I

Все мы знаем, что наша наука, как и другие науки (за исключением разве что политической истории), занимающиеся институтами и процессами культуры, исторически вышла из практических точек зрения. Ее ближайшая и первоначально единственная цель заключалась в разработке оценочных суждений об определенных

политико-экономических мероприятиях государства. Она была "техникой" в том же смысле, в каком таковой в области медицины являются клинические дисциплины. Известно, как такое положение постепенно изменялось, хотя принципиальное разъединение в познании "сущего" и "долженствующего быть сущим" не произошло. Этому способствовало как мнение, что хозяйственные процессы подчинены неизменным законам природы, так и мнение, что они подчинены однозначному принципу эволюции и, сле-

[346]

довательно, "долженствующее быть сущим" совпадает в одном случае с неизменно "сущим", в другом - неизбежно "становящимся". С пробуждением интереса к истории в нашей науке утвердилось сочетание этического эволюционизма с историческим релятивизмом, которое поставило перед собой цель лишить этические нормы их формального характера, чтобы посредством включения всей совокупности культурных ценностей в область "нравственного" определить содержание последнему и тем самым поднять политическую экономию до уровня "этической науки" на эмпирической основе. Поставив на всей совокупности всевозможных культурных идеалов штамп "нравственного", сторонники данного направления уничтожили специфическое значение этических императивов, ничего не выиграв в смысле "объективной" значимости этих идеалов. Здесь не может и не должно быть принципиального размежевания различных точек зрения. Мы считаем нужным указать лишь на тот факт, что и сегодня эта недостаточно ясная позиция сохраняется, что и теперь в кругах практических деятелей распространено не вполне понятно представление, согласно которому политическая экономия разрабатывает - и должна разрабатывать оценочные суждения, отправляясь от чисто "экономического мировоззрения".

Наш журнал, представляющий специальную эмпирическую дисциплину, вынужден (это следует сразу же подчеркнуть) принципиально занять отрицательную позицию по данному вопросу, ибо мы придерживаемся мнения, что задачей эмпирической науки не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической деятельности?

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Безусловно, это не означает, что оценочные суждения вообще не должны присутствовать в научной дискуссии, поскольку в конечном счете они основаны на определенных идеалах и поэтому "субъективны" по своим истокам. Ведь вся практика и сама цель нашего журнала постоянно дезавуировали бы данный тезис. Критика не останавливается перед оценочными суждениями. Вопрос заключается в следующем: в чем состоит значение научной критики идеалов и оценочных суждений, какова ее цель? Этот вопрос требует более детального рассмотрения.

Размышление о последних элементах осмысленных человеческих действий всегда связано с категориями

[347]

"цели" и "средства". Мы *in concreto** стремимся к чемунибудь либо "из-за его собственной ценности", либо рассматриваем его как средство к достижению некоей цели. Научному исследованию прежде всего и безусловно доступна проблема соответствия средств поставленной цели. Поскольку мы (в границах нашего знания) способны установить, какие средства соответствуют (и какие не соответствуют) данной цели, мы можем тем самым взвесить шансы на то, в какой мере с помощью определенных средств, имеющихся в нашем распоряжении, вообще возможно достигнуть определенной цели и одно временно косвенным образом подвергнуть критике, исходя из исторической ситуации, саму постановку цели охарактеризовав ее как практически осмысленную или лишенную смысла в данных условиях. Мы можем также установить, если осуществление намеченной цели представляется нам возможным конечно, только в рамках нашего знания на каждом данном этапе, - какие следствия будет иметь применение требуемых средств наряду с эвентуальным достижением поставленной цели, поскольку все происходящее в мире взаимосвязано. Затем мы предоставляем действующему лицу возможность взвесить, каково будет соотношение этих непредусмотренных следствий с предусмотренными им следствиями своего поведения, то есть даем ответ на вопрос, какой "ценой" будет достигнута поставленная цель, какой удар предположительно может быть нанесен другим ценностям. Поскольку в подавляющем большинстве случаев каждая цель достигается такого рода ценой или может быть достигнута такой ценой, то все люди, обладающие чувством ответственности, не могут игнорировать необходимость взвесить, каково будет соотношение цели и следствий определенных действий, а сделать это возможным - одна из важнейших функций критики посредством той техники, которую мы здесь рассматриваем. Что же касается решения, принятого на основе такого

взвешивания, то это уже составляет задачу не науки, а самого человека, действующего в силу своих желаний; он взвешивает и совершает выбор между ценностями, о которых идет речь, так, как ему велит его совесть и его мировоззрение. Наука может лишь довести до его сознания, что всякое действие и, конечно, в определенных обстоятель-

[348]

ствах также и бездействие сводятся в итоге к решению занять определенную ценностную позицию, а тем самым (что в наши дни особенно охотно не замечают), как правило, противостоять другим ценностям. Сделать выбор - личное дело каждого.

В наших силах только дать человеку знания, которые помогут ему понять значение того, к чему он стремится; научить его видеть цели, которые его привлекают и между которыми он делает выбор в их взаимосвязи и значении, прежде всего посредством выявления "идей", лежащих, фактически или предположительно, в основе конкретной цели и логической их связи в дальнейшей эволюции. Ведь не может быть никакого сомнения в том, что одна из существеннейших задач каждой науки о культуре и связанной с ней жизни людей - открыть духовному проникновению и пониманию суть тех "идей", вокруг которых действительно или предположительно шла и до сих пор идет борьба. Это не выходит за рамки науки, стремящейся к "мысленному упорядочению эмпирической действительности", хотя средства, которые служат такому истолкованию духовных ценностей, весьма далеки от "индукции" в обычном понимании данного слова. Правда, подобная задача, по крайней мере частично, претупает границы строгой экономической науки в ее принятом разделении на определенные специальные отрасли здесь речь идет о задачах социальной философии. Ибо власть идей в социальной жизни на протяжении всей истории была - и продолжает оставаться столь сильной, что наш журнал не может игнорировать эту проблему; более того, она всегда будет входить в круг его важнейших задач.

Научное рассмотрение оценочных суждений состоит не только в том, чтобы способствовать пониманию и сопереживанию поставленных целей и лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них. Однако эта критика может быть только диалектической по своей природе, то есть способна дать только формально-логическое суждение о материале, который лежит в основе исторических данных оценочных суждений и идей, проверку идеалов в аспекте того, насколько в поставленной индивидом цели отсутствует внутренняя противоречивость. Такая критика, ставя перед собой упомянутую цель, может помочь индивиду постичь сущность тех последних аксиом, которые лежат в основе его жела-

[349]

ний, важнейшие параметры ценностей, из которых бессознательно исходит или должен был бы исходить если хочет быть последовательным. Довести до сознания эти параметры, которые находят свое выражение в конкретных оценочных суждениях, последнее, что может совершить научная критика, не вторгаясь в область спекуляции. Должен ли выносящий свое суждение субъект признать свою причастность к упомянутым ценностным параметрам, решает он сам. Это дело его волеия и совести, а не проблема опытного знания.

Эмпирическая наука никого не может научить тому что он должен делать, она указывает только на то что он может, а при известных обстоятельствах на то, что он хочет совершить. Верно, что мировоззрения различных людей постоянно вторгаются в сферу наших наук, даже в нашу научную аргументацию, внося в нее туман неопределенности, что вследствие этого по-разному оценивается убедительность научных доводов (даже там, где речь идет об установлении простых каузальных связей между фактами) в зависимости от того, как результаты исследования влияют на шансы реализовать свои идеалы, то есть увеличивается ли или уменьшается в таком случае возможность осуществить определенные желания. В этом отношении редакторам и сотрудникам нашего журнала также "ничто человеческое не чуждо". Однако одно дело - признание человеческой слабости и совсем другое - вера в то, что политическая экономия является "этической" наукой и что в ее задачу входит создание идеалов на основе своего собственного материала или конкретных норм посредством применения к этому материалу общих этических императивов. Верно и то, что мы ощущаем как нечто "объективно" ценностное именно те глубочайшие пласты "личности", те высшие, последние оценочные суждения, которые определяют наше поведение, придают смысл и значение нашей жизни. Ведь руководствоваться ими мы можем лишь в том случае, если они представляются нам значимыми, проистекающими из высших ценностей жизни, если они формируются в

борьбе с противостоящими им жизненными явлениями. Конечно, достоинство "личности" состоит в том, что для нее существуют ценности, с которыми она соотносит свою жизнь, пусть даже в отдельных случаях они заключены в глубинах индивидуального духа. Тогда индивиду важно "выразить себя" в таких интересах, чью значимость он

[350]

требует признать как ценность, как идею, с которой он соотносит свои действия. Попытка утвердить свои оценочные суждения вовне имеет смысл лишь в том случае, если этому предпослана вера в ценности. Однако судить о значимости этих ценностей-Дело веры, быть может, также задача спекулятивного рассмотрения и толкования жизни и мира с точки зрения их смысла, но уже, безусловно, не предмет эмпирической науки в том смысле, как мы ее здесь понимаем. Для такого разделения важен совсем не предмет-эмпирически выявляемый факт, что (как это часто предполагают) на протяжении истории эти последние цели меняются и оспариваются. Ведь самые непреложные положения нашего теоретического - естественнонаучного или математического знания совершенно так же, как углубление и рафинирование совести людей, - продукт культуры. Если мы непосредственно обратимся к практическим проблемам экономической и социальной политики (в обычном значении слова), то окажется, правда, что есть бесчисленное множество отдельных практических вопросов, при решении которых "люди в полном согласии исходят из уверенности в том, что определенные цели сами собой разумеются, что они им заданы - достаточно упомянуть о чрезвычайных кредитах, о конкретных задачах социальной гигиены, благотворительности, о таких мерах, как фабричная инспекция, арбитраж, биржа труда, значительная часть законов по охране труда, во всех этих случаях вопрос сводится, (по-видимому, во всяком случае) только к средствам для достижения цели. Однако даже если мы примем видимость очевидности за истину (за что наука всегда расплачивается) и будем рассматривать конфликты, к которым обязательно приведет попытка практически реализовать такие цели, как чисто технические вопросы целесообразности (что в целом ряде случаев было бы заблуждением), мы очень скоро заметим, что даже эта видимость очевидности регулятивных ценностных масштабов сразу же исчезает, как только мы переходим от конкретных проблем благотворительности и полицейского порядка к вопросам экономической и социальной политики. Ведь признаком социально политического характера проблемы и является именно тот факт, что она не может быть решена на основе чисто технических соображений, вытекающих из твердо установленных целей, что спор может и должен идти о самих параметрах ценности, ибо

[351]

такая проблема поднимается до уровня общих вопросов культуры. Причем сталкиваются в таком споре отнюдь не только "классовые интересы" (как мы теперь склонны думать), но и мировоззрения, впрочем, это ни в коей степени не умаляет справедливости того, что мировоззрение каждого человека наряду с другими факторами также в очень значительной степени находится, безусловно под влиянием того, в какой степени он связан с "интересами своего класса" (если уж принять здесь это лишь кажущееся однозначным понятие) Одно, во всяком случае, не подлежит сомнению чем "более общий" характер носит проблема, о которой идет речь (здесь это означает чем дальше проникает ее культурное значение), тем менее она доступна однозначному решению на материале опытного знания, тем большую роль играют последние сугубо личные аксиомы веры и ценностных идей. Некоторые ученые все еще наивно толкуют о том, что задача практической социальной науки состоит прежде всего в разработке "принципа" и аргументации его научной значимости, на основании чего можно будет вывести однозначные нормы для решения конкретных практических проблем. Сколь ни необходимо в социологии "принципиальное" рассмотрение практических проблем, то есть сведение неосознанно воспринятых ценностных суждений к их идейному содержанию, сколь ни серьезно намерение нашего журнала уделить им особое внимание создание общего знаменателя для наших практических проблем в виде неких общезначимых последних идеалов не может быть задачей ни нашей, ни вообще какой бы то ни было эмпирической науки, она оказалась бы не только практически неразрешимой, но и по своему существу абсурдной. И как бы ни относиться к основанию или характеру убедительности этических императивов, из них, как из норм конкретно обусловленных действий отдельного человека, безусловно, не может быть выведено однозначно обязательное культурное содержание, и эта невозможность тем безусловнее, чем шире содержание, о котором идет речь Лишь позитивные религии точнее, догматические по своему характеру секты - могут придавать содержанию культурных ценностей достоинство

безусловно значимых этических заповедей. За их пределами культурные идеалы, которые индивид хочет осуществить и этические обязательства, которые он должен выполнить, принципиально отличаются друг от друга. Судьбы

[352]

культурной эпохи, "вкусившей" плод от дерева познания, состоит в необходимости понимания, что смысл мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было, что мы сами призваны создать этот смысл, что "мировоззрения" никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, но, высшие идеалы, наиболее нас волнующие, во все времена находят свое выражение лишь в борьбе с другими идеалами, столь же священными для других, как наши для нас.

Только оптимистический синкретизм, возникающий иногда как следствие релятивистского понимания исторического развития, может позволить себе игнорировать страшную серьезность такого положения вещей либо с помощью теоретических выкладок, либо уклоняясь от его практических последствий. Само собой разумеется, что в отдельном случае субъективным долгом практического политика может быть как посредничество между сторонниками противоречивых мнений, так и переход на сторону кого-нибудь из них. Однако с научной "объективностью" это ничего общего не имеет "Средняя линия" ни на йоту не ближе к научной истине, чем идеалы самых крайних правых или левых партий. Интересы науки в конечном итоге меньше всего играют роль там, где пытаются не замечать неприятные факты и жизненные реальности во всей их остроте "Архив" считает своей непрременной задачей бороться с опасным самообманом, будто можно получить практические нормы, обладающие научной значимостью, посредством синтетизирования ряда партийных точек зрения или построения их равно действующей, ибо такая позиция, стремящаяся часто к релятивированию и маскировке собственных ценностных масштабов, представляет собой значительно большую опасность для объективного исследования, чем прежняя наивная вера партий в научную "доказуемость" их догм. В способности различать знание и оценочное суждение, в выполнении своего научного долга - видеть истину, отраженную в фактах, и долга своей практической деятельности - отстаивать свои идеалы, в этом состоит наша ближайшая задача.

Неодолимым различием остается на все времена именно это для нас важнее всего, вызывает ли аргументация к нашему чувству, к нашей способности вдохновляться конкретными практическими целями, формами и

[353]

содержанием культуры, а если речь идет о значимости этических норм, к нашей совести, или она вызывает к нашей способности и потребности мысленно упорядочить эмпирическую действительность таким способом, который может притязать на значимость в качестве эмпирической истины. Данное положение остается в силе не смотря на то что (как мы увидим далее) упомянутые высшие "ценности" в области практического интереса имеют и всегда будут иметь решающее значение для направления, в котором пойдет упорядочивающая деятельность мышления в области наук о культуре. Правилен и всегда останется таковым тот факт, что методически корректная научная аргументация в области социальных наук если она хочет достигнуть своей цели должна быть признана правильной и китайцем, точнее должна к этому, во всяком случае, стремиться пусть даже она из-за недостатка материала полностью не может достигнуть указанной цели. Далее, логический анализ идеала, его содержания и последних аксиом, вы явление следующих из него логических и практических выводов должны быть, если аргументация убедительна, значимыми и для китайца, хотя он может быть "глух" к нашим этическим императивам, может и, конечно, будет отвергать самый идеал и проистекающие из него конкретные оценки, не опровергая при этом ценность научного анализа. Само собой разумеется, что наш журнал не будет игнорировать постоянные и неотвратимые попытки однозначно определять смысл культурной жизни. Напротив, ведь такие попытки составляют важнейший продукт именно этой культурной жизни, а подчас в соответствующих условиях входят в число ее важнейших движущих сил. Вот почему мы будем внимательно следить за ходом "социально философских" рассуждений и в этом смысле. Более того, мы весьма далеки от предвзятого мнения, согласно которому рассмотрение культурной жизни, выходящее за рамки теоретического упорядочения эмпирически данного и пытающееся метафизически истолковать мир, уже в силу этого не может решать задачи, поставленные в сфере познания. Вопрос в какой области будут находиться подобные задачи, относится к проблематике теории познания, а поэтому должен и может в данном случае остаться нерешенным до нашего

исследования нам важно установить одно: журнал по социальным наукам, в нашем понимании, должен

[354]

поскольку он занимается наукой, быть той сферой, где ищут истину, которая претендует на то, чтобы (мы повторяем наш пример) и в восприятии китайца обладать значимостью мысленного упорядочения эмпирической действительности.

Конечно, редакция журнала не может раз и навсегда запретить самой себе и своим сотрудникам высказывать в форме оценочных суждений идеалы, которые их вдохновляют. Однако из этого проистекают два серьезных обязательства. Одно из них заключается в том, чтобы в каждый данный момент со всей отчетливостью доводить до своего сознания и до сознания своих читателей, каковы те масштабы, которые они прилагают к измерению действительности и из которых выводится оценочное. Суждение, вместо того чтобы - как это часто происходит - посредством неоправданного смещения идеалов самого различного рода пытаться избежать конфликтов, "предоставив каждому чтонибудь". Если строго следовать этому требованию, то вынесение определенного практического суждения может быть не только безвредным, но даже полезным, более того, необходимым в чисто научных интересах. Так, в научной критике законодательных и других практических предложений выявление мотивов законодателя или идеалов критикуемого писателя во всем их значении в ряде случаев может быть дано в наглядной, понятной форме только посредством конфронтации положенных ими в основу ценностей с другими и лучше всего, конечно, с их собственными ценностями. Каждая рациональная оценка чужого воления может быть только критикой, которая исходит из собственных "мировоззренческих" позиций, борение с чужим идеалом возможно, только если исходить из собственного идеала. Если в отдельном случае последняя ценностная аксиома, лежащая в основе практического воления, должна быть не только установлена и подвергнута научному анализу, но и наглядно показана в ее отношении к другим ценностным аксиомам, то необходимо дать "позитивную" критику последних в связанном изложении.

Таким образом, на страницах нашего журнала, в частности при обсуждении законов, наряду с социальной наукой - мысленным упорядочением фактов, право голоса неминуемо должно быть предоставлено и социальной политике - изложению определенных идеалов. Однако мы ни в коей мере не помышляем о том, чтобы выдавать

[355]

подобные дискуссии за "науку", и будем тщательно следить, чтобы такого рода смешение и путаница не происходили. В противном случае это уже не наука. Поэтому второе фундаментальное требование научной объективности заключается в том, чтобы отчетливо пояснить читателям (и, повторяем опять, прежде всего самим себе) что (и где) мыслящий исследователь умалчивает, уступая место водящему человеку, где аргументы обращены к рассудку и где к чувству. Постоянное смешение научного толкования фактов и оценивающих размышлений остается, правда, самой распространенной, но и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки. Все сказанное здесь направлено против такого смешения, но отнюдь не против верности идеалам. Отсутствие убеждений и научная "объективность" ни в какой степени не родственны друг другу. "Архив" никогда не был по крайней мере по своему намерению - и не должен быть впредь ареной полемики с определенными политическими или социально-политическими партиями, на его страницах не вербуются сторонники или противники политических или социально-политических идеалов, для подобной цели существуют другие органы. Специфика журнала с момента его возникновения состояла и, поскольку это зависит от редакции, всегда будет состоять в том, что на его страницах в рамках чисто научного исследования встречаются ярые политические противники "Архив" не был в прошлом "социалистическим органом" и не будет впредь органом "буржуазным". В число его сотрудников беспрепятственно может входить каждый, кто готов участвовать в научной дискуссии. Журнал не может быть ареной "возражений", реплик и ответов на них, но он никого, в том числе и своих сотрудников и редакторов, не защищает от объективной научной критики, какой бы резкой она ни была. Тот, кому данные условия не подходят, кто полагает, что сотрудничать с людьми, идеалы которых не совпадают с его собственными, невозможно и в области научного знания, пусть лучше остается в стороне.

Однако нельзя не признать (мы не хотим впасть в самообман), что в настоящее время такое требование, к сожалению, связано с большими практическими

трудностями, чем представляется на первый взгляд. Во первых, возможность открыто обмениваться мнениями с своими противниками на нейтральной почве (обществен-
[356]

ной или идейной), к сожалению, как мы уже указывали, повсюду, а в условиях Германии, как нам известно из опыта, особенно, наталкивается на психологические барьеры. Данный факт, будучи признаком фанатизма и партийной ограниченности, неразвитости политической культуры, уже сам по себе должен вызывать серьезное противодействие, а для журнала такого типа, как наш, он становится еще опаснее, поскольку в области социальных наук толчком к постановке научных проблем, как правило, что известно из опыта, служат практические "вопросы", таким образом, простое признание того, что определенная научная проблема существует, находится в прямой связи с направленностью волеия ныне живущих людей. Поэтому на страницах журнала, вызванного к жизни общей заинтересованностью в конкретной проблеме, будут постоянно встречаться люди, чей личный интерес к данной проблеме объясняется тем, что определенные конкретные условия находятся, как им представляется, в противоречии с теми идеальными ценностями, в которые они верят, или угрожают им. Близость родственных идеалов объединит тогда постоянных сотрудников журнала и привлечет новых людей, это придаст журналу определенный "характер", по крайней мере при рассмотрении практических проблем социальной политики, ибо таково неизбежное следствие сотрудничества людей, обладающих живой восприимчивостью, оценочная позиция которых по отношению к проблемам чисто теоретического характера никогда не может быть полностью устранена; в критике же практических предложений и мероприятий эта позиция находит при указанных предпосылках - свое законное выражение. "Архив" стал выходить в свет в период, когда определенные практические проблемы, связанные с "рабочим вопросом" в унаследованном нами смысле, занимали первое место в дискуссии "о вопросах социальных наук. Те лица, которые связывали с интересующими журнал проблемами высшие и решающие для них ценностные идеи и поэтому стали его постоянными сотрудниками, были по той же причине сторонниками понимания культуры, полностью или частично аналогичного указанным ценностным идеям. Всем известно, что журнал, категорически отрицавший, что он преследует определенную "тенденцию", декларируя с этой целью строгое ограничение чисто "научными" методами настойчиво приглашая в качестве сотрудников "пред

[357]

ставителей всех политических партий", тем не менее носил такой "характер", о котором шла речь выше. Подобная направленность создавалась постоянными сотрудниками журнала. Этих людей, при всем различии их взглядов, объединяла общая цель, которую они видели в сохранении физического здоровья рабочих, в возможности способствовать большему распространению в рабочей среде материальных и духовных благ нашей культуры; средством для этого они считали сочетание государственного вмешательства в сферу материальной заинтересованности с продолжением свободного развития существующего государственного и правового порядка. Каковы бы ни были их взгляды на формирование общественного устройства в будущем, для настоящего времени они принимали капиталистическую систему, и не потому, что считали ее лучше предшествующих ей форм общественного устройства, а потому, что верили в ее практическую неизбежность и полагали, что все попытки вести с ней решительную борьбу приведут не к большему приобщению рабочего класса к достижениям культуры, а к замедлению данного процесса. В условиях, сложившихся в последнее время в Германии (подробно пояснять их природу здесь незначительно), этого нельзя было избежать тогда, нельзя избежать и теперь. Более того, именно это обстоятельство прямо стимулировало успех научной дискуссии и всесторонность участия в ней и явилось для нашего журнала едва ли не фактором силы, а в сложившейся ситуации, может быть, даже одним из оснований его права на существование.

Не подлежит сомнению, что утверждение такого "характера" научного журнала может явиться угрозой его объективности и научности и должно было бы действительно явиться таковой, если бы подбор сотрудников велся преднамеренно однотипно - в этом случае создание такого "характера" было бы практически равносильно наличию "тенденции". Редакция журнала вполне осознает ответственность, которую возлагает на нее такое положение дел. Она не предполагает ни планомерно изменять характер "Архива", ни искусственно консервировать его посредством намеренного ограничения круга сотрудников учеными определенными партийными взглядами. Редакция принимает характер журнала как нечто

данное в ожидании его дальнейшей "эволюции". Как его характер сложится в будущем и как он, быть может,

[358]

преобразуется вследствие неизбежного расширения круга наших сотрудников, будет в первую очередь зависеть от тех лиц, которые вступят в этот круг, намереваясь служить науке, привыкнув к предъявляемым им требованиям и воспримут их раз и навсегда. Зависит это также от расширения проблематики, рассмотрение которой журнал ставит своей целью.

Последнее замечание подводит нас к доселе еще не рассмотренному вопросу об ограничении предмета нашего исследования. На него также нельзя ответить, не поставив и здесь вопрос о природе познавательной цели в области социальных наук. До сих пор, принципиально разделяя "оценочные суждения" и "опытное знание", мы исходили из предпосылки, что в области социальных наук действительно бытует безусловно значимый тип познания, то есть мысленного упорядочения эмпирической действительности. Эта предпосылка теперь сама становится для нас проблемой в той мере, в какой нам надлежит определить, в чем же может состоять в нашей области объективная "значимость" истины, к которой мы стремимся. Каждый, кто наблюдает за постоянным изменением "точек зрения" в борьбе методов, "основных понятий" и предпосылок, за постоянным преобразованием используемых "понятий", кто видит, какая пропасть, кажущаяся неодолимой, все еще разделяет теоретическое и историческое видение (один экзаменовавшийся в Вене студент утверждал, отчаянно жалуясь, что есть ". две политические экономии"), поймет, что данная проблема не выдумана, а действительно существует. Что же мы называем объективностью? Именно этот вопрос мы попытаемся здесь разъяснить.

II

С момента своего возникновения журнал "Архив" рассматривал исследуемые им объекты как социально-экономические явления. Хотя мы и не видим смысла в том, чтобы давать здесь определение понятий и границ отдельных наук, мы тем не менее считаем необходимым пояснить в самой общей форме, что это означает.

Тот факт, что наше физическое существование и в равной степени удовлетворение наших самых высоких идеальных потребностей повсюду наталкивается на количественную ограниченность и качественную недостаточ-

[359]

ность необходимых внешних средств, что для такого удовлетворения требуется планомерная подготовка, работа, борьба с силами природы и объединение людей в обществе, это обстоятельство является - в самом общем определении - основополагающим моментом, с которым связаны все явления, именуемые нами "социально-экономическими" в самом широком смысле данного понятия. Качество явления, позволяющее считать его "социально-экономическим", не есть нечто, присущее ему как таковому "объективно". Оно обусловлено направленностью нашего познавательного интереса, формирующейся в рамках специфического культурного значения, которое мы придаем тому или иному событию в каждом отдельном случае. Во всех случаях, когда явление культурной жизни в тех частях своего своеобразия, на которых основывается для нас его специфическое значение, непосредственно или опосредствованно уходит своими корнями в упомянутую сферу, оно содержит или, во всяком случае, может в данной ситуации содержать проблему социальной науки, то есть задачу дисциплины, предметом которой служит раскрытие всего значения названной основополагающей сферы.

Социально-экономическую проблематику мы можем делить на события и комплексы таких норм, институтов и т. п., культурное значение которых в существенной для нас части состоит в их экономической стороне, которые серьезно нас интересуют только под этим углом зрения, - примером могут служить события на бирже или в банковском деле. Подобное обычно происходит (хотя и не обязательно) тогда, когда речь идет об институтах, преднамеренно созданных или используемых для осуществления какой-либо экономической цели. Такие объекты нашего познания можно в узком смысле назвать "экономическими" процессами или институтами. К ним присоединяются другие, которые - как, например, события религиозной жизни, - безусловно, в первую очередь интересуют нас не под углом зрения их экономического значения и не из-за этого, но которые в определенных обстоятельствах обретают значение под этим углом зрения, так как они оказывают воздействие, интересующее нас с экономической точки зрения, а именно "экономически релевантные" явления. И наконец, в числе не "экономических" в нашем понимании явлений есть такие явления, экономическое воздействие которых вообще не

[360]

представляет для нас интереса или представляет интерес в весьма незначительной степени, как, например, направленность художественного вкуса определенной эпохи. Однако явления такого рода в ряде своих значительных специфических сторон могут в свою очередь иногда испытывать влияние экономических мотивов - в наше время, например, большее или меньшее влияние социального расслоения в той части общества, которая интересуется искусством; это - экономически обусловленные явления. Так, например, комплекс отношений между людьми, норм и определяемых этими нормами связей, именуемых нами "государством", есть явление "экономическое" под углом зрения его финансового устройства. В той мере, в какой государство оказывает влияние на хозяйственную жизнь посредством своей законодательной функции или другим образом (причем и тогда, когда оно сознательно руководствуется в своем поведении совсем иными, отнюдь не экономическими мотивами), оно "экономически релевантно"; и наконец, в той мере, в какой его поведение и специфика определяются и в других - не только "экономических" - аспектах также и экономическими мотивами, оно "экономически обусловлено". Из сказанного явствует, что, с одной стороны, сфера "экономических" явлений не стабильна и не обладает твердыми границами, с другой - что "экономические" аспекты явления отнюдь не "обусловлены только экономически" и оказывают не только "экономическое влияние", что вообще явление носит экономический характер лишь в той мере и лишь до тех пор, пока наш интерес направлен исключительно на то значение, которое оно имеет для материальной борьбы за существование.

Наш журнал, как и социально-экономическая наука вообще со времен Маркса и Рошера, занимается не только "экономическими", но и "экономически релевантными" и "экономически обусловленными" явлениями. Сфера подобных объектов охватывает (сохраняя свою нестабильность, зависящую от направленности нашего интереса) всю совокупность культурных процессов. Специфические экономические мотивы, то есть мотивы, коренящиеся в своей значимой для нас специфике в упомянутой выше основополагающей сфере, действуют повсюду, где удовлетворение, пусть даже самой нематериальной потребности, связано с применением ограниченных внешних средств. Их мощь повсюду определяла и прозе)

[361]

образовывала не только формы удовлетворения культурных потребностей, в том числе и наиболее глубоких, но и само их содержание. Косвенное влияние социальных отношений, институтов и группировок людей, испытывающих давление "материальных" интересов, распространяется (часто неосознанно) на все области культуры без исключения, вплоть до тончайших нюансов эстетического и религиозного чувства. События повседневной жизни в не меньшей степени, чем "исторические" события в области высокой политики, коллективные и массовые явления, а также "отдельные" действия государственных мужей или индивидуальные свершения в области литературы и искусства, являются объектом их влияния, они "экономически обусловлены". С другой стороны, совокупность всех явлений и условий жизни в рамках исторически данной культуры воздействует на формирование материальных потребностей, на способ их удовлетворения, на образование групп материальных интересов, на средства осуществления их власти, а тем самым и на характер "экономического развития", то есть становится "экономически релевантной". В той мере, в какой наша наука сводит в ходе каузального регрессивного движения экономические явления культуры к индивидуальным причинам - экономическим или неэкономическим по своему характеру, - она стремится к "историческому" познанию. В той мере, в какой она прослеживает один специфический элемент явлений культуры, элемент экономический, в его культурном значении, в рамках самых различных культурных связей, она стремится к интерпретации истории под специфическим углом зрения и создает некую частичную картину, предварительное исследование для полного исторического познания культуры.

Хотя экономическая проблема возникает и не повсюду, где экономические моменты выступают как причина или следствие, - ведь возникает она только там, где проблемой становится именно значение этих факторов и где с точностью установить его можно только методами социально-экономической науки, - но область социально-экономического исследования тем не менее остается почти необозримой.

Наш журнал уже раньше ограничил сферу своей деятельности и отказался от целого ряда очень важных специальных отраслей нашей науки, таких, как дескриптив-

[362]

ная экономика, история хозяйства в узком смысле слова и статистика. Передано другим органам также изучение вопросов финансовой техники и технических проблем – образования рынка и ценообразования в современном меновом хозяйстве. Областью исследования "Архива" с момента его создания были определенные констелляции интересов и конфликты в их сегодняшнем значении и в их историческом становлении, возникшие вследствие ведущей роли в хозяйстве современных культурных стран инвестируемого капитала. При этом редакция журнала не ограничивала круг своих интересов практическими и эволюционно историческими проблемами, связанными с "социальным вопросом" в узком смысле слова, то есть отношением современного рабочего класса к существующему общественному строю. Правда, одной из ее основных задач должно было стать выявление научных корней распространившегося в 80-х годах XIX в. интереса именно к этому специальному вопросу. Однако чем в большей степени практическое рассмотрение условий труда становилось предметом законодательной деятельности и публичных дискуссий и у нас, тем больше центр тяжести научной работы перемещался в сторону установления более общих связей, в которые входят и эти проблемы, что ставило перед нами задачу дать анализ всех культурных проблем, созданных своеобразием экономической основы нашей культуры и поэтому современных по своей специфике. Вскоре журнал действительно начал исторически, статистически и теоретически исследовать различные как "экономически релевантные", так и "экономически обусловленные" стороны жизни и других крупных классов современных культурных народов и их взаимоотношения. И если мы теперь определяем как непосредственную область нашего журнала научное исследование общего культурного значения социально-экономической структуры повседневной жизни людей и исторические формы ее организации, то мы лишь делаем выводы из сложившейся направленности журнала. Именно это, и ничто другое, мы имели в виду, назвав наш журнал "Архивом социальных наук". Это наименование охватывает историческое и теоретическое изучение тех проблем, практическое решение которых является делом "социальной политики") в самом широком смысле слова. Мы считаем себя вправе применять термин "социальный" в том его значении, которое определяется конкрет-

[363]

ными проблемами современности. Если называть "науками о культуре" те дисциплины, которые рассматривают события человеческой жизни под углом зрения их культурного значения, то социальная наука в нашем понимании относится к данной категории. Скоро мы увидим, какие принципиальные выводы из этого следуют.

Нет сомнения в том, что выделение социально-экономического аспекта культурной жизни существенно ограничивает наши темы. Нам, конечно, скажут, что экономическая или, как ее не совсем точно называют, "материалистическая" точка зрения, с которой здесь будет рассматриваться культурная жизнь, носит "односторонний" характер. Это справедливо, но такая односторонность преднамеренна. Убеждение в том, что задача прогрессивного научного исследования состоит в устранении "односторонности" экономического рассмотрения посредством расширения его до границ общей социальной науки, свидетельствует о непонимании того, что "социальная" точка зрения, то есть изучение связи между людьми, позволяет с достаточной определенностью разграничить научные проблемы лишь в том случае, если эта точка зрения характеризуется каким-либо особым содержательным предикатом. В противном случае ее объектом окажется не только предмет филологии или истории церкви, но и вообще всех дисциплин, занимающихся таким важнейшим конститутивным элементом культурной жизни, как государство, и такой важнейшей формой его нормативного регулирования, как право. То, что социально-экономическое исследование занимается "социальными" отношениями, в такой же степени не может служить основанием для того, чтобы видеть в нем необходимую стадию в развитии "общественных наук" в целом, как то, что оно занимается явлениями жизни, не превращает его в часть биологии, или то, что оно изучает процессы на одной из планет, не превращает его в часть будущей, более разработанной и достоверной, астрономии. В основе деления наук лежат не "фактические" связи "вещей", а "мысленные" связи проблем: там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения, возникает новая "наука".

И не случайно, когда мы проверяем возможность применения понятия "социального", как будто общего по своему смыслу, то оказывается, что его значение носит

[364]

совершенно особый, специфически окрашенный, хотя в большинстве случаев и достаточно неопределенный характер. В действительности его всеобщность - следствие именно этой его неопределенности. Взятое в своем "общем" значении, оно не дает специфических точек зрения, которые могли бы осветить значение определенных элементов культуры.

Отказываясь от устаревшего мнения, будто всю совокупность явлений культуры можно дедуцировать из констелляций "материальных" интересов в качестве их продукта или функции, мы тем не менее полагаем, что анализ социальных явлений и культурных процессов под углом зрения их экономической обусловленности и их влияния был и - при осторожном свободном от догматизма применении - останется на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом. Так называемое "материалистическое понимание истории" в качестве "мировоззрения" или общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности следует самым решительным образом отвергнуть; однако экономическое толкование истории является одной из наиболее существенных целей нашего журнала. Это требует дальнейшего пояснения.

Так называемое "материалистическое понимание истории" в старом гениально-примитивном смысле "Манифеста Коммунистической партии" господствует теперь только в сознании любителей и дилетантов. В их среде все еще бытует своеобразное представление, которое состоит в том, что их потребность в каузальной связи может быть удовлетворена только в том случае, если при объяснении какого-либо исторического явления, где бы то ни было и как бы то ни было, обнаруживается, или как будто обнаруживается, роль экономических факторов. В этом случае они довольствуются самыми шаткими гипотезами и самыми общими фразами, поскольку имеется в виду их догматическая потребность видеть в "движущих силах" экономики "подлинный", единственно "истинный", "в конечном счете всегда решающий" фактор. Впрочем, это не является чем-то исключительным. Почти все науки, от филологии до биологии, время от времени претендуют на то, что они создают не только специальное знание, но и "мировоззрение". Под влиянием огромного культурного значения современных экономических преобразований, и в частности господствующего

[365]

этого значения "рабочего вопроса", к этому естественным образом соскальзывал неискоренимый монизм каждого некритического сознания. Теперь, когда борьба наций за мировое господство в области политики и торговли становится все более острой, та же черта проявляется в антропологии. Ведь вера в то, что все исторические события в "конечном итоге" определяются игрой врожденных "расовых качеств", получила широкое распространение. Некритичное описание "народного характера" заменило еще более некритичное создание собственных "общественных теорий" на "естественнонаучной" основе. Мы будем тщательно следить в нашем журнале за развитием антропологического исследования в той мере, в какой оно имеет значение для наших точек зрения. Надо надеяться, что такое состояние науки, при котором возможно каузальное сведение культурных событий к "расе", свидетельствующее лишь об отсутствии у нас подлинных знаний - подобно тому как прежде объяснение находили в "среде", а до этого в "условиях времени", - будет постепенно преодолено посредством строгих методов профессиональных ученых. До настоящего времени работе специалистов больше всего мешало представление ревностных дилетантов, будто они могут дать для понимания культуры нечто специфически иное и более существенное, чем расширение возможности уверенно сводить отдельные конкретные явления культуры исторической действительности к их конкретным, исторически данным причинам с помощью неопровержимого, полученного в ходе наблюдения со специфических точек зрения материала. Только в той мере, в какой они могут предоставить нам это, их выводы имеют для нас интерес и квалифицируют "расовую биологию" как нечто большее, чем продукт присущей нашему времени лихорадочной жажды создавать новые теории.

Так же обстоит дело с экономической интерпретацией исторического процесса. Если после периода безграничной переоценки указанной интерпретации теперь приходится едва ли не опасаться того, что ее научная значимость недооценивается, то это следствие беспримерной некритичности, которая лежала в основе экономической интерпретации действительности в качестве "универсального" метода дедукции всех явлений культуры (то есть всего того, что в них для нас существенно) к экономическим факторам., то есть тем самым рассматриваемых

[366]

как в конечном итоге экономически обусловленные. В наши дни логическая форма этой интерпретации бывает разной. Если чисто экономическое объяснение

наталкивается на трудности, то существует множество способов сохранить его общезначимость в качестве основного причинного момента. Один из них состоит в том, что все явления исторической действительности, которые не могут быть выведены из экономических мотивов, именно поэтому считаются незначительными в научном смысле, "случайностью". Другой способ состоит в том, что понятие "экономического" расширяется до таких пределов, когда все человеческие интересы, каким бы то ни было образом связанные с внешними средствами, вводятся в названное понятие. Если исторически установлено, что реакция на две в экономическом отношении одинаковые ситуации была тем не менее различной - из-за различия политических, религиозных, климатических и множества других неэкономических детерминантов, - то для сохранения превосходства экономического фактора все остальные моменты сводятся к исторически случайным "условиям", в которых экономические мотивы действуют в качестве "причин". Очевидно, однако, что все эти "случайные" с экономической точки зрения моменты совершенно так же, как экономические, следуют своим собственным законам и что для того рассмотрения, которое исследует их специфическую значимость, экономические "условия" в таком же смысле "исторически случайны", как случайны с экономической точки зрения другие "условия". Излюбленный способ спасти, невзирая на это, исключительную значимость экономического фактора состоит в том, что константное действие отдельных элементов культурной жизни рассматривается в рамках каузальной или функциональной зависимости одного элемента от других, вернее, всех других от одного, от экономического. Если какой-либо не хозяйственный институт осуществлял исторически определенную "функцию" на службе экономических классовых интересов, то есть служил им, если, например, определенные религиозные институты могут быть использованы и используются как "черная полиция", то считается, что такой институт был создан только для этой функции, или-совершенно метафизически - утверждается, что на него наложила отпечаток коренящаяся в экономике "тенденция развития".

[367]

В наше время специалисты не нуждаются в пояснении того, что это толкование цели экономического анализа культуры было отчасти следствием определенной исторической констелляции, направлявшей свой научный интерес на определенные экономически обусловленные проблемы культуры, отчасти отражением в науке неумного административного патриотизма и что теперь оно по меньшей мере устарело. Сведение к одним экономическим причинам нельзя считать в каком бы то ни было смысле исчерпывающим ни в одной области культуры, в том числе и в области "хозяйственных" процессов. В принципе история банковского дела какого-либо народа, в которой объяснение построено только на экономических мотивах, столь же невозможна, как "объяснение" Сикстинской мадонны, выведенное из социально-экономических основ культурной жизни времени ее возникновения; экономическое объяснение носит в принципе ничуть не более исчерпывающий характер, чем выведение капитализма из тех или иных преобразований религиозного сознания, игравших определенную роль в генезисе капиталистического духа, или выведение какого-либо политического образования из географических условий среды. Во всех этих случаях решающим для степени значимости, которую следует придавать экономическим условиям, является то, к какому типу причин следует сводить те специфические элементы данного явления, которым мы в отдельном случае придаем значение, считаем для нас важными. Право одностороннего анализа культурной действительности под каким-либо специфическим "углом зрения" - в нашем случае под углом зрения ее экономической обусловленности - уже чисто методически проистекает из того, что привычная направленность внимания на воздействие качественно однородных причинных категорий и постоянное применение одного и того же понятийно-методического аппарата дает исследователю все преимущества разделения труда. Этот анализ нельзя считать "произвольным", пока он оправдан своим результатом, то есть пока он дает знание связей, которые оказываются ценными для каузального сведения исторических событий к их конкретным причинам. Однако "односторонность" и недейственность чисто экономической интерпретации исторических явлений составляет лишь частный случай принципа, важного для культурной действительности в целом. Пояснить логичес-

[368]

кую основу и общие методические выводы этого - главная цель дальнейшего изложения.

Не существует совершенно "объективного" научного анализа культурной жизни или (что, возможно, означает нечто более узкое, но для нашей цели, безусловно,

не существенно иное) "социальных явлений", независимого от особых и "односторонних" точек зрения, в соответствии с которыми они избраны в качестве объекта исследования, подвергнуты анализу и расчленены (что может быть высказано или молча допущено, осознанно или неосознанно); это объясняется своеобразием познавательной цели любого исследования в области социальных наук, которое стремится выйти за рамки чисто формального рассмотрения норм - правовых или конвенциональных - социальной жизни.

Социальная наука, которой мы хотим заниматься, - наука о действительности. Мы стремимся понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии - взаимосвязь и культурную значимость отдельных ее явлений в их нынешнем облике, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе. Между тем как только мы пытаемся осмыслить образ, в котором жизнь непосредственно предстает перед нами, она предлагает нам бесконечное многообразие явлений, возникающих и исчезающих последовательно или одновременно "внутри" и "вне" нас. Абсолютная бесконечность такого многообразия остается неизменной в своей интенсивности и в том случае, когда мы изолированно рассматриваем отдельный ее "объект" (например, конкретный акт обмена), как только мы делаем серьезную попытку хотя бы только исчерпывающе описать это "единичное" явление во всех его индивидуальных компонентах, не говоря уже о том, чтобы постигнуть его в его каузальной обусловленности. Поэтому всякое мысленное познание бесконечной действительности конечным человеческим духом основано на молчаливой предпосылке, что в каждом данном случае предметом научного познания может быть только конечная часть действительности, что только ее следует считать "существенной", то есть "достойной знания". По какому же принципу вычленяется эта часть? Долгое время предполагали, что и в науках о культуре решающий признак в конечном итоге следует искать в "закономерной" повторяемости определенных причинных связей. То, что содержат в себе "законы",

[369]

которые мы способны различить в необозримом многообразии смен явлений, должно быть - с этой точки зрения - единственно "существенным" для науки. Как только мы установили "закономерность" причинной связи, будь то средствами исторической индукции в качестве безусловно значимой, или сделали ее непосредственно зримой очевидностью для нашего внутреннего опыта - каждой найденной таким образом формуле подчиняется любое количество однородных явлений. Та часть индивидуальной действительности, которая остается непонятой после вычленения "закономерного", рассматривается либо как не подвергнутый еще научному анализу остаток, который впоследствии в ходе усовершенствования системы "законов" войдет в нее, либо это просто игнорируют как нечто "случайное" и именно поэтому несущественное для науки, поскольку оно не допускает "понимания с помощью законов", следовательно, не относится к рассматриваемому "типу" явлений и может быть лишь объектом "праздного любопытства". Таким образом, даже представители исторической школы все время возвращаются к тому, что идеалом всякого, в том числе и исторического, познания (пусть даже этот идеал перемещен в далекое будущее) является система научных положений, из которой может быть "дедуцирована" действительность. Один известный естествовед высказал предположение, что таким фактически недостижимым идеалом подобного "препарирования" культурной действительности можно считать "астрономическое" познание жизненных процессов. Приложим и мы свои усилия, несмотря на то что указанный предмет уже неоднократно привлекал к себе внимание, и остановимся несколько конкретнее на данной теме. Прежде всего бросается в глаза, что "астрономическое" познание, о котором идет речь, совсем не есть познание законов, что "законы", которые здесь используются, взяты в качестве предпосылок исследования из других наук, в частности из механики. В самом же познании ставится вопрос: к какому индивидуальному результату приводит действие этих законов на индивидуально структурированную констелляцию, ибо эти индивидуальные констелляции обладают для нас значимостью. Каждая индивидуальная констелляция, которую нам "объясняет" или предсказывает астрономическое знание, может быть, конечно, каузально объяснена только как следствие другой, предшествующей

[370]

ей, столь же индивидуальной констелляции; и как бы далеко мы ни проникали в густой туман далекого прошлого, действительность, для которой значимы законы, всегда остается одинаково индивидуальной и в одинаковой степени невыводимой из законов. "Изначальное" космическое "состояние", которое не имело бы индивидуального характера или имело бы его в меньшей степени, чем космическая

действительность настоящего времени, конечно, явная бессмыслица. Однако разве в области нашей науки не обнаруживаются следы подобных представлений то в виде открытий естественного права, то в виде верифицированных на основе изучения жизни "первобытных народов" предположений о некоем "исконном состоянии" свободных от исторических случайностей социально-экономических отношений типа "примитивного аграрного коммунизма", "сексуального промискуитета" и т. д., из которых затем в виде некоего грехопадения в конкретность возникает индивидуальное историческое развитие?

Отправным пунктом интереса в области социальных наук служит, разумеется, действительная, то есть индивидуальная, структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но тем самым, конечно, не теряющей своей индивидуальности связи и в ее становлении из других, также индивидуальных по своей структуре культур. Очевидно, здесь мы имеем дело с такой же ситуацией, которую выше пытались обрисовать с помощью астрономии, пользуясь этим примером как пограничным случаем (обычный прием логиков), только теперь специфика объекта еще определеннее. Если в астрономии наш интерес направлен только на чисто количественные, доступные точному измерению связи между небесными телами, то в социальных науках нас прежде всего интересует качественная окраска событий. К тому же в социальных науках речь идет о роли духовных процессов, "понять" которую в сопереживании - совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разрешена (даже если исследователь к этому стремится) с помощью точных формул естественных наук. Тем не менее такое различие оказывается не столь принципиальным, как представляется на первый взгляд. Ведь естественные науки - если оставить в стороне чистую механику - также не могут обойтись без качественного аспекта: с другой стороны, и в нашей специаль-

[371]

ности бытует мнение (правда, неверное), что фундаментальное по крайней мере для нашей культуры явление товарно-денежного обращения допускает применение количественных методов и поэтому может быть постигнуто с помощью законов. И наконец, будут ли отнесены к законам и те закономерности, которые не могут быть выражены в числах, поскольку к ним неприменимы количественные методы, зависит от того, насколько узким или широким окажется понятие "закона". Что же касается особой роли "духовных" мотивов, то она, во всяком случае, не исключает установления правил рационального поведения; до сих пор еще бытует мнение, будто задача психологии заключается в том, чтобы играть для отдельных "наук о духе" роль, близкую математике, расчленяя сложные явления социальной жизни на их психические условия и следствия и сводя эти явления к наиболее простым психическим факторам, которые должны быть классифицированы по типам и исследованы в их функциональных связях. Тем самым была бы создана если не "механика", то хотя бы "химия" социальной жизни в ее психических основах. Мы не будем здесь решать, дадут ли когда-либо подобные исследования ценные или - что отнюдь не то же самое - приемлемые для наук о культуре результаты. Однако для вопроса, может ли быть посредством выявления закономерной повторяемости достигнута цель социально-экономического познания в нашем понимании, то есть познание действительности в ее культурном значении и каузальной связи, это не имеет ни малейшего значения. Допустим, что когда-либо, будь то с помощью психологических или любых иных методов, удалось бы проанализировать все известные и все мыслимые в будущем причинные связи явлений совместной жизни людей и свести их к каким-либо простым последним "факторам", затем с помощью невероятной казуистики понятий и строгих, значимых в своей закономерности правил исчерпывающе их осмыслить, - что это могло бы значить для познания исторически данной культуры или даже какого-либо отдельного ее явления, например капитализма в процессе его становления и его культурном значении? В качестве средства познания - не более и не менее чем справочник по соединениям органической химии для биогенетического исследования животного и растительного мира. В том и другом случае, безусловно, была бы проделана важная и полезная предварительная

[372]

работа. Однако в том и другом случае из подобных "законов" и "факторов" не могла бы быть дедуцирована реальность жизни, и совсем не потому, что в жизненных явлениях заключены еще какие-либо более высокие, таинственные "силы" (доминанты, "энтелехии" и как бы они ни назывались) - это вопрос особый, - но просто потому, что для понимания действительности нам важна констелляция, в которой мы находим те (гипотетические!) "факторы", сгруппированные в историческое, значимое для нас явление культуры, и потому, что, если бы мы захотели "каузально объяснить" такую

индивидуальную группировку, нам неизбежно пришлось бы обратиться к другим, столь же индивидуальным группировкам, с помощью которых мы, пользуясь теми (конечно, гипотетическими!) понятиями "закона", дали бы ее "объяснение". Установить упомянутые (гипотетические!) "законы" и "факторы" было бы для нас лишь первой задачей среди множества других, которые должна были бы привести к желаемому результату. Второй задачей было бы проведение анализа и упорядоченного изображения исторически данной индивидуальной группировки тех "факторов" и их обусловленного этим конкретного, в своем роде значимого взаимодействия, и прежде всего пояснение основания и характера этой значимости. Решить вторую задачу можно, только используя предварительные данные, полученные в результате решения первой, но сама по себе она совершенно новая и самостоятельная по своему типу задача. Третья задача состояла бы в том, чтобы познать, уходя в далекое прошлое, становление отдельных, значимых для настоящего индивидуальных свойств этих группировок, их историческое объяснение из предшествующих, также индивидуальных констелляций. И наконец, мыслимая четвертая задача - в оценке возможных констелляций в будущем. ^

Нет сомнения в том, что для реализации всех названных целей наличие ясных понятий и знания таких (гипотетических) "законов" было бы весьма ценным средством познания, но только средством; более того, в этом смысле они совершенно необходимы. Однако, даже используя такую их функцию, мы в определенный решительный момент обнаруживаем границу их значения и, установив последнюю, приходим к выводу о безусловном своеобразии исследования в области наук о культуре. Мы назвали "науками о культуре" такие дисциплины, которые

[373]

стремятся познать жизненные явления в их культурном значении. Значение же явления культуры и причина этого значения не могут быть выведены, обоснованы и пояснены с помощью системы законов и понятий, какой бы совершенной она ни была, так как это значение предполагает соотношение явлений культуры с идеями ценности. Понятие культуры - ценностное понятие. Эмпирическая реальность есть для нас "культура" потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями (и в той мере, в какой мы это делаем); культура охватывает те - и только те - компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас. Ничтожная часть индивидуальной действительности окрашивается нашим интересом, обусловленным ценностными идеями, лишь она имеет для нас значение, и вызвано это тем, что в ней обнаруживаются связи, важные для нас вследствие их соотносительности с ценностными идеями. Только поэтому - и поскольку это имеет место - данный компонент действительности в его индивидуальном своеобразии представляет для нас познавательный интерес. Однако определить, что именно для нас значимо, никакое "непредвзятое" исследование эмпирически данного не может. Напротив, установление значимого для нас и есть предпосылка, в силу которой нечто становится предметом исследования. Значимое как таковое не совпадает, конечно, ни с одним законом как таковым, и тем меньше, чем более общезначим этот закон. Ведь специфическое значение, которое имеет для нас компонент действительности, заключено совсем не в тех его связях, которые общи для него и многих других. Отнесение действительности к ценностным идеям, придающим ей значимость, выявление и упорядочение окрашенных этим компонентов действительности с точки зрения их культурного значения - нечто совершенно несовместимое с гетерогенным ему анализом действительности посредством законов и упорядочением ее в общих понятиях. Эти два вида мыслительного упорядочения реальности не находятся в обязательной логической взаимосвязи. Они могут иногда в каком-либо отдельном случае совпадать, однако следует всячески остерегаться чрезвычайно опасного в своем последствии заблуждения, будто подобное случайное совпадение меняет что-либо в их принципиальном различии по существу. Культурное значение какого-либо явления, например обмена в товарно-денежном

[374]

хозяйстве, может состоять в том, что оно принимает массовый характер; и таков действительно фундаментальный компонент культурной жизни нашего времени. В этом случае задача исследователя состоит именно в том, чтобы сделать понятным культурное значение того исторического факта, что упомянутое явление играет именно эту роль, дать каузальное объяснение его исторического возникновения. Исследование общих черт обмена как такового и техники денежного обращения в товарно-денежном хозяйстве - очень важная (и необходимая!) подготовительная работа. Однако оно не только не дает ответа на вопрос, каким же образом исторически обмен достиг своего нынешнего фундаментального значения, но не

объясняет прежде всего того, что интересует нас в первую очередь, - культурного значения денежного хозяйства, что вообще только и представляет для нас интерес в технике денежного обращения, из-за чего вообще в наши дни существует наука, изучающая этот предмет; ответ на такой вопрос не может быть выведен ни из одного общего "закона". Типовые признаки обмена, купли-продажи и т. п. интересуют юриста; наша же задача - дать анализ культурного значения того исторического факта, что обмен стал теперь явлением массового характера. Когда речь идет об объяснении данного явления, и мы стремимся понять, чем же социально-экономические отношения нашей культуры отличаются от аналогичных явлений культур древности, где обмен обладал совершенно теми же типовыми качествами; когда мы, следовательно, пытаемся понять, в чем же состоит значение "денежного хозяйства", тогда в исследование втор-гаются логические принципы, совершенно гетерогенные по своему происхождению: мы, правда, пользуемся в качестве средства изображения теми понятиями, которые предоставляет нам изучение типовых элементов массовых явлений экономики, в той мере, в какой в них содержатся значимые компоненты нашей культуры. Однако каким бы точным ни было изложение этих понятий и законов, мы тем самым не только не достигнем своей цели, но и самый вопрос, что же должно служить материалом для образования типовых понятий, вообще не может быть решен "непредвзято", а только в зависимости от значения, которое имеют для культуры определенные компоненты бесконечного многообразия, именуемого нами "денежным обращением". Ведь мы стремимся к познанию

[375]

исторического, то есть значимого в индивидуальном своеобразии явления. И решающий момент заключается в следующем: лишь в том случае, если мы исходим из предпосылок, что значима только конечная часть бесконечной полноты явлений, идея познания индивидуальных явлений может вообще обрести логический смысл. Даже при всеохватывающем знании всего происходящего нас поставил бы в тупик вопрос: как вообще возможно каузальное объяснение индивидуального факта, если даже любое описание наименьшего отрезка действительности никогда нельзя мыслить исчерпывающим? Число и характер причин, определивших какое-либо индивидуальное событие, всегда бесконечно, а в самих вещах нет признака, который позволил бы вычленишь из них единственно важную часть. Серьезная попытка "непредвзятого" познания действительности привела бы только к хаосу "экзистенциальных суждений" о бесчисленном количестве индивидуальных восприятий. Однако возможность такого результата иллюзорна, так как при ближайшем рассмотрении оказывается, что в действительности каждое отдельное восприятие состоит из бесконечного множества компонентов, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть исчерпывающе отражены в суждениях о восприятии. Порядок в этот хаос вносит только то обстоятельство, что интерес и значение имеет для нас в каждом случае лишь часть индивидуальной действительности, так как только она соотносится с ценностными идеями культуры, которые мы прилагаем к действительности. Поэтому только определенные стороны бесконечных в своем многообразии отдельных явлений, те, которым мы приписываем общее культурное значение, представляют для нас познавательную ценность, только они являются предметом каузального объяснения. Однако и в каузальном объяснении обнаруживается та же сложность: исчерпывающее каузальное сведение какого бы то ни было конкретного явления во всей полноте его действительных свойств не только практически невозможно, но и бессмысленно. Мы вычлениаем лишь те причины, которые в отдельном случае могут быть сведены к "существенным" компонентам события: там, где речь идет об индивидуальности явления, каузальный вопрос - вопрос не о законах, а о конкретных каузальных связях, не о том, под какую формулу следует подвести явление в качестве частного случая, а о том, к какой индивидуаль-

[376]

ной констелляции его следует свести; другими словами, это вопрос сведения. Повсюду, где речь идет о каузальном объяснении "явления культуры", об "историческом индивидууме" (мы пользуемся здесь термином, который начинает входить в методологию нашей науки и в своей точной формулировке уже принят в логике), знание законов причинной обусловленности не может быть целью и является только средством исследования. Знание законов облегчает нам произвести сведение компонентов явлений, обладающих в своей индивидуальности культурной значимостью, к их конкретным причинам. В той мере - и только в той мере, - в какой знание законов способствует этому, применение его существенно в познании индивидуальных связей. И чем "более общи", то есть абстрактны, законы, тем менее они применимы

для каузального сведения индивидуальных явлений, а тем самым косвенно и для понимания значения культурных процессов.

Какой же вывод можно сделать из всего сказанного? Разумеется, это не означает, что в области наук о культуре знание общего, образование абстрактных родовых понятий, знание закономерности и попытка формулировать связи на основе "законов" вообще не имеют научного оправдания. Напротив, если каузальное познание историка есть сведение конкретных результатов к их конкретным причинам, то значимость сведения какого-либо индивидуального результата к его причинам без применения "номологического" знания, то есть знания законов каузальных связей, вообще немыслима. Следует ли приписывать отдельному индивидуальному компоненту реальной связи *in concrete* каузальное значение в осуществлении того результата, о каузальном объяснении которого идет речь, можно в случае сомнения решить, только если мы оценим воздействие, которого мы обычно ждем в соответствии с общими законами от данного компонента связи и от других принятых здесь во внимание компонентов того же комплекса; вопрос сводится к определению адекватного воздействия отдельных элементов данной причинной связи. В какой мере историк (в самом широком смысле слова) способен уверенно совершить это сведение с помощью своего основанного на личном жизненном опыте и методически дисциплинированного воображения и в какой мере он использует при этом выводы других специфических наук, решается в каждом

[377]

отдельном случае в зависимости от обстоятельств. Однако повсюду, а следовательно, и в области сложных экономических процессов, надежность такого причинного сведения тем больше, чем полнее и глубже знание общих законов. То, что при этом всегда, в том числе и во всех без исключения так называемых "экономических законах", речь идет не о "закономерностях" в узком естественнонаучном смысле, но об "адекватных" причинных связях, выраженных в определенных правилах, о применении категории "объективной возможности" (которую мы здесь подробно не будем рассматривать), ни в коей мере не умаляет значения данного тезиса. Следует только всегда помнить, что установление закономерностей такого рода - не цель, а средство познания; а есть ли смысл в том, чтобы выразить в формуле в виде "закона" хорошо известную нам из повседневного опыта закономерность причинной связи, является в каждом конкретном случае вопросом целесообразности.

Для естественных наук важность и ценность "законов" прямо пропорциональна степени их общезначимости - для познания исторических явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, в наибольшей степени лишенные содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность. Ведь чем больше значимость родового понятия - его объем, тем дальше оно уводит нас от полноты реальной действительности, так как для того, чтобы содержать общие признаки наибольшего числа явлений, оно должно быть абстрактным, то есть бедным по своему содержанию. В науках о культуре познание общего никогда не бывает ценным как таковое.

Из сказанного следует, что "объективное" исследование явлений культуры, идеальная цель которого состоит в сведении эмпирических связей к "законам", бессмысленно. И совсем не потому, что, как часто приходится слышать, культурные или духовные процессы "объективно" протекают в менее строгом соответствии законам, а по совершенно иным причинам. Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности, оно является лишь одним из целого ряда вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели. Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из значения, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в

[378]

определенных единичных связях. В каком смысле и в каких связях обнаруживается такая значимость, нам не может открыть ни один закон, ибо это решается в зависимости от ценностных идей, под углом зрения которых мы в каждом отдельном случае рассматриваем "культуру". "Культура" - есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значениям. Такое понимание культуры присуще человеку и в том случае, когда он выступает как злейший враг какой-либо конкретной культуры и требует "возврата к природе". Ведь и эту позицию он может занять, только соотнося данную конкретную культуру со своими ценностными идеями и определяя ее как "слишком поверхностную". Данное чисто формально-логическое положение имеется в виду, когда речь здесь идет о логически необходимой связи всех "исторических

индивидуумов" с "ценностными идеями". Трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре состоит не в том, что мы считаем определенную - или вообще какую бы то ни было - "культуру" ценной, а в том, что мы сами являемся людьми культуры, что мы обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей, заставит нас отнестись к ним (положительно или отрицательно) как к чему-то для нас значительному. Каким бы ни было содержание этого отношения, названные явления будут иметь для нас культурное значение, которое только и придает им научный интерес. Говоря в терминах современной логики об обусловленности познания культуры идеями ценности, мы уповаем на то, что это не породит столь глубокого заблуждения, будто, с нашей точки зрения, культурное значение присуще лишь ценностным явлениям. К явлениям культуры проституция относится не в меньшей степени, чем религия или деньги, и все они относятся потому, только потому, что их существование и форма, которую они обрели исторически, прямо или косвенно затрагивают наши культурные интересы-, и только в этой степени потому, что они возбуждают наше стремление к знанию с тех точек зрения, которые выведены из ценностных идей, придающих значимость отрезку действительности, мыслимому в этих понятиях.

[379]

Отсюда следует, что познание культурной действительности - всегда познание с совершенно специфических особых точек зрения. Когда мы требуем от историка или социолога в качестве элементарной предпосылки, чтобы он умел отличать важное от неважного и основывался бы, совершая такое разделение, на определенной "точке зрения", то это означает только, что он должен уметь осознанно или неосознанно соотносить явления действительности с универсальными "ценностями культуры" и в зависимости от этого вычленять те связи, которые для нас значимы. Если часто приходится слышать, что подобные точки зрения "могут быть почерпнуты из материала", то это - лишь следствие наивного самообмана ученого, не замечающего, что он с самого начала в силу ценностных идей, которые он неосознанно прилагает к материалу исследования, вычленил из абсолютной бесконечности крошечный ее компонент в качестве того, что для него единственно важно. В этом всегда и повсеместно, сознательно или бессознательно производимом выборе отдельных особых "сторон" происходящих событий проявляется и тот элемент научной работы в области наук о культуре, на котором основано часто высказываемое утверждение, будто "личный" момент научного труда и есть собственно ценное в нем, что в каждом труде, достойном внимания, должна отражаться "личность" автора. Очевидно, что без ценностных идей исследователя не было бы ни принципа, необходимого для отбора материала, ни подлинного познания индивидуальной реальности; и если без веры исследователя в значение какого-либо содержания культуры любые его усилия, направленные на познание индивидуальной действительности, просто бессмысленны, то направленность его веры, предположение ценностей в зеркале его души придадут исследовательской деятельности известную направленность. Ценности же, с которыми научный гений соотносит объекты своего исследования, могут определить "восприятие" целой эпохи, то есть играть решающую роль в понимании не только того, что считается в явлениях "ценностным", но и того, что считается значимым или незначимым, "важным" или "неважным".

Следовательно, познание в науках о культуре так, как мы его понимаем, связано с "субъективными" предпосылками в той мере, в какой оно интересуется только теми компонентами действительности, которые каким-либо об-

[380]

разом - пусть даже самым косвенным - связаны с явлениями, имеющими в нашем представлении культурное значение. Тем не менее это, конечно, - чисто каузальное познание, совершенно в таком же смысле, как познание значимых индивидуальных явлений природы, которые носят качественный характер. К числу многих заблуждений, вызванных вторжением в науки о культуре формально-юридического мышления, присоединилась недавно остроумная попытка в принципе "опровергнуть" "материалистическое понимание истории" с помощью ряда следующих будто бы убедительных выводов* : поскольку хозяйственная жизнь проходит в юридически или конвенционально урегулированных формах, всякое экономическое "развитие" неизбежно принимает форму устремления к созданию новых правовых форм, следовательно, оно может быть понято только под углом зрения нравственных максим и потому по своей сущности резко отличается от любого развития "в области природы". В силу этого познание экономического развития всегда телеологично по

своему характеру. Не останавливаясь на многозначном понятии "развития" в социальных науках и на логически не менее многозначном понятии "телеологического", мы считаем нужным указать здесь лишь на то, что такое развитие, во всяком случае, "телеологично" не в том смысле, какой в это слово вкладывается сторонниками данной точки зрения. При полной формальной идентичности значимых правовых норм культурное значение нормированных правовых отношений, а тем самым и самих норм может быть совершенно различным. Если решиться на фантастическое прогнозирование будущего, то можно, например, представить себе "обобществление средств производства" теоретически завершенным, без того, чтобы при этом возникли какие бы то ни были социальные "устремления" к реализации указанной цели, и без того, чтобы наше законодательство уменьшилось на один параграф или пополнилось таковым. Правда, статистика отдельных нормированных правовых отношений изменилась бы коренным образом, число многих из них

[381]

упало бы до нуля, значительная часть правовых норм практически перестала бы играть какую-либо роль, и их культурное значение тоже изменилось бы до неузнаваемости. Поэтому "материалистическое" понимание истории могло бы с полным правом исключить соображения de lege ferenda*, так как его основополагающим тезисом было именно неизбежное изменение значения правовых институтов. Тот, кому скромный труд каузального понимания исторической действительности представляется слишком элементарным, пусть лучше не занимается им, но заменять его какой-либо "телеологией" невозможно. В нашем понимании "цель" - это такое представление о результате, - которое становится причиной действия, и так же, как мы принимаем во внимание любую причину, способствующую значимому результату, мы принимаем во внимание и данную. Специфическое значение данной причины состоит лишь в том, что наша цель - не только конституировать поведение людей, но и понять его.

Нет никакого сомнения в том, что ценностные идеи "субъективны". Между "историческим" интересом к семейной хронике и интересом к развитию самых важных явлений культуры, в одинаковой степени общих для нации или всего человечества на протяжении целых эпох и вплоть до наших дней, проходит бесконечная градация "значений", последовательность степеней которых иная для каждого из нас. Такому же преобразованию они подвергаются в зависимости от характера культуры и господствующих в человеческом мышлении идей. Из этого, однако, отнюдь не следует, что выводы исследования в области наук о культуре могут быть только "субъективными" в том смысле, что они для одного человека значимы, а для другого нет. Меняется лишь степень интереса, который они представляют для того или другого человека. Иными словами: что становится предметом исследования и насколько глубоко это исследование проникает в бесконечное переплетение каузальных связей, определяют господствующие в данное время и в мышлении данного ученого ценностные идеи. Если обратиться к методу исследования, то ведущая "точка зрения", правда, является, как мы еще увидим, определяющей для образова-

[382]

ния вспомогательных понятийных средств, которыми пользуется ученый, однако характер этого использования здесь, как и всегда, связан, конечно, с нормами нашего мышления. Научная истина есть именно то, что хочет быть значимым для всех, кто стремится к истине.

Один вывод из сказанного здесь не вызывает сомнения это полная бессмысленность идеи, распространившейся даже в кругах историков, будто целью, пусть даже отдаленной, наук о культуре должно быть создание замкнутой системы понятий, в которой действительность можно будет представить в некоем окончательном членении и из которой она затем опять может быть дедуцирована. Бесконечный поток неизмеримых событий несетя в вечность. Во все новых образах и красках возникают проблемы культуры, волнующие людей; зыбкими остаются границы того, что в вечном и бесконечном потоке индивидуальных явлений обретает для нас смысл и значение, становится "историческим индивидуумом". Меняются мыслительные связи, в рамках которых "исторический индивидуум" рассматривается и постигается научно. Отправные точки наук о культуре будут и в будущем меняться до тех пор, пока китайское оскотенение духовной жизни не станет общим делом людей и не отучит их задавать вопросы всегда одинаково неисчерпаемой жизни. Система в науках о культуре, даже просто в качестве окончательной и объективно значимой фиксированной систематизации проблем и областей знания, которыми должны заниматься эти науки, - бессмыслица. Результатом подобной попытки может быть лишь перечисление многих, специфически выделенных, гетерогенных и несовместимых

друг с другом точек зрения, с которых действительность являлась или является для нас "культурой", то есть значимой в своем своеобразии.

После таких длительных пояснений можно наконец обратиться к тому вопросу, который в рамках рассмотрения "объективности" познания культуры представляет для нас методологический интерес. Каковы логическая функция и структура понятий, которыми пользуется наша, как и любая другая, наука? Или, если сформулировать вопрос точнее, обращаясь непосредственно к решающей для нас проблеме: каково значение теории и образования теоретических понятий для познания культурной действительности?

[383]

ником", то есть рассматривала явления действительности с однозначной (по видимости, во всяком случае), прочно установленной, практической ценностной точки зрения, с точки зрения роста "богатства" подданных государства. С другой стороны, она с самого начала была не только "техникой", так как вошла в могучее единство естествен-ноправового и рационалистического мировоззрения XVIII в. Своеобразие этого мировоззрения с его оптимистической верой в то, что действительность может быть теоретически и практически рационализирована, оказало существенное воздействие, препятствуя открытию того факта, что принятая как нечто само собой разумеющееся точка зрения носит проблематичный характер. Рациональное отношение к социальной действительности не только возникло в тесной связи с развитием естественных наук, но и осталось родственным ему по характеру своего научного метода. В естественных науках практическая ценностная точка зрения, которая сводилась к непосредственно технически полезному, была изначально тесно связана с унаследованной от античности, а затем все растущей надеждой на то, что на пути генерализирующей абстракции и эмпирического анализа, ориентированного на установленные законами связи, можно прийти к чисто "объективному" (то есть свободному от ценностей) и вместе с тем вполне рациональному (то есть свободному от индивидуальных "случайностей") монистическому познанию всей действительности в виде некоей системы понятий, метафизической по своей значимости и математической по форме. Неотделимые от ценностных точек зрения естественные науки, такие, как клиническая медицина и еще в большей степени наука, именуемая обычно "технологией", превратились в чисто практическое "обучение ремеслу". Ценности, которыми они должны были руководствоваться, - здоровье пациента, технологическое усовершенствование конкретного производственного процесса и т.д. - были для них незыблемы. Средства, применяемые ими, были (и только и могли быть) использованием закономерностей и понятий, открытых теоретическими науками. Каждый принципиальный прогресс в образовании теоретических понятий был (или мог быть) также прогрессом практической науки. При твердо установленной цели прогрессирующее подведение отдельных

[384]

практических вопросов (данного медицинского случая, данной технической проблемы) в качестве частных случаев под общезначимые законы, следовательно, углубление теоретического знания, было непосредственно связано с расширением технических, практических возможностей и тождественно им. Когда же современная биология подвела под понятие общезначимого принципа развития и те компоненты действительности, которые интересуют нас исторически, то есть в их именно данном, а не в каком-либо ином становлении, и этот принцип, как казалось (хотя последнее и не соответствовало истине), позволил включить все существенные свойства объекта в схему общезначимых законов, тогда как будто действительно наступили "сумерки богов" для всех ценностных точек зрения в области всех наук. Ведь поскольку и так называемые "исторические события" - часть действительности, а принцип каузальности, являющийся предпосылкой всей научной работы, как будто требовал растворения всего происходящего в общезначимых "законах", поскольку, наконец, громадные успехи естественных наук, которые отнеслись к данному принципу со всей серьезностью, были очевидны, стало казаться, что иного смысла научной работы, кроме открытия законов происходящего, вообще нельзя себе представить. Только "закономерное" может быть существенным в явлениях, "индивидуальное" же может быть принято во внимание только в качестве "типа", то есть в качестве иллюстрации к закону. Интерес к индивидуальному явлению как таковому "научным" интересом не считался.

Здесь невозможно показать, какое сильное обратное влияние на экономические науки оказала эта оптимистическая уверенность, присущая натуралистическому монизму. Когда же социалистическая критика и работа историков

стали превращать исконные ценностные представления в проблемы, требующие дальнейшего изучения, то громадные успехи биологии, с одной стороны, влияние гегелевского панлогизма – с другой, воспрепятствовали тому, чтобы в политической экономии было отчетливо понято отношение между понятием и действительностью во всем его значении. Результат (в том аспекте, в котором нас это интересует) свелся к тому, что, несмотря на мощную преграду, созданную немецкой идеалистической философией со времен Фихта, трудами немецкой исторической школы права и исторической шко-

[385]

лы политической экономии, назначением которой было противостоять натиску натуралистических догм, натурализм тем не менее, а отчасти и вследствие этого в своих решающих моментах еще не преодолен. Сюда относится прежде всего оставшаяся до сих пор нерешенной проблема соотношения "теоретического" и "исторического" исследования в нашей сфере деятельности.

"Абстрактный" теоретический метод еще и теперь резко и непримиримо противостоит эмпирическому историческому исследованию. Сторонники абстрактно-теоретического метода совершенно правы, когда они утверждают, что заменить историческое познание действительности формулированием законов или, наоборот, вывести законы в строгом смысле слова из простого рядоположения исторических наблюдений методически невозможно. Для выведения законов – а что это должно быть главной целью науки, им представляется несомненным – сторонники абстрактно-теоретического метода исходят из того, что мы постоянно переживаем связи человеческих действий в их непосредственной реальности и поэтому можем, как они полагают, пояснить их с аксиоматической очевидностью и открыть таким образом лежащие в их основе "законы". Единственно точная форма познания, формулирование непосредственно очевидных законов, есть также, по их мнению, и единственная форма познания, которая позволяет делать выводы из непосредственно не наблюдаемых явлений. Поэтому построение системы абстрактных, а потому чисто формальных положений, аналогичных тем, которые существуют в естественных науках, – единственное средство духовного господства над многообразием общественной жизни, в первую очередь если речь идет об основных феноменах хозяйственной жизни. Невзирая на принципиальное методическое разделение между номологическим и историческим знанием, которое в качестве первого и единственного некогда создал творец этой теории*, теперь он сам исходит из того, что положения абстрактной теории обладают эмпирической значимостью, поскольку они допускают выведение действительности из законов. Правда, речь идет не об эмпирической значимости абстрактных экономических положений самих по себе; его точка зрения сводится к следующему: если разработать соответствующую-

[386]

щие "точные" теории из всех принятых во внимание факторов, то во всех этих абстрактных теориях в их совокупности будет содержаться подлинная реальность вещей, то есть те стороны действительности, которые достойны познания. Точная экономическая теория устанавливает якобы действие одного, психического, мотива, задача других теорий – разработать подобным образом все остальные мотивы в виде научных положений гипотетической значимости. Поэтому в ряде случаев делался совершенно фантастический вывод, будто результат теоретической работы в виде абстрактных теорий в области ценообразования, налогового обложения, ренты по мнимой аналогии с теоретическими положениями физики может быть использован для выведения из данных реальных предпосылок определенных количественных результатов, то есть строгих законов, значимых для реальной действительности, так как хозяйство человека при заданной цели по своим средствам "детерминировано" однозначно. При этом упускалось из виду, что для получения такого результата в каком бы то ни было, пусть самом простом, случае должна быть положена "данной" и постулирована известной вся историческая действительность в целом, со всеми ее каузальными связями и что если бы конечному духу стало доступно такое знание, то трудно себе представить, в чем же тогда состояла бы познавательная ценность абстрактной теории. Натуралистический предрассудок, будто в таких понятиях может быть создано нечто, подобное точным выводам естественных наук, привел к тому, что самый смысл этих теоретических образований был неверно понят. Предполагалось, что речь идет о психологической изоляции некоего специфического "стремления", стремления человека к наживе, или об изолированном рассмотрении специфической максимы человеческого поведения, так называемого "хозяйственного принципа". Сторонники абстрактной теории считали возможным опираться на психологические аксиомы, а следствием этого было то, что

историки стали взывать к эмпирической психологии, стремясь таким образом доказать неприемлемость подобных аксиом и выявить эволюцию экономических процессов с помощью психологических данных. Мы не будем здесь подвергать критике веру в значение такой систематической науки, как "социальная психология" (ее, правда, еще надо создать), в качестве будущей основы наук

[387]

о культуре, в частности политической экономии. Существующие в настоящий момент, подчас блестящие, попытки психологической интерпретации экономических явлений отчетливо свидетельствуют о том, что к пониманию общественных институтов следует идти не от анализа психологических свойств человека, что, наоборот, выявление психологических предпосылок и воздействия институтов предполагает хорошее знание структуры этих институтов и научный анализ их взаимосвязей. Только тогда психологический анализ может в определенном конкретном случае оказаться очень ценным, углубляя наше знание исторической культурной обусловленности и культурного значения общественных институтов. То, что нас интересует в психическом поведении человека в рамках его социальных связей, всегда специфическим образом изолировано в зависимости от специфического культурного значения связи, о которой идет речь. Все эти психические мотивы и влияния весьма разнородны и очень конкретны по своей структуре. Исследование в области социальной психологии означает тщательное изучение единичных, во многом несовместимых по своему типу элементов культуры в свете возможного их истолкования для нашего понимания посредством сопереживания. Таким образом, мы, отправляясь от знания отдельных институтов, придем благодаря этому к более глубокому духовному пониманию их культурной обусловленности и культурного значения, вместо того чтобы выводить институты из законов психологии или стремиться объяснить их с помощью элементарных психологических явлений.

Длительная полемика по вопросам о психологической оправданности абстрактных теоретических конструкций, о значении "стремления к наживе", "хозяйственного принципа" и т. п. оказалась малопродуктивной.

В построениях абстрактной теории создается лишь видимость того, что речь идет о "дедукции" из основных психологических мотивов, в действительности же мы обычно имеем дело просто с особым случаем формообразования понятий, которое свойственно наукам о культуре и в известном смысле им необходимо. Нам представляется полезным характеризовать такое образование понятий несколько подробнее, так как тем самым мы подойдем к принципиальному вопросу о значении теории в области социальных наук. При этом мы раз и навсегда

[388]

отказываемся от суждения о том, соответствуют ли сами по себе те теоретические образования, которые мы приводим (или имеем в виду) в качестве примеров, поставленной цели, обладает ли объективно их построение целесообразностью. Вопрос о том, например, до каких пределов следует разрабатывать современную "абстрактную теорию", является по существу вопросом экономики в научной работе, направленной также на решение и других проблем. Ведь и "теория предельной полезности" подвластна "закону предельной полезности".

В абстрактной экономической теории мы находим пример тех синтезов, которые обычно именуют "идеями" исторических явлений. Названная теория дает нам идеальную картину процессов, происходящих на рынке в товарно-денежном хозяйстве при свободной конкуренции и строго рациональном поведении. Этот мысленный образ сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос мысленных связей. По своему содержанию данная конструкция носит характер утопии, полученной посредством мысленного усиления определенных элементов действительности. Ее отношение к эмпирически данным фактам действительной жизни состоит в следующем: в тех случаях, когда абстрактно представленные в названной конструкции связи, то есть процессы, связанные с "рынком", в какой-то степени выявляются или предполагаются в действительности как значимые, мы можем, сопоставляя их с идеальным типом, показать и пояснить с прагматической целью своеобразие этих связей. Такой метод может быть эвристическим, а для определения ценности явления даже необходимым. В исследовании идеально-типическое понятие - средство для вынесения правильного суждения о каузальном сведении элементов действительности. Идеальный тип - не "гипотеза", он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и изображения действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения. Таким образом, перед нами "идея" исторически данной хозяйственной организации современного общества, образованная по

совершенно таким же логическим принципам, с помощью которых была сконструирована в качестве "генетического" принципа, например, идея "городского хозяйства" в средние века. В такой конструкции понятие "городское хозяйство"

[389]

строится не как среднее выражение совокупности всех действительных хозяйственных принципов, обнаруженных во всех изученных городах, но также в виде идеального типа. Оно создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих единичных явлений (в одном случае их может быть больше, в другом - меньше, а кое-где они вообще отсутствуют), которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в единый мысленный образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это - утопия. Задача исторического исследования состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него, в какой мере можно, следовательно, считать, что характер экономических отношений определенного города соответствует понятию "городского хозяйства". При осторожном применении этого понятия оно специфическим образом способствует достижению цели и наглядности исследования. С помощью совершенно такого же метода можно (приведем еще один пример) создать в виде утопии "идею ремесла", соединив определенные черты, диффузно встречающиеся у ремесленников самых различных эпох и народов и доведенные до их полного логического предела, в едином, свободном от противоречий идеальном образе и соотнеся их с выраженным в них мысленным образованием. Можно, далее, попытаться нарисовать общество, где все отрасли хозяйственной, даже всей духовной деятельности подчинены максимумам, являющимся результатом применения того же принципа, который был положен в основу доведенного до идеального типа "ремесла". Далее, идеальному типу "ремесла" можно, абстрагируя определенные черты современной крупной промышленности, противопоставить в качестве антитезиса идеальный тип капиталистического хозяйства и вслед за тем попытаться нарисовать утопию "капиталистической" культуры, то есть культуры, где господствуют только интересы реализации частных капиталов. В ней должны быть объединены отдельные, диффузно наличные черты материальной и духовной жизни в рамках современной культуры, доведенные в своем своеобразии до лишнего для нашего рассмотрения противоре-

[390]

чий идеального образа. Это и было бы попыткой создать "идею" капиталистической культуры; мы оставляем здесь в стороне вопрос, может ли подобная попытка увенчаться успехом и каким образом. Вполне вероятно, более того, нет сомнения в том, что можно создать целый ряд, даже большое количество утопий такого рода, причем ни одна из них не будет повторять другую и, уж конечно, ни одна из них не обнаружится в эмпирической действительности в качестве реального общественного устройства: однако каждая из них претендует на то, что в ней выражена "идея" капиталистической культуры, и вправе на это претендовать, поскольку в каждой такой утопии действительно отражены известные, значимые в своем своеобразии черты нашей культуры, взятые из действительности и объединенные в идеальном образе. Ведь наш интерес к тем феноменам, которые выступают перед нами в качестве явлений культуры, всегда связан с их "культурным значением", возникающим вследствие отнесения их к самым различным ценностным идеям. Поэтому так же, как существуют различные "точки зрения", с которых мы можем рассматривать явления культуры в качестве значимых для нас, можно руководствоваться и самыми различными принципами отбора связей, которые надлежит использовать для создания идеального типа определенной культуры.

В чем же состоит значение подобных идеально-типических понятий для эмпирической науки в нашем понимании? Прежде всего следует подчеркнуть, что надо полностью отказаться от мысли, будто эти "идеальные" в чисто логическом смысле мысленные образования, которыми мы здесь занимаемся, в какой бы то ни было мере носят характер долженствования, "образца". Речь идет о конструировании связей, которые представляются нашей фантазии достаточно мотивированными, следовательно, "объективно возможными", а нашему номологическому знанию - адекватными.

Тот, кто придерживается мнения, что знание исторической действительности должно или может быть "непредвзятым" отражением "объективных" фактов, не увидит в идеальных типах никакого смысла. Даже тот, кто понял, что в реальной действительности нет "непредвзятости" в логическом смысле и что даже самые

простые данные актов и грамот могут иметь какое бы то ни было научное значение лишь в соотнесении со "значимостью",

[391]

а тем самым с ценностными идеями в качестве последней инстанции, все-таки сочтет, что смысл таких сконструированных исторических "утопий" состоит только в их наглядности, которая может представлять опасность для объективной исторической работы, а чаще увидит в них просто забаву. В самом деле, априорно вообще никогда нельзя установить, идет ли речь о чистой игре мыслей или о научно плодотворном образовании понятий; здесь также существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и значении. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть не цель, а средство. При внимательном рассмотрении понятийных элементов в историческом изображении действительности сразу же обнаруживается следующее: как только историк делает попытку выйти за рамки простой констатации конкретных связей и установить культурное значение даже самого элементарного индивидуального события, "охарактеризовать" его, он оперирует (и должен оперировать) понятиями, которые могут быть точно и однозначно определены только в идеальных типах. Разве могут быть такие понятия, как "индивидуализм", "империализм", "феодализм", "меркантилизм", "конвенционально" и множество других понятийных образований подобного рода, с помощью которых мы, мысля и постигая действительность, пытаемся подчинить ее себе, разве могут быть они определены по своему содержанию посредством "беспристрастного" описания какого-либо конкретного явления или посредством абстрагированного сочетания черт, общих многим конкретным явлениям? Сотни слов в языке историка содержат такие неопределенные мысленные образы, идущие от безотчетной потребности выражения, значение которых лишь зримо ощущается, а не отчетливо мыслится. В бесконечном множестве случаев, особенно в области политической истории, стремящейся к изображению событий, неопределенность их содержания, безусловно, не наносит ущерба ясности картины. Здесь достаточно того, что в каждом отдельном случае ощущается то, что представлялось историку. Можно также удовлетвориться тем, что частичная определенность понятийного содержания мысленно представляется в его относительной значимости для данного случая. Однако чем отчетливее должна быть осознана значимость явления куль-

[392]

туры, тем настоятельнее становится потребность пользоваться ясными понятиями, которые определены не только частично, но и всесторонне. "Дефиниция" такого синтеза в историческом мышлении по схеме *genus proximi-mus, differentia specifica**, конечно, просто бессмыслица; чтобы удостовериться в этом, достаточно произвести проверку. Такого рода установление значения слова применяется лишь в догматических науках, оперирующих силлогизмами. Простого "описательного разъединения" упомянутых понятий на их составные части также не существует; существовать может лишь видимость этого, так как все дело заключается в том, какую из составных частей следует считать существенной. Попытка дать генетическую дефиницию понятийного содержания приводит к тому, что сохраняется только форма идеального типа в указанном выше смысле. Это - мысленный образ, не являющийся ни исторической, ни тем более "подлинной" реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которые наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные.

Идеальный тип в данной его функции - прежде всего попытка охватить "исторические индивидуумы" или их отдельные компоненты генетическими понятиями. Возьмем, например, понятия "церковь" и "секта". Их можно, классифицируя, разъединить на комплексы признаков; тогда не только граница между ними, но и содержание обоих понятий окажутся размытыми. Если же мы хотим постигнуть понятие "секта" генетически, например в его соотношении с известными важными культурными значениями, которые "сектантский дух" имел для современной культуры, то существенными станут определенные признаки обоих понятий, так как они находятся в адекватной причинной связи с тем воздействием, о котором

[393]

шла речь. Тогда понятия станут идеально-типическими, поскольку в полной понятийной чистоте данные явления либо вообще не встречаются, либо встречаются очень редко; здесь, как и повсюду, каждое не чисто классификационное понятие уводит нас от действительности. Однако дискурсивная природа нашего познания, то обстоятельство, что мы постигаем действительность только в сцеплении измененных представлений, постулирует подобное стенографирование понятий. Наша фантазия, безусловно, может часто обходиться без такого точного понятийного формулирования в качестве средства исследования, однако для изображения, которое стремится быть однозначным, применение его в области анализа культуры в ряде случаев совершенно необходимо. Тот, кто это полностью отвергает, должен ограничиться формальным, например историко-правовым, аспектом культурных явлений. Космос правовых норм может быть, конечно, отчетливо определен в понятиях и одновременно (в правовом смысле!) сохранять значимость для исторической действительности. Однако социальная наука в нашем понимании занимается их практическим значением. Очень часто это значение может быть ясно осознано только посредством соотнесения эмпирической данности с ее идеальным пограничным случаем. Если историк (в самом широком значении данного слова) отказывается от попытки формулировать такой идеальный тип, считая его "теоретической конструкцией", то есть полагая, что для его конкретной познавательной цели он неприемлем или не нужен, то в результате, как правило, оказывается, что этот историк, осознанно или неосознанно, пользуется другими подобными конструкциями, не формулируя их в определенных терминах и не разрабатывая их логически, или что он остается в сфере неопределенных "ощущений".

Однако ничто не может быть опаснее, чем коренящееся в натуралистических предубеждениях смещение теории и истории, в форме ли веры в то, что в теоретических построениях фиксировано "подлинное" содержание, "сущность" исторической реальности, или в использовании этих понятий в качестве прокрустова ложа, в которое втискивают историю, или, наконец, в гипо-стазировании "идей" в качестве стоящей за переходящими явлениями "подлинной" действительности, в качестве реальных "сил", действующих в истории.

[394]

Последнее представляет собой тем более реальную опасность, что под "идеями" эпохи мы привыкли понимать-и понимать в первую очередь-мысли и идеалы, которые господствовали над массами или над имевшими наибольшее историческое значение людьми рассматриваемой эпохи и тем самым были значимы в качестве компонентов ее культурного своеобразия. К этому присоединяется еще следующее: прежде всего то, что между "идеями" в смысле практической или теоретической направленности и "идеями" в смысле конструированного нами в качестве понятийного вспомогательного средства идеального типа эпохи существует определенная связь. Идеальный тип определенного общественного состояния, сконструированный посредством абстрагирования ряда характерных социальных явлений эпохи, может - и это действительно часто случается - представляться современникам практическим идеалом, к которому надлежит стремиться, или, во всяком случае, максимумом, регулирующей определенные социальные связи. Так обстоит дело с "идеями" "обеспечения продовольствием" и с рядом канонических теорий, в частности с теорией Фомы Аквинского, в их отношении к используемому теперь идеально-типическому понятию "городское хозяйство" средних веков, о котором шла речь выше. И прежде всего это относится к пресловутому "основному понятию" политической экономии, к понятию хозяйственной "ценности". От схоластики вплоть до Марксовой теории представление о чем-то "объективно" значимом, то есть долженствующим быть, сливается с абстракцией, в основу которой положены элементы эмпирического процесса ценообразования. Эта идея, согласно которой "ценность" материальных благ должна регулироваться принципами "естественного права", сыграла огромную роль в развитии культуры, отнюдь не только в средние века, и сохраняет свое значение и поныне. Она интенсивно влияла и на эмпирическое ценообразование. Однако что понимают под таким теоретическим понятием и что может быть таким образом действительно понято, доступно ясному, однозначному постижению только с помощью строгих, что означает идеально-типических, понятий; об этом следовало бы задуматься тем, кто иронизирует над "робинзонадами" абстрактной теории, и воздержаться от насмешек, хотя бы .до той поры, когда они смогут предложить нечто лучшее, то есть более очевидное.

[395]

Каузальное отношение между исторически констатируемой, господствующей над умами идеей и теми компонентами исторической реальности, из которых может быть

абстрагирован соответствующий данной идее идеальный тип, может, конечно, принимать самые различные формы. Важно только в принципе помнить, что они совершенно различны по своей природе. Однако к этому присоединяется следующее: сами подобные "идеи", господствующие над людьми определенной эпохи, то есть диффузно в них действующие, можно, если речь идет о каких-либо сложных мысленных образованиях, постигнуть со всей понятийной строгостью только в виде идеального типа, так как эмпирически они живут в умах неопределенного и все время меняющегося количества индивидов и обретают в них разнообразнейшие оттенки по форме и содержанию, ясности и смыслу. Так, компоненты духовной жизни отдельных индивидов, например в определенную эпоху средневековья, которые можно рассматривать как "христианскую веру" этих индивидов, составили бы, конечно, если бы мы могли их полностью воспроизвести, хаос бесконечно дифференцированных и весьма противоречивых связей мыслей и чувств, несмотря на то что средневековая церковь сумела достичь высокой степени единства веры и нравов. Однако когда встает вопрос, что же в этом хаосе было подлинным "христианством" средних веков, которым мы вынуждены постоянно оперировать как неким твердо установленным понятием, в чем же состоит то подлинно "христианское", которое мы обнаруживаем в средневековых институтах, то оказывается, что и здесь мы в каждом отдельном случае пользуемся созданным нами чисто мысленным образованием. Оно являет собой сочетание догматов веры, норм церковного права и нравственности, правил образа жизни и бесчисленных отдельных связей, объединенных нами в "идею"-синтез, достичь которой без применения идеально-типических понятий мы вообще бы не могли.

Логическая структура систем понятий, в которых мы выражаем подобные "идеи", и их отношение к тому, что нам непосредственно дано в эмпирической реальности, конечно, очень отличаются друг от друга. Сравнительно просто обстоит дело, если речь идет о тех случаях, когда над людьми властвуют и оказывают историческое воздействие какие-либо теоретические положения (или

[396]

одно из них), которые легко могут быть выражены в формулах, как, например, учение Кальвина о предопределении или отчетливо формулируемые нравственные постулаты; такую "идею" можно расчленить на иерархическую последовательность мыслей, которые логически выводятся из таких теоретических положений. Однако и здесь часто игнорируется тот факт, что каким бы огромным по своему значению ни было чисто логическое воздействие мысли в истории - ярчайшим примером этого может служить марксизм, - эмпирически и исторически человеческое мышление следует толковать как психологически, а не как логически обусловленный процесс. Идеально-типический характер такого синтеза исторически действенных идей проявляется отчетливее, если упомянутые основные положения и постулаты вообще не живут - или уже не живут - в умах индивидов, которые руководствуются мыслями, логически выведенными из этих постулатов или ассоциативно вызванными ими, поскольку некогда лежавшая в их основе "идея" либо отмерла, либо с самого начала воспринималась только в своих выводах. Еще отчетливее проявляется характер данного синтеза в качестве созданной нами "идеи" в тех случаях, когда упомянутые фундаментальные положения изначально либо неполно осознавались (или вообще не осознавались), либо не нашли своего выражения в виде отчетливых мысленных связей. Если же мы этот синтез осуществим, что очень часто происходит и должно происходить, то такая "идея" - например, "либерализма" определенного периода, "методизма" или какой-либо недостаточно продуманной разновидности "социализма" - окажется чистым идеальным типом, совершенно таким же, как синтез "принципов" какой-либо хозяйственной эпохи, от которого мы отправлялись. Чем шире связи, о выявлении которых идет речь, чем многограннее было их культурное значение, тем больше их сводное систематическое изображение в системе понятий и мыслей приближается по своему характеру к идеальному типу, тем в меньшей степени можно обходиться одним понятием такого рода, тем естественнее и неизбежнее все повторяющиеся попытки осознавать новые стороны значимости посредством конструирования новых идеально-типических понятий. Все изображения "сущности" христианства, например, являют собой идеальные типы, всегда и неизбежно весьма относительной и проблематичес-

[397]

кой значимости, если рассматривать их как историческое воспроизведение эмпирической реальности; напротив, они обладают большой эвристической ценностью для исследования и большой систематической ценностью для изображения, если пользоваться ими как понятийными средствами для сравнения и сопоставления с ними

действительности. В этой их функции они совершенно необходимы. Подобным идеально-типическим изображениям обычно присущ еще более усложняющий их значение момент. Они хотят быть или неосознанно являются идеальными типами не только в логическом, но и в практическом смысле, а именно стремятся быть "образцами", которые, если вернуться к нашему примеру, указывают на то, каким христианство, по мнению исследователя, должно быть, что исследователь считает в нем "существенным", сохраняющим постоянную ценность. Если это происходит осознанно или, что случается чаще, неосознанно, то в идеальные типы вводятся идеалы, с которыми исследователь соотносит христианство как с ценностью. Задачи и цели, на которые данный исследователь ориентирует свою "идею" христианства, могут - и всегда будут - очень отличаться от тех ценностей, с которыми соотносили христианство ранние христиане, люди того времени, когда данное учение возникло. В этом своем значении "идеи", конечно, - уже не чисто логические вспомогательные средства, не понятия, в сравнении с которыми сопоставляется и измеряется действительность, а идеалы, с высоты которых о ней выносятся оценочное суждение. Речь идет уже не о чисто теоретической операции отнесения эмпирических явлений к ценностям, а об оценочных суждениях, введенных в "понятие" христианства. Именно потому, что идеальный тип претендует здесь на эмпирическую значимость, он вторгается в область оценочного толкования христианства - это уже не эмпирическая наука; перед нами личное признание человека, а не образование идеально-типического понятия. Несмотря на такое принципиальное различие, смешение двух в корне различных значений "идеи" очень часто встречается в историческом исследовании. Такое смешение уже вполне близко, как только историк начинает развивать свои "взгляды" на какое-либо историческое лицо или какую-либо эпоху. Если Шлоссер, следуя принципам рационализма, применял не знающие изменения этические масштабы, то современный, воспитанный в духе

[398]

релятивизма историк, стремясь, с одной стороны, понять изучаемую им эпоху "изнутри", с другой - вынести свое "суждение" о ней, испытывает потребность в том, чтобы вывести масштабы своего суждения из "материала", то есть в том, чтобы "идея" в значении идеала выросла из "идеи" в значении "идеального типа". Эстетическая притягательность подобного способа приводит к тому, что граница между этими двумя сферами постоянно стирается, в результате чего возникает половинчатое решение, при котором историк не может отказаться от оценочного суждения и одновременно пытается уклониться от ответственности за него. В такой ситуации элементарным долгом самоконтроля ученого и единственным средством предотвратить подобные недоразумения является резкое разделение между сопоставительным соотношением действительности с идеальными типами в логическом смысле слова и оценочным суждением о действительности, которое отправляется от идеалов. "Идеальный тип" в нашем понимании (мы вынуждены повторить это) есть нечто, в отличие от оценивающего суждения, совершенно индифферентное и не имеет ничего общего с каким-либо иным, не чисто логическим "совершенством". Есть идеальные типы борделей и идеальные типы религий, а что касается первых, то могут быть идеальные типы таких, которые с точки зрения современной полицейской этики технически "целесообразны", и таких, которые прямо противоположны этому.

Мы вынуждены отказаться здесь от подробного рассмотрения самого сложного и интересного феномена - вопроса о логической структуре понятия государства. Заметим лишь следующее: если мы зададим вопрос, что в эмпирической действительности соответствует идее "государства", то обнаружим бесконечное множество диффузных и дискретных действий и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся; связей, объединенных идеей, которая является верой в действительно значимые нормы или долженствующие быть таковыми и в отношении господства-подчинения между людьми. Эта вера отчасти являет собой мысленно развитое духовное достояние; отчасти же, смутно ощущаемая или пассивно воспринятая в самой разнообразной окраске, она существует в умах людей, которые, если бы они действительно ясно мыслили

[399]

"идею" как таковую, не нуждались бы в "общем учении о государстве", которое должно быть из нее выведено. Научное понятие государства, как бы оно ни было сформулировано, всегда является синтезом, который мы создаем для определенных целей познания. Однако вместе с тем этот синтез в какой-то мере абстрагирован из мало отчетливых синтезов, обнаруживаемых в мышлении исторических людей. Впрочем, конкретное содержание, в котором находит свое выражение в этих синтезах

современников историческое "государство", также может быть сделано зримым только посредством их ориентации на идеально-типические понятия. Не вызывает также ни малейшего сомнения, что первостепенное практическое значение имеет характер того, как всегда несовершенные по своей логической форме синтезы создаются современниками, каковы их идеи о государстве (так, например, немецкая метафизическая идея "органического" государства в ее отличии от "делового" американского представления). Другими словами, и здесь должная быть значимой или мыслимая значимой практическая идея и конструированный с познавательной целью теоретический идеальный тип движутся параллельно, постоянно проявляя склонность переходить друг в друга.

Выше мы намеренно рассматривали "идеальный тип" преимущественно (хотя и не исключительно) как мысленную конструкцию для измерения и систематической характеристики индивидуальных, то есть значимых в своей единичности связей, таких, как христианство, капитализм и пр. Это было сделано для того, чтобы устранить распространенное представление, будто в области явлений культуры абстрактно типическое идентично абстрактно родовому, что не соответствует истине. Не имея возможности дать здесь анализ многократно обсуждаемого и в значительной степени дискредитированного неправильным применением понятия "типическое", мы полагаем - все наше предшествующее изложение свидетельствует об этом, - что образование типических понятий в смысле исключения "случайного" также происходит именно в сфере "исторических индивидуумов". Конечно, и те родовые понятия, которые мы постоянно обнаруживаем в качестве компонентов исторического изложения и конкретных исторических понятий, можно посредством абстракции и усиления определенных существен-

[400]

ных для них понятийных элементов превратить в идеальные типы. Именно это чаще всего происходит на практике и являет собой наиболее важное применение идеально-типических понятий; каждый индивидуальный идеальный тип составляется из понятийных элементов, родовых по своей природе и превращенных в идеальные типы. И в этом случае обнаруживается специфически логическая функция идеально-типических понятий. Простым родовым понятием в смысле комплекса признаков, общих для ряда явлений, выступает, например, понятие "обмен", если отвлечься от значения понятийных компонентов, то есть просто анализировать повседневное словоупотребление. Если же соотнести данное понятие с "законом предельной полезности" и образовать понятие "экономический обмен" в качестве экономического рационального процесса, то последнее, как вообще любое полностью развитое понятие, будет содержать суждение о "типических" условиях обмена. Оно примет генетический характер и тем самым станет в логическом смысле идеально-типическим, то есть отойдет от эмпирической действительности, которую можно только сравнивать, соотносить с ним. То же самое относится ко всем так называемым "основным понятиям" политической экономии: в генетической форме они могут быть развиты только в качестве идеальных типов. Противоположность между простыми родовыми понятиями, которые просто объединяют общие свойства эмпирических явлений, и родовыми идеальными типами, такими, например, как идеально-типическое понятие "сущности" ремесла, в каждом отдельном случае, конечно, стерта. Однако ни одно родовое понятие как таковое не носит характер "типического", а чисто родового "среднего" типа вообще не существует. Во всех тех случаях, когда мы, например, при статистическом обследовании говорим о "типичных" величинах, речь идет о чем-то большем, чем средний тип. Чем в большей степени речь идет о простой классификации процессов, которые встречаются в действительности как массовые явления, тем в большей степени речь идет о родовых понятиях; напротив, чем в большей степени создаются понятия сложных исторических связей, исходя из тех их компонентов, которые лежат в основе их специфического культурного значения, тем в большей степени понятие - или система понятий - будет приближаться по своему характеру к идеальному типу. Ведь цель образования

[401]

идеально-типических понятий всегда состоит в том, чтобы полностью довести до сознания не родовые признаки, а своеобразие явлений культуры.

Тот факт, что идеальные типы, в том числе и родовые, могут быть использованы и используются, представляет особый методический интерес в связи с еще одним обстоятельством.

До сих пор мы, по существу, рассматривали идеальные типы только как абстрактные понятия тех связей, которые, пребывая в потоке событий, представляются нам "историческими индивидуумами" в их развитии. Теперь же здесь

возникает осложнение, так как понятие "типического" сразу же вводит ложную натуралистическую идею, согласно которой цель социальных наук есть сведение элементов действительности к "законам". Дело в том, что идеальный тип развития также может быть сконструирован, и конструкции такого рода обладают в ряде случаев большим эвристическим значением. Но при этом возникает серьезная опасность того, что грань между идеальным типом и действительностью будет стираться. Можно, например, прийти к такому теоретическому выводу, что при строго "ремесленной" организации общества единственным источником накопления капитала является земельная рента. На этой основе можно, вероятно, сконструировать (мы не будем здесь проверять правильность подобной конструкции) обусловленный совершенно определенными простыми факторами (такими, как ограниченная земельная территория, рост народонаселения, приток благородных металлов, рационализация образа жизни) идеальный тип преобразования ремесленного хозяйства в капиталистическое. Являлся ли исторический процесс развития эмпирически действительно таким, как он выражен в данной конструкции, можно установить с ее помощью в качестве эвристического средства - сравнивая идеальный тип с "фактами". Если идеальный тип сконструирован "правильно", но действительный процесс развития не соответствует идеально-типическому, мы тем самым обрели бы доказательство того, что средневековое общество в ряде определенных моментов не было строго "ремесленным" по своему характеру. Если же идеальный тип был сконструирован в эвристически "идеальной" манере (имело ли это место в нашем примере и каким образом, мы совершенно оставляем в стороне), то он приведет

[402]

исследователя к более отчетливому постижению этих не связанных с ремеслом компонентов средневекового общества в их своеобразии и историческом значении. Если идеальный тип приводит к такому выводу, можно считать, что он выполнил свою логическую цель именно потому, что обнаружил свое несоответствие действительности. В этом случае он был проверкой гипотезы. Такой метод не вызывает сомнений методологического характера до тех пор, пока исследователь отчетливо осознает, что идеально-типическую конструкцию развития, с одной стороны, и историю - с другой, следует строго разделять и что в данном случае упомянутая конструкция служила просто средством совершить по заранее обдуманному намерению значимое сведение исторического явления к его действительным причинам, возможное, как нам представляется, при существующем состоянии нашего знания.

Отчетливо видеть подобную грань затрудняет подчас, что нам известно из опыта, одно обстоятельство: конструируя идеальный тип или идеально-типическое развитие, исследователи часто пытаются придать им большую отчетливость посредством привлечения в качестве иллюстрации эмпирического материала исторической действительности. Опасность этого самого по себе вполне законного метода заключается в том, что историческое знание служит здесь теории, тогда как должно быть наоборот. Теоретик легко склоняется к тому, чтобы рассматривать данное отношение как само собой разумеющееся или, что еще хуже, произвольно подгонять теорию и историю друг к другу и просто не видеть различия между ними. Еще резче такие попытки дают о себе знать в том случае, если идеальная конструкция развития и понятийная классификация идеальных типов определенных культурных образований насильственно объединяются в рамках генетической классификации. (Например, формы ремесленного производства идут в такой классификации от "замкнутого домашнего хозяйства", а религиозные понятия от "созданных на мгновение божков".) Последовательность типов, полученная посредством выбранных понятийных признаков, выступает тогда в качестве необходимой, соответствующей закону исторической последовательности. Логический строй понятий, с одной стороны, и эмпирическое упорядочение понятию в пространстве, во времени и в причинной связи - с

[403]

другой, оказываются тогда в столь тесном сцеплении друг с другом, что искушение совершить насилие над действительностью для упорочения реальной значимости конструкции в действительности становится почти непреодолимым.

Мы сознательно отказались здесь от того, чтобы привести наиболее важный для нас пример идеально-типической конструкции - мы имеем в виду концепцию Маркса. Это сделано из тех соображений, чтобы не усложнять еще больше наше исследование интерпретациями Марксова учения, чтобы не опережать события, так как наш журнал ставит перед собой задачу постоянно давать критический анализ всей литературы об этом великом мыслителе и всех работ, продолжающих его учение.

Вот почему мы здесь только констатируем то обстоятельство, что все специфические марксистские "законы" и конструкции процессов развития (в той мере, в какой они свободны от теоретических ошибок) идеально-типичны по своему характеру. Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое эвристическое значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для сравнения с действительностью, но в равной мере знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные (то есть по существу метафизические) "действующие силы", "тенденции" и т. д.

Для иллюстрации безграничного переплетения понятийных методических проблем, существующих в науках о культуре, достаточно привести такую шкалу понятий: родовые понятия; идеальные типы: идеально-типические родовые понятия; идеи в качестве эмпирически присущих историческим лицам мысленных связей; идеальные типы этих идей; идеалы исторических лиц; идеальные типы этих идеалов: идеалы, с которыми историк соотносит историю; теоретические конструкции, пользующиеся в качестве иллюстрации эмпирическими данными; историческое исследование, использующее теоретические понятия в качестве пограничных идеальных случаев. К этому перечню следует добавить множество различных сложностей, на которые здесь можно лишь указать, таких, как различные мысленные образования, отношение которых к эмпирической реальности непосредственно данного в каждом отдельном случае весьма Проблема-

[404]

точно. В нашей статье, цель которой состоит только в том, чтобы поставить проблемы, мы вынуждены отказаться от серьезного рассмотрения практически важных вопросов методологии, таких, как отношение идеально-типического познания к познанию закономерностей, идеально-типических понятий к коллективным понятиям и т. д.

Несмотря на все приведенные указания, историк будет по-прежнему настаивать на том, что господство идеально-типической формы образования понятий и конструкций является специфическим симптомом молодости научной дисциплины. С таким утверждением можно в известной степени согласиться, правда, делая при этом иные выводы. Приведем несколько примеров из других наук. Конечно, задерганный школьник так же, как начинающий филолог, представляет себе язык сначала "органически", то есть как подчиненную нормам над-эмпирическую целостность, задача науки - установить, что же следует считать правилами речи. Первая задача, которую обычно ставит перед собой "филология", - это логически обработать "письменный язык", как было сделано, например, в Accademia della Crusca; свести его содержание к правилам. И если сегодня один ведущий филолог заявляет, что объектом филологии может быть "язык каждого человека", то сама постановка такого вопроса возможна только после того, как в письменной речи дан относительно установившийся идеальный тип, которым можно оперировать в исследовании многообразия языка, принимая его хотя бы в виде молчаливой предпосылки: без этого исследование будет лишено границ и ориентации. Именно так функционируют конструкции в естественноправовых и органических теориях государства, или, возвращаясь к идеальному типу в нашем понимании, такова теория античного государства у Б. Констана; они служат как бы необходимой гаванью до той поры, пока исследователи не научатся ориентироваться в безбрежном море эмпирических данных. Зрелость науки действительно всегда проявляется в преодолении идеального типа, в той мере, в какой он мыслится как эмпирически значимый или как родовое понятие. Однако использование остроумной конструкции Констана для выявления известных сторон античной государственной жизни и ее исторического своеобразия совершенно оправданно и в наши дни, если помнить об

[405]

идеально-типическом характере этой конструкции. Есть науки, которым дарована вечная молодость, и к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют переходящий характер всех идеально-типических конструкций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых.

Постоянно предпринимаются попытки установить "подлинный", "истинный" смысл исторических понятий, и нет им конца. Поэтому синтезы, используемые историей, всегда либо только относительно определенные понятия, либо - если необходимо придать понятийному содержанию однозначность - понятие становится абстрактным идеальным типом и тем самым оказывается теоретической, следовательно, "односторонней" точкой зрения, которая способна осветить

действительность, с которой действительность может быть соотнесена, но которая, безусловно, непригодна для того, чтобы служить схемой, способной полностью охватить действительность. Ведь ни одна из таких мысленных систем, без которых мы не можем обойтись, постигая какую-либо важную составную часть действительности, не может исчерпать ее бесконечного богатства. Все они являются собой не что иное, как попытку внести порядок на данном уровне нашего знания и имеющих в нашем распоряжении понятийных образований в хаос тех фактов, которые мы включили в круг наших интересов. Мыслительный аппарат, который разработало прошлое посредством мысленной обработки, а в действительности путем мысленного преобразования непосредственно данной действительности и включения ее в понятия, соответствующие познанию и направлению интереса того времени, всегда противостоят тому, что мы можем и хотим извлечь из действительности с помощью нового познания. В этой борьбе совершается прогресс исследования в науках о культуре. Его результат – постоянно идущий процесс преобразования тех понятий, посредством которых мы пытаемся постигнуть действительность. Вот почему история наук о социальной жизни – это постоянное чередование попыток мысленно упорядочить факты посредством разработки понятий, разложить полученные в результате такого упорядочения образы посредством расширения и сдвига научного горизонта, и попытки образовать новые понятия на такой измененной

[406]

основе. В этом проявляется не несостоятельность попытки вообще создавать системы понятий – каждая наука, в том числе и только описательная история, работает с помощью комплекса понятий своего времени, – в этом находит свое выражение то обстоятельство, что в науках о человеческой культуре образование понятий зависит от места, которое занимает в данной культуре рассматриваемая проблема, а оно может меняться вместе с содержанием самой культуры. В науках о культуре отношение между понятием и понятием таково, что синтез всегда носит переходящий характер. Значение попыток создать крупные понятийные конструкции в нашей науке заключается, как правило, именно в том, что они демонстрируют границы значения той точки зрения, которая лежит в их основе. Самые далеко идущие успехи в области социальных наук связаны в своей сущности со сдвигом практических культурных проблем и облечены в форму критики образования понятий. Одна из важнейших задач нашего журнала будет состоять в том, чтобы служить цели этой критики и тем самым исследованию принципов синтеза в области социальных наук.

Итак, следуя сказанному выше, можно прийти к пункту, по которому наши взгляды в ряде случаев отличаются от взглядов отдельных выдающихся представителей исторической школы, к воспитанникам которой мы причисляем и себя. Дело в том, что они открыто или молчаливо придерживаются мнения, что конечной целью, назначением каждой науки является упорядочение ее материала в систему понятий, содержание которых надлежит получать и постепенно совершенствовать посредством наблюдения над эмпирической закономерностью образования гипотез и их верификации вплоть до того момента, когда это приведет к возникновению "завершенной" и поэтому дедуктивной науки. Индуктивное исследование современных историков, обусловленное несовершенством нашей науки, служит якобы предварительной стадией в достижении указанной цели. Ничто не должно, естественно, представляться с такой точки зрения более сомнительным, чем образование и применение четких понятий, которые как бы опрометчиво предваряют упомянутую цель далекого будущего. Принципиально неопровержимой была бы эта точка зрения на почве антично-схоластической теории познания: ее основные положения до сих пор прочно коренятся в мышле-

[407]

нии основной массы исследователей исторической школы: предполагается, что понятия должны быть отражениями "объективной" действительности, своего рода представлениями о ней; отсюда и постоянно повторяющееся указание на нереальность всех четких понятий. Тот, кто до конца продумает основную идею восходящей к Канту современной теории познания, согласно которой понятия суть и только и могут быть мысленными средствами для духовного господства над эмпирической данностью, не увидит в том обстоятельстве, что четкие генетические понятия неизбежно являются идеальными типами, основание для отказа от них. Для такого исследователя отношение между понятием и историческим изучением станет обратным вышеназванному: та конечная цель представится ему логически невозможной, понятия для него – не цель, а средства достижения цели, которая является собой познание значимых под индивидуальным углом зрения связей. Именно потому, что содержание исторических понятий необходимым образом меняется, они должны быть каждый раз

четко сформулированы. Исследователь будет стремиться к тому, чтобы в применении понятий всегда тщательно подчеркивался их характер идеальных мысленных конструкций, чтобы идеальный тип и история строго различались. Поскольку при неизбежном изменении ведущих ценностных идей разработка действительно определенных понятий, которые служили бы общей конечной целью, невозможна, упомянутый исследователь будет верить, что именно посредством образования четких, однозначных понятий для любой отдельной точки зрения создается возможность ясно осознать границы их значимости.

Нам скажут (и мы уже раньше согласились с этим), что в отдельном случае конкретная историческая связь вполне может быть отчетливо показана без постоянного ее сопоставления с определенными понятиями. И поэтому сочтут, что историк в нашей области может, подобно исследователю в области политической истории, говорить "языком повседневной жизни". Конечно! К этому надо только добавить следующее: при таком методе более чем вероятно, что ясное осознание точки зрения, с которой рассматриваемое явление обретает значимость, может быть только случайностью. Мы не находимся обычно в таких благоприятных условиях, как исследователь политической истории, который, как правило,

[408]

соотносит свое изложение с однозначным - или кажущимся таковым - содержанием культуры. Каждое чисто описательное изложение события всегда носит в какой-то степени художественный характер. "Каждый видит то, что он хранит в сердце своем" - значимые суждения всегда предполагают логическую обработку увиденного, то есть применение понятий. Можно, разумеется, скрыть их *in petto**, в этом есть даже известное эстетическое очарование, однако такого рода действия, как правило, дезориентируют читателя, а подчас оказывают и отрицательное влияние на веру автора в плодотворность и значимость его суждений.

Самую серьезную опасность представляет отказ от образования четких понятий при вынесении практических соображений экономического и социально-гаольги-ческого характера. Неспециалисту трудно даже вообразить, какой хаос внесло, например, применение термина "ценность", этого злополучного детища нашей науки, которому какой-либо однозначный смысл вообще может быть придан только в идеально-типическом смысле, или применение таких слов, как "продуктивно", "с народнохозяйственной точки зрения", которые вообще не допускают анализа, пользуясь четкими понятиями. Причем вся беда сводится именно к употреблению заимствованных из повседневного языка коллективных понятий. Для того чтобы наша мысль стала понятной и неспециалистам, остановимся на таком, известном еще со школьной скамьи понятии, как "сельское хозяйство", в том его значении, которое оно имеет в словосочетании "интересы сельского хозяйства". Возьмем сначала "интересы сельского хозяйства" как эмпирически констатируемые, более или менее ясные субъективные представления о своих интересах отдельных хозяйствующих индивидов; при этом мы совершенно оставляем в стороне бесчисленные столкновения интересов, связанные с разведением племенного скота или с производством животноводческих продуктов, с выращиванием зерна или с расширением кормовой базы, с дистиллированием продуктов брожения зерна и т. п. Если не каждому человеку, то специалисту, во всяком случае, хорошо известно, какой сложный узел сталкивающихся противоречивых ценностных отношений образуют смутные пред-

[409]

ставления о данном понятии. Перечислим лишь некоторые из них: интересы земледельцев, собирающихся продать свое хозяйство и поэтому заинтересованных в быстром повышении цен на землю; прямо противоположные интересы тех, кто хочет купить, увеличить или арендовать участок, интересы тех, кто хочет сохранить определенную землю для своих потомков из соображений социального престижа и, следовательно, заинтересован в стабильности владения землей; противоположная позиция тех, кто в личных интересах и интересах своих детей стремится к тому, чтобы земля перешла в собственность наилучшего хозяина или - что не совсем то же самое - покупателя, обладающего наибольшим капиталом; чисто экономический интерес "самых рачительных" в частнохозяйственном смысле хозяев, заинтересованных в свободном движении товаров внутри экономической сферы; сталкивающийся с этим интерес определенных господствующих слоев в сохранении унаследованной социальной и политической позиции своего сословного "статуса" и "статуса" своих потомков; социальные чаяния не господствующих слоев среди сельских хозяев, которые заинтересованы в освобождении от стоящих над ними, оказывающих давление на них слоев; в ряде случаев противоположное указанному стремление обрести в высших слоях политического вояж, который действовал бы в

их интересах. Наш перечень можно было бы продолжить, не достигнув и в этом случае завершения, хотя мы строили его в самых общих чертах и отнюдь не стремились к точности. Мы не касаемся здесь того факта, что с перечисленными выше как будто чисто "эгоистическими" интересами могут сочетаться, связываться, могут служить им препятствием или отвлекать их в сторону самые различные идеальные ценности, и напоминаем только что, говоря об "интересах сельского хозяйства", мы обычно имеем в виду не только те материальные и идеальные ценности, с которыми сами земледельцы связывают свои "интересы", но и те подчас совершенно гетерогенные им ценностные идеи, с которыми мы соотносим сельское хозяйство. Таковы, например: производственные интересы, связанные с заинтересованностью в предоставлении населению дешевых и, что не всегда совпадает, хороших по своему качеству продуктов питания, - при этом между интересами города и деревни могут возникать самые разнообразные коллизии, а инте-

[410]

ресы поколения данного периода времени совсем не обязательно должны совпадать с предполагаемыми интересами будущих поколений; различные демографические теории, особенно заинтересованность в многочисленном сельском населении, связанная будь то с "государственными" интересами, проблемами политической власти или внутренней политики или с другими идеальными, различными по своему характеру интересами, в том числе предполагаемым влиянием растущей численности сельского населения на специфику культуры данной страны; этот демографический интерес в свою очередь может прийти в столкновение с различными частнохозяйственными интересами всех слоев сельского населения, даже с интересами всей массы сельского населения в данное время. Речь может также идти о заинтересованности в определенном социальном расслоении сельских жителей ввиду того, что это может быть использовано как фактор политического или культурного влияния - такой интерес в зависимости от его направленности может прийти в столкновение со всеми мыслимыми, самыми непосредственными интересами как отдельных хозяев, так и "государства" в настоящем и будущем. И наконец, - что еще усложняет положение дела - "государство", с "интересами" которого мы склонны связывать эти и многие другие подобные отдельные интересы, часто служит просто маскировкой очень сложного переплетения ценностных идей, с которыми мы соотносим его по мере необходимости, с такими, как чисто военные соображения безопасности границ; обеспечение господствующего положения династии или определенных классов внутри страны; сохранение и укрепление формального государственного единства и нации в интересах самой нации или для того, чтобы сохранить определенные объективные, весьма различные по своей природе, культурные ценности, которые мы, как нам кажется, олицетворяем в качестве объединенного в государство народа; преобразование социального строя государства в соответствии с определенными, также весьма различными культурными идеалами. Если бы мы попытались только указать на все то, что входит в собирательное понятие "государственные интересы", с которым мы можем соотнести "сельское хозяйство", это завело бы нас слишком далеко. Взятый нами пример, и еще в большей степени наш суммарный анализ, груб и элементарен. Пусть не-

[411]

специалист сам попытается подобным же образом (и основательнее, чем это сделали мы) проанализировать понятие "классовые интересы рабочих", и он увидит, какой узел противоречивых интересов и идеалов рабочих, с одной стороны, идеалов, под углом зрения которых мы рассматриваем положение рабочих, - с другой, содержится в данном понятии. Преодолеть лозунги, провозглашаемые в ходе борьбы интересов, чисто эмпирическим акцентированием их "относительности" невозможно. Единственный способ выйти из сферы ничего не значащих фраз - это установить ясные, строгие понятия различных возможных точек зрения. "Аргументация свободы торговли" в качестве мировоззрения или значимой нормы - нелепость, однако то, что мы недооценили эвристическую ценность древней жизненной мудрости величайших коммерсантов мира, выраженной в их идеально-типических формулах, принесло большой вред нашим исследованиям в области торговой политики совершенно независимо от того, какими идеалами торговой политики стремится руководствоваться тот или иной человек. Лишь благодаря идеально-типическим понятийным формулам становятся действительно отчетливыми в своем своеобразии те точки зрения, которые рассматриваются в каждом конкретном случае, так как их своеобразие раскрывается посредством конфронтации эмпирических данных с

идеальным типом. Использование же недифференцированных коллективных понятий, присущих языку повседневной жизни, как правило, маскирует неясность мышления или волнения, часто служит орудием сомнительных ухищрений и всегда - средством предотвратить правильную постановку вопроса.

Мы подходим к концу наших рассуждений, преследующих только одну цель - указать на водораздел между наукой и верой, часто очень небольшой, и способствовать пониманию того, в чем смысл социально-экономического познания. Объективная значимость всякого эмпирического знания состоит в том - и только в том, - что данная действительность упорядочивается по категориям в некоем специфическом смысле субъективным, поскольку, образуя предпосылку нашего знания, они связаны с предпосылкой ценности истины, которую нам может дать только опытное знание. Тому, для кого эта истина не представляется ценной (ведь вера в ценность науч-

[412]

ной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство), мы средствами нашей науки ничего не можем предложить. Напрасно, впрочем, будет он искать другую истину, которая заменила бы ему науку в том, что может дать только она - понятия и суждения, не являющиеся эмпирической действительностью и не отражающие ее, но позволяющие должным образом мысленно ее упорядочить. В области эмпирических социальных наук о культуре возможность осмысленного познания того, что существенно для нас в потоке событий, связана, как мы видели, с постоянным использованием специфических в своей особенности точек зрения, соотносящихся в конечном итоге с идеями ценностей, которые, будучи элементами осмысленных человеческих действий, допускают эмпирическую констатацию и сопереживание, но не обоснование в своей значимости эмпирическим материалом. "Объективность" познания в области социальных наук характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но не способными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически. Присущая нам всем в той или иной форме вера в над-эмпирическую значимость последних высочайших ценностных идей, в которых мы видим смысл нашего бытия, не только не исключает бесконечного изменения конкретных точек зрения, придающих значение эмпирической действительности, но включает его в себя. Жизнь в ее иррациональной действительности и содержащиеся в ней возможные значения неисчерпаемы, конкретные формы отнесения к ценности не могут быть поэтому постоянными, они подвержены вечному изменению, которое уходит в темное будущее человеческой культуры. Свет, расточаемый такими высочайшими ценностными идеями, падает на постоянно меняющуюся конечную связь чудовищного хаотического потока событий, проносщегося сквозь время.

Из всего этого не следует, конечно, делать ложный вывод, будто задача социальных наук состоит в непрерывных поисках новых точек зрения и понятийных конструкций. Напротив, мы со всей решительностью подчеркиваем, что главная цель образования понятий и их критики состоит в том, чтобы служить (наряду с другими

[413]

средствами) познанию культурного значения конкретных исторических связей. Среди исследователей социальной действительности также есть "сторонники фактов" и "сторонники смысла" (по терминологии ф. Т. Фишера). Ненасытная жажда фактов, присущая первым, может быть удовлетворена только материалами актов, фолиантами статистических таблиц и анкетами - тонкость новых идей недоступна их восприятию; изошренность мышления приводит сторонников второй группы к утрате вкуса к фактам вследствие непрерывных поисков все более "дистиллированных" мыслей. Подлинное мастерство - среди историков им в громадной степени обладал, например, Ранке - проявляется обычно именно в том, что известные факты соотносятся с хорошо известными точками зрения и между тем создается нечто новое.

В век специализации работа в области наук о культуре будет заключаться в том, что, выделив путем постановки проблемы определенный материал и установив свои методические принципы, исследователь будет затем рассматривать обработку этого материала как самоцель, не проверяя более познавательную ценность отдельных фактов посредством сознательного отнесения их к последним идеям и не размышляя вообще о том, что вычленение изучаемых фактов ими обусловлено. Так и должно быть. Однако наступит момент, когда краски станут иными: возникнет неуверенность в значении бессознательно применяемых точек зрения, в сумерках

будет утерян путь. Свет, озарявший важные проблемы культуры, рассеется вдали. Тогда и наука изменит свою позицию и свой понятийный аппарат, с тем чтобы взирать на поток событий с вершин человеческой мысли. Она последует за теми созвездиями, которые только и могут придать ее работе смысл и направить ее по должному пути.

...Растет опять могучее желанье

Лететь за ним и пить его сиянье,

Ночь видеть позади и день перед собой,

И небо в вышине, и волны под ногами* .

Перевод Н. Холодковского

[414]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Там, где в первом разделе данной статьи речь идет от имени редакции или об определенных задачах "Архива", я высказываю, конечно, не свое личное мнение, а совместно продуманные соображения сотрудников редакции. Ответственность за второй раздел по его форме и содержанию полностью несу только я, как автор статьи.

То, что "Архив" никогда не будет идти проторенной колеей ходячих мнений, гарантируется отсутствием полной идентичности во взглядах даже методологического характера не только его сотрудников, но и членов редакции. Вместе с тем, конечно, известное единодушие в основных мнениях было обязательной предпосылкой согласия на совместную работу в редакции журнала. Это единодушие распространяется прежде всего на такие вопросы, как ценность теоретического познания с "односторонних" точек зрения, образование точных понятий и строгое разделение эмпирического знания и оценочного суждения - все то, что здесь без какой-либо претензии на "новизну" требований предлагается вниманию читателей.

Пространность изложения в ряде мест второго раздела статьи и многократное повторение одной и той же мысли преследуют только одну цель - достигнуть наибольшей понятности. Этому желанию в значительной степени (надеюсь, не в слишком значительной) принесена в жертву точность выражения: исходя из нее, мы отказались и от попытки дать систематическое исследование проблемы, заменив его сопоставлением нескольких методологических точек зрения. Это потребовало бы постановки множества еще значительно более глубоких гносеологических проблем. Мы не занимаемся здесь логикой, а стремимся использовать в нашей работе известные выводы современной логики, не решаем проблемы, а знакомим неспециалиста с их значением. Те, кому известны труды современных логиков - достаточно назвать Виндельбанда, Зиммеля, а для нашей цели в первую очередь Генриха Риккерта, - сразу увидят, что во всех существенных вопросах мы опираемся на их теоретические идеи.

2. Речь идет об "Архиве социальных наук и социальной политики", в редакцию которого в 1904 г. вошли Э. Яффе, В. Зомбарт и Макс Вебер.

[415]

Текст приводится по изданию:

Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с. - (Социологич. мысль Запада).

* Конкретно (лат.) Прим. персев.

* Имеется, по-видимому, в виду книга Р. Штаммлера: "Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung", критике которой посвящена статья М. Вебера: "R. Stammiers "Oberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung"", помещенная в: Gesam-melte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951, S. 291-359.- Прим. ред.

* Связанные с изменениями закона (лат.).-Прим. перев.

* Г. Риккерт. - Прим. перев.

* Общий род, видовые отличия {лат.}.-Прим. перев.

* В глубине своей души (лат.).- Прим. перев.

* Гёте. Фауст. Птб., 1980, с. 49.-Прим. перев.

ПОЛИТИКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

В соответствии с вашим пожеланием я должен сделать доклад, который, однако, непременно разочарует вас в нескольких отношениях. От разговора о политике как призвании и профессии вы непроизвольно будете ожидать высказываний и оценок по злободневным вопросам. Но об этом мы скажем лишь под конец, чисто формально, в связи с определенными вопросами, относящимися к значению политической деятельности во всем ведении жизни (Lebensführung). Из сегодняшнего доклада как раз должны быть исключены все вопросы, относящиеся к тому, какую политику следует проводить, какое, таким образом, содержание следует придавать своей политической деятельности. Ибо они не имеют никакого отношения к общему вопросу: что есть и что может означать политика как призвание и профессия. Итак, к делу!

Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем.

[644]

Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство политическим союзом, то есть в наши дни - государством.

Но что есть "политический" союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть "государство"? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть исключительно, присуща тем союзам, которые называют "политическими", то есть в наши дни - государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства - физического насилия. "Всякое государство основано на насилии", - говорил в свое время Троцкий в Брест-Литовске. И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие "государства", тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать "анархией". Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства - об этом нет и речи, - но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (innerlich). В прошлом различным союзам - начиная с рода - физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области - "область" включается в признак! - претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем Другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником "права" на насилие считается государство.

[645]

Итак, "политика", судя по всему, означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словоупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это "политический" вопрос, о министре или чиновнике: это "политический" чиновник, о некотором решении: оно "политически" обусловлено, - то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти "ради нее самой", чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет "вечно вчерашнего": авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, - "традиционное" господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, - харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или - в области политического - избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу

[646]

"легальности", в силу веры в обязательность легального установления (Satzung) и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил - господство в том виде, в каком его осуществляют современный "государственный служащий" и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обусловливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды - страха перед мстью магических сил или властителя, надежды на потустороннее или посюстороннее вознаграждение - и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана "легитимность" такой покорности, тогда, конечно, столкнешься с указанными тремя ее "чистыми" типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам "общего учения о государстве".

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной "харизме" "вождя". Ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf*) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне "призванным" руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам "вождь" живет своим делом, "жаждет свершить свой труд", если только он не ограниченный и тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой - избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера - вождизм как явление встречается

[647]

во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является политический вождизм в образе сначала свободного "демагога", существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем - в образе парламентского "партийного вождя", выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе.

Конечно, главными фигурами в механизме политической борьбы не были одни только политики в силу их "призвания" в собственном смысле этого слова. Но в высшей степени решающую роль здесь играет тот род вспомогательных средств, которые находят в их распоряжении. Как политически господствующие силы начинают утверждаться в своем государстве? Данный вопрос относится ко всякого рода господству, то есть и к политическому господству во всех его формах: к традиционному, равно как и к легальному, и к харизматическому.

Любое господство как предприятие (Herrschafts-betrieb), требующее постоянного управления, нуждается, с одной стороны, в установке человеческого

поведения на подчинение господам, притязаящим быть носителями легитимного насилия, а с другой стороны, - посредством этого подчинения - в распоряжении теми вещами, которые в случае необходимости привлекаются для применения физического насилия: личный штаб управления и вещественные (sachlichen) средства управления.

Штаб управления, представляющий во внешнем проявлении предприятие политического господства, как и всякое другое предприятие, прикован к властелину, конечно, не одним лишь представлением о легитимности, о котором только что шла речь. Его подчинение вызвано двумя средствами, апеллирующими к личному интересу: материальным вознаграждением и социальным почетом (Ehre). Лены вассалов, доходные должности наследственных чиновников, жалованье современных государственных служащих, рыцарская честь (Ritterehre). сословные привилегии, престиж чиновников (Beamten-ehre) образуют вознаграждение, а страх потерять их - последнюю решающую основу солидарности штаба управления с властелином. Это относится и к господству

[648]

харизматического вождя: военные почести (Kriegsehre) и добыча военной дружины, "spoils"* : эксплуатация тех, кто находится под господством, благодаря монополии на должности, политически обусловленная прибыль и удовлетворенное тщеславие для свиты демагога.

Совершенно так же, как и на хозяйственном предприятии, для сохранения любого насильственного господства требуются определенные внешние материальные средства. Теперь все государственные устройства можно разделить в соответствии с тем принципом, который лежит в их основе: либо этот штаб - чиновников или кого бы то ни было, на чье послушание должен иметь возможность рассчитывать обладатель власти, - является самостоятельным собственником средств управления, будь то деньги, строения, военная техника, автопарки, лошади или что бы там ни было; либо штаб управления "отделен" от средств управления в таком же смысле, в каком служащие и пролетариат внутри современного капиталистического предприятия "отделены" от вещественных средств производства. То есть либо обладатель власти управляет самостоятельно и за свой счет организуя управление через личных слуг, или штатных чиновников, или любимцев и доверенных, которые не суть собственники (полномочные владетели) вещественных средств предприятия, но направляются сюда господином, либо же имеет место прямо противоположное. Это различие проходит через все управленческие организации прошлого.

Политический союз, в котором материальные средства управления полностью или частично подчинены произволу зависимого штаба управления, мы будем называть "сословно" ("standisch") расчлененным союзом. Например, вассал в вассальном союзе покрывал расходы на управление и правосудие в округе, пожалованном ему в лен, из собственного кармана, сам экипировался и обеспечивал себя провиантом в случае войны; его вассалы делали то же самое. Это, естественно, имело последствия для могущества сеньора (Herr), которое покоилось лишь на союзе личной верности и на том, что обладание леном и социальная честь (Ehre) вассала вели свою "легитимность" от сеньора.

[649]

Но всюду, вплоть до самых ранних политических образований, мы находим и собственное правление господина (Herr): через лично зависящих от него рабов, домашних служащих, слуг, любимцев и обладателей доходных мест, вознаграждаемых натурой и деньгами из его кладовых, он пытается взять управление в свои руки, оплатить средства из своего кармана, из доходов со своего родового имущества, создать войско, зависимое только от него лично, ибо оно экипировано и снабжено провиантом из его кладовых, магазинов, оружейных. В то время как в "сословном" союзе сеньор осуществляет свое господство с помощью самостоятельной "аристократии", то есть разделяет с нею господство, здесь он господствует, опираясь либо на челядь, либо на плебеев - неимущие, лишенные собственного социального престижа слои, которые полностью от него зависят и отнюдь не опираются на собственную конкурирующую власть. Все формы патриархального и патримониального господства, султанской деспотии и бюрократического государственного строя относятся к данному типу. В особенности бюрократический государственный строй, то есть тот, который в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него.

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных "частных" носителей

управленческой власти, то есть тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном "государстве" полностью реализовано (и это существенно для его понятия) "отделение" штаба управления - управляющих чиновников и работников управ-

[650]

дения - от вещественных средств предприятия. Но здесь начинает действовать наисовременнейшая для нашего времени тенденция с попыткой открытой экспроприации подобного экспроприатора политических средств, а тем самым политической власти. Революции это удалось по меньшей мере в том отношении, что на место поставленного (gesetzt) начальства пришли вожди, которые благодаря противозаконным действиям или выборам захватили власть и получили возможность распоряжаться политическим штабом (людьми) и аппаратом вещественных средств и выводят свою легитимность - все равно, с каким правом, - из воли тех, кто находится под господством. Другое дело, насколько тут оправданна надежда осуществиться на основе этого успеха - по меньшей мере надежда и экспроприацию внутри капиталистических хозяйственных предприятий, руководство которыми, в сущности, несмотря на далеко идущие аналогии, следует совершенно иным законам, чем политическое управление. Но от оценок этого вопроса мы сегодня воздержимся. Для нашего рассмотрения я фиксирую момент чисто понятийный: современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции.

В ходе политического процесса экспроприации, который с переменным успехом разыгрывался в разных странах мира, выступили, правда, сначала на службе у князя, первые категории "профессиональных политиков" во втором смысле, то есть людей, которые не хотели сами быть господами, как харизматические вожди, но поступили на службу политическим господам. В этой борьбе они предоставили себя в распоряжение князьям и сделали из проведения их политики, с одной стороны, дождливый промысел, с другой стороны, обеспечили себе идеальное содержание своей жизни. Подчеркнем, что лишь на Западе мы находим этот род профессиональных политиков на службе не только князей, но и других сил. В прошлом они были их важнейшим инструментом для

[651]

исполнения власти и осуществления политической экспроприации.

Прежде чем заняться рассмотрением таких "профессиональных политиков" более подробно, надо всесторонне и однозначно выяснить, что представляет собой их существование.

Можно заниматься "политикой" - то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них - как в качестве политика "по случаю", так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками "по случаю" являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике. Политиками "по совместительству" являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правления партийно-политических союзов, которые - по общему правилу - занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости, и она не становится для них первоочередным "делом жизни" ни в материальном, ни в идеальном отношении. Точно так же занимаются политикой члены государственных советов и подобных

совещательных органов, начинающих функционировать лишь по требованию. Но равным же образом ею занимаются и довольно широкие слои наших парламентариев, которые "работают" на нее лишь во время сессий. В прошлом мы находим такие слои именно в сословиях. "Сословиями" мы будем называть полномочных владельцев военных средств, а также владельцев важных для управления вещественных средств предприятия или личных господских сил. Значительная их часть была весьма далека от того, чтобы полностью, или преимущественно, или даже больше чем только по случаю посвятить свою жизнь политике. Напротив, свою господскую власть они использовали в интересах получения ренты или прибыли и проявляли политическую активность на службе политического союза, только если этого специально требовали их господин или другие члены сословия. Аналогичным образом вела себя и часть вспомогательных сил, привлекаемых князем в борьбе за создание собственного политического предприятия, которое

[652]

должно было находиться в его распоряжении. Это было характерно для "домашних советников" и, еще раньше, для значительной части советников, собирающихся в "курии" и других совещательных органах князя. Но, конечно, князь не обходился этими вспомогательными силами, действовавшими лишь по случаю и по совместительству. Он должен был попытаться создать себе штаб вспомогательных сил, полностью и исключительно избравших как основную профессию службу у князя. От того, откуда он брал их, существенным образом зависела структура возникающего династического политического образования, и не только она, но и все своеобразие соответствующей культуры. Перед той же необходимостью оказались тем более политические союзы, которые при полном устранении или значительном ограничении власти князей политически конституировались в качестве (так называемых) "свободных" сообществ (Gemeinwesen) - "свободных" не в смысле свободы от насильственного господства, но в смысле отсутствия насилия, легитимного в силу традиции (по большей части религиозно освященной), со стороны князя как исключительного источника всякого авторитета. Исторической родиной таких союзов является только Запад, а зачатком их был город как политический союз, как таковой появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья. Как выглядели во всех этих случаях "преимущественно-профессиональные" ("hauptberuflichen") политики?

Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить "для" политики, либо жить "за счет" политики и "политикой" ("von" der Politik). Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет "для" политики, в каком-то внутреннем смысле творит "свою жизнь из этого" - либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит "делу" ("Sache"), и тем самым придает смысл своей жизни. Пожалуй, именно в таком глубоком внутреннем смысле всякий серьезный человек, живущий для какого-то дела, живет также и этим делом. Таким образом, различие касается гораздо более глубокой стороны - экономичес-

[653]

кой. "За счет" политики как профессии живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода-, "для" политики - тот, у кого иная цель. Чтобы некто в экономическом смысле мог бы жить "для" политики, при господстве частнособственнического порядка должны наличествовать некоторые, если угодно, весьма тривиальные предпосылки: в нормальных условиях он должен быть независимым от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он просто должен быть состоятельным человеком или же как частное лицо занимать такое положение в жизни, которое приносит ему достаточный постоянный доход. Так по меньшей мере обстоит дело в нормальных условиях. Правда, дружина князя-военачальника столь же мало озабочена условиями нормального хозяйствования, как и свита революционного героя улицы. Оба живут добычей, грабежом, конфискациями, контрибуциями, навязыванием ничего не стоящих принудительных средств платежа - что, в сущности, одно и то же. Но это необходимо внеобыденные явления: при обычном хозяйстве доходы приносит только собственное состояние. Однако одного этого недостаточно: тот, кто живет "для" политики, должен быть к тому же хозяйственно "обходим", то есть его доходы не должны зависеть от того, что свою рабочую силу и мышление он лично полностью или самым широким образом постоянно использует для получения

своих доходов. Безусловно "обходим" в этом смысле рантье, то есть тот, кто получает совершенно незаработанный доход, будь то земельная рента у помещика в прошлом, крупных землевладельцев и владетельных князей настоящего времени - а в античности и в средние века и рента, взимаемая с рабов и крепостных, - будь то доход от ценных бумаг или из других современных источников ренты. Ни рабочий, ни - на что следует обратить особое внимание - предприниматель, в том числе и именно современный крупный предприниматель, не являются в этом смысле "обходимыми". Ибо и предприниматель, и именно предприниматель, - промышленный в значительно большей мере, чем сельскохозяйственный, из-за сезонного характера сельского хозяйства - привязан к своему предприятию и необходим. В большинстве случаев он с трудом может хотя бы на время позволить заместить себя. Столь же трудно можно заместить, например, врача, и чем более талантливым и занятым он является, тем

[654]

реже возможна замена. Легче уже заместить адвоката, чисто по производственно-техническим причинам, и поэтому в качестве профессионального политика он играл несравненно более значительную, иногда прямо-таки господствующую роль. Мы не собираемся дальше проследивать подобную казуистику, но проясним для себя некоторые следствия.

Если государством или партией руководят люди, которые (в экономическом смысле слова) живут исключительно для политики, а не за счет политики, то это необходимо означает "плутократическое" рекрутирование политических руководителей слоев. Но последнее, конечно, еще не означает обратного: что наличие такого плутократического руководства предполагало бы отсутствие у политически господствующего слоя стремления также жить и "за счет" политики, то есть использовать свое политическое господство и в частных экономических интересах. Об этом, конечно, нет и речи. Не было такого слоя, который не делал бы нечто подобное каким-то образом. Мы сказали только одно: профессиональные политики непосредственно не вынуждены искать вознаграждение за свою политическую деятельность, на что просто должен претендовать всякий неимущий политик. А с другой стороны, это не означает, что, допустим, не имеющие состояния политики исключительно или даже только преимущественно предполагают частнохозяйственным образом обеспечить себя посредством политики и не думают или же не думают преимущественно "о деле". Ничто бы не могло быть более неправильным. Для состоятельного человека забота об экономической "безопасности" своего существования эмпирически является - осознанно или неосознанно - кардинальным пунктом всей его жизненной ориентации. Совершенно безоглядный и необоснованный политический идеализм обнаруживается если и не исключительно, то по меньшей мере именно у тех слоев, которые находятся совершенно вне круга, заинтересованного в сохранении экономического порядка определенного общества; это в особенности относится к необычным, то есть революционным эпохам. Но сказанное означает только, что не плутократическое рекрутирование политических соискателей (Interessen-ten), вождей (Führerschaft) и свиты (Gefolgschaft) связано с само собой разумеющейся предпосылкой, что они получают регулярные и надежные доходы от пред-

[655]

приятия политики, руководить политикой можно либо в порядке "почетной деятельности", и тогда ею занимаются, как обычно говорят, "независимые", то есть состоятельные, прежде всего имеющие ренту люди. Или же к политическому руководству допускаются неимущие, и тогда они должны получать вознаграждение. Профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым "пребандарием" ("Pfrunder") или чиновником на жалованье. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия (Leistungen) - чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, - или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер "предпринимателя", как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход. Либо же такой политик может получать твердое жалованье как редактор, или партийный секретарь, или современный министр, или политический чиновник. В прошлом лены, дарения земли,

пребанды всякого рода, а с развитием денежного хозяйства в особенности места, связанные со взиманием сборов (Sportelpfrunden), были типичным вознаграждением для свиты со стороны князей, одержавших победы завоевателей или удачливых глав партий; ныне партийными вождями за верную службу раздаются всякого рода должности в партиях, газетах, товариществах, больничных кассах, общинах и государствах. Все партийные битвы суть не только битвы ради предметных целей, но прежде всего также и за патронаж над должностями. В Германии все противоборство партикуляри-стских и централистских устремлений закручено прежде всего и вокруг вопроса, какая из сил - берлинцы ли или же мюнхенцы, карлсруэцы, дрезденцы - будет иметь патронаж над должностями. Ущемления в распределении должностей воспринимаются партиями более болезненно, чем противодействие их предметным целям. Во Франции смена префекта, имеющая партийно-политический характер, всегда считалась большим переворотом и возбуждала больше шума, чем какая-нибудь модификация правительственной программы, имевшая почти исклю-

[656]

чительно фразеологическое значение. Со времени исчезновения старых противоположностей в истолковании конституции многие партии (именно так обстоит дело в Америке) превратились в настоящие партии охотников за местами, меняющие свою содержательную программу в зависимости от возможностей улова голосов. В Испании вплоть до последних лет две крупные партии сменяли друг друга в конвенционально закрепленной очередности в форме сфабрикованных свыше "выборов", чтобы обеспечить должностями своих сторонников. В регионах испанских колониальных владений как при так называемых "выборах", так и при так называемых "революциях" речь всегда идет о государственной кормушке, которой намерены воспользоваться победители. В Швейцарии партии мирно распределяют между собой должности путем пропорциональных выборов, и многие из наших "революционных" проектов конституции, например первый проект, предложенный для Бадена, имели целью распространить ту же систему и на министерские посты, то есть рассматривали государство и должности в нем именно как учреждение по обеспечению доходными местами. Этим прежде всего вдохновлялась партия центра и даже провозгласила пунктом своей программы в Бадене пропорциональное распределение должностей согласно конфессиям, то есть невзирая на успех. Вследствие общей бюрократизации с ростом числа должностей и спроса на такие должности как формы специфически гарантированного обеспечения данная тенденция усиливается для всех партий, и они во все большей мере становятся таким средством обеспечения для своих сторонников.

Однако ныне указанной тенденции противостоит развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся (Arbeiterschaft), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой словесной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Дилетантское управление делящих добычу политиков, которое в Соединенных Штатах заставляло сменять сотни тысяч

[657]

чиновников - вплоть до почтальонов - в зависимости от исхода президентских выборов и не знало пожизненных профессиональных чиновников, давно нарушено Civil Service Reform. Эту тенденцию обуславливают чисто технические, неизбежные потребности управления. В Европе профессиональное чиновничество, организованное на началах разделения труда, постепенно возникло в ходе полутысячелетнего развития. Начало его формированию положили итальянские города и сеньории, а среди монархий - государства норманнских завоевателей. Решающий шаг был сделан в управлении княжескими финансами. По управленческим реформам императора Макса можно видеть, с каким трудом даже под давлением крайней нужды и турецкого господства чиновникам удавалось экспроприировать [власть] князя в той сфере, которая меньше всего способна была терпеть произвол господина, все еще остававшегося прежде всего рыцарем. Развитие военной техники обусловило появление профессионального офицера, совершенствование судопроизводства - вышколенного юриста. В этих трех областях профессиональное чиновничество одержало окончательную победу в развитых государствах в XVI в. Тем самым

одновременно с возвышением княжеского абсолютизма над сословиями происходила постепенная передача княжеского самовластия (Selbstherrschaft) профессиональному чиновничеству, благодаря которому только и стала для князя возможной победа над сословиями.

Одновременно с подъемом вышколенного чиновничества возникали также - хотя это совершалось путем куда более незаметных переходов - "руководящие политики". Конечно, такие фактически главенствующие советники князей существовали с давних пор во всем мире. На Востоке потребность по возможности освободить султана от бремени личной ответственности за успех правления создала типичную фигуру "великого визиря". На Западе, прежде всего под влиянием донесений венецианских послов, жадно читаемых в дипломатических профессиональных кругах, дипломатия в эпоху Карла V - эпоху Макиавелли - впервые становилась сознательно практикуемым искусством, адепты которого, по большей части гуманистически образованные, рассматривали себя как вышколенный слой посвященных, подобно гуманистически образованным государственным деятелям в

[658]

Китае в последнюю эпоху существования там отдельных государств. Необходимость формально единого ведения всей политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем окончательно сформировалась и стала неизбежной лишь благодаря конституционному развитию. Само собой разумеется, что и до этого, правда, постоянно появлялись такие отдельные личности, как советники или более того, по существу, руководители князей. Но организация учреждений пошла сначала, даже в наиболее развитых в этом отношении государствах, иными путями. Возникли коллегиальные высшие управленческие учреждения. Теоретически и в постепенно убывающей степени фактически они заседали под личным председательством князя, выдававшего решение. Через посредство этой коллегиальной системы, которая вела к консультативным заключениям, контрзаключениям и мотивированным решениям большинства или меньшинства; далее, благодаря тому, что он окружал себя, помимо официальных высших учреждений, сугубо личными доверенными - "кабинетом" - и через их посредство выдавал свои решения на заключения государственного совета - или как бы там еще ни называлось высшее государственное учреждение, - благодаря всему этому князь, все больше попадавший в положение дилетанта, пытался избежать неуклонно растущего влияния высокопрофессиональных чиновников и сохранить в своих руках высшее руководство; эта скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду. Перемены тут происходили только вопреки парламентам и притязаниям на власть их партийных вождей. Но весьма различные условия приводили к внешне одинаковым результатам. Там, где династии удерживали в своих руках реальную власть - как это в особенности имело место в Германии, - интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества в противоположность парламенту и его притязаниям на власть. Чиновники были заинтересованы, чтобы из их же рядов, то есть через чиновничье продвижение по службе, замещались и руководящие, то есть министерские, посты. Со своей стороны, монарх был заинтересован в том, чтобы иметь возможность назначать министров по своему усмотрению тоже из рядов чиновников. А обе вместе стороны были заинтересованы в том, чтобы политическое руководство противостояло парламенту в едином и замкну-

[659]

том виде, то есть чтобы коллегиальная система была заменена единым главой кабинета. Кроме того, монарх, уже для того, чтобы чисто формально оставаться вне партийной борьбы и партийных нападков, нуждался в особой личности, прикрывающей его, то есть держащей ответ перед парламентом и противостоящей ему, ведущей переговоры с партиями. Все эти интересы вели здесь к одному и тому же: появлялся единый ведущий министр чиновников. Развитие власти парламента еще сильнее вело к единству там, где она - как в Англии - пересиливала монарха. Здесь получил развитие "кабинет" во главе с единым парламентским вождем, "лидером", как постоянная комиссия игнорируемой официальными законами, фактически же единственной решающей политической силы - партии, находящейся в данный момент в большинстве. Официальные коллегиальные корпорации именно как таковые не являлись органами действительно господствующей силы - партии - и, таким образом, не могли быть представителями подлинного правительства. Напротив, господствующая партия, дабы утверждать свою власть внутри [государства] и иметь возможность проводить большую внешнюю политику, нуждалась в боеспособном, конфиденциально совещающемся

органе, составленном только из действительно ведущих в ней деятелей, то есть именно в кабинете, а по отношению к общественности, прежде всего парламентской общественности, - в ответственном за все решения вожде - главе кабинета. Эта английская система в виде парламентских министерств была затем перенята на континенте, и только в Америке и испытавших ее влияние демократиях ей была противопоставлена совершенно гетерогенная система, которая посредством прямых выборов ставила избранного вождя побеждающей партии во главу назначенного им аппарата чиновников и связывала его согласием парламента только в вопросах бюджета и законодательства.

Превращение политики в "предприятие", которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты (Fach-bearnte), с другой-"политические" чиновники, "Политические" чиновники в собственном смысле слова, как

[660]

правило, внешне характеризуются тем, что в любой момент могут быть произвольно перемещены и уволены или же "направлены в распоряжение", как французские префекты или подобные им чиновники в других странах, что составляет самую резкую противоположность "независимости" чиновников с функциями судей. В Англии к категории "политических" чиновников относятся те чиновники, которые по укоренившейся традиции покидают свои посты при смене парламентского большинства и, следовательно, кабинета. Обычно с этим должны считаться те чиновники, в компетенцию которых входит общее "внутреннее управление", а составной частью "политической" деятельности здесь в первую очередь является задача сохранения "порядка" в стране, то есть существующих отношений господства. В Пруссии эти чиновники, согласно указу Путкамера, должны были под угрозой строгого взыскания "представлять политику правительства" и, равно как и префекты во Франции, использовались в качестве официального аппарата для влияния на исход выборов. Правда, большинство "политических" чиновников, согласно немецкой системе, - в противоположность другим странам - равны по качеству всем остальным, так как получение этих постов тоже связано с университетским обучением, специальными экзаменами и определенной подготовительной службой. Этот специфический признак современного чиновника-специалиста отсутствует у нас только у глав политического аппарата - министров. Уже при старом режиме можно было стать министром культуры Пруссии, ни разу даже не посетив никакого высшего учебного заведения, в то время как в принципе стать советником-докладчиком можно было лишь по результатам предписанных экзаменов. Само собой разумеется, профессионально обученный ответственный референт и советник-докладчик был, например в министерстве образования Пруссии при Альтхоффе, гораздо более информирован, чем его шеф, относительно подлинных технических проблем дела, которым он занимался. Аналогично обстояли дела в Англии. Таким образом, чиновник-специалист и в отношении всех обыденных потребностей оказывался самым могущественным. И это тоже само по себе не выглядело нелепым. Министр же был именно репрезентантом политической констелляции власти, должен был выступать представителем ее политических масштабов и применять эти

[661]

масштабы для оценки предложений подчиненных ему чиновников-специалистов или же выдавать им соответствующие директивы политического рода.

То же самое происходит и на частном хозяйственном предприятии: подлинный "суверен", собрание акционеров, настолько же лишен влияния в руководстве предприятием, как и управляемый чиновниками-специалистами "народ", а лица, определяющие политику предприятия, подчиненный банкам "наблюдательный совет" дают только хозяйственные директивы и отбирают лиц для управления, будучи неспособными, однако, самостоятельно осуществлять техническое руководство предприятием. В этом отношении и нынешняя структура революционного государства, дающего абсолютным дилетантам в силу наличия у них пулеметов власть в руки и намеревающегося использовать профессионально вышколенных чиновников лишь в качестве исполнителей, - такое государство вовсе не представляет собой принципиального новшества. Трудности нынешней системы состоят совсем не в этом, но они не должны нас сейчас занимать.

Мы скорее зададим вопрос о типическом своеобразии профессионального политика, как "вождя", так и его свиты. Оно неоднократно менялось и также весьма различно и сегодня.

Как мы видели, в прошлом "профессиональные политики" появились в ходе борьбы князей с сословиями на службе у первых. Рассмотрим вкратце их основные типы.

В борьбе против сословий князь опирался на политически пригодные слои несословного характера. К ним прежде всего относились в Передней Индии и Индокитае, в буддистском Китае и Японии и ламаистской Монголии - точно так же, как и в христианских регионах средневековья, - клирики. Данное обстоятельство имело технические основания, ибо клирики были сведущи в письме. Повсюду происходит импорт брахманов, буддистских проповедников, лам и использование епископов и священников в качестве политических советников с тем, чтобы получить сведущие в письме управленческие силы, которые могут пригодиться в борьбе императора, или князя, или хана против аристократии. Клирик, в особенности клирик, соблюдающий целибат, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в

[662]

противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был "отделен" от средств предприятия государева управления своими сословными качествами.

Второй слой такого же рода представляли получившие гуманистическое образование грамматики (Litera-ten). Было время, когда, чтобы стать политическим советником, и прежде всего составителем политических меморандумов князя, приходилось учиться сочинять латинские речи и греческие стихи. Таково время первого расцвета школ гуманистов, когда князья учреждали кафедры "поэтики": у нас эта эпоха миновала быстро и, продолжая все-таки оказывать неослабевающее влияние на систему нашего школьного обучения, не имела никаких более глубоких политических последствий. Иначе обстояло дело в Восточной Азии. Китайский мандарин является или, скорее, изначально являлся примерно тем, кем был гуманист у нас в эпоху Возрождения: грамматиком, получившим гуманитарное образование и успешно выдержавшим экзамены по литературным памятникам далекого прошлого. Если вы прочтете дневники Ли Хун-Чжана, то обнаружите, что даже он более всего гордится тем, что сочинял стихи и был хорошим каллиграфом. Этот слой вместе с его традициями, развившимися в связи с китайской античностью, определил всю судьбу Китая, и, быть может, подобной была бы и наша судьба, имей гуманисты в свое время хотя бы малейший шанс добиться такого же признания.

Третьим слоем была придворная знать. После того как князьям удалось лишить дворянство его сословной политической силы, они привлекли его ко двору и использовали на политической и дипломатической службе. Переворот в нашей системе воспитания в XVII в. был связан также и с тем, что вместо гуманистов-грамматиков на службу князьям поступили профессиональные политики из числа придворной знати.

Что касается четвертой категории, то это было сугубо английское образование; патрициат, включающий в себя мелкое дворянство и городских рантье, обозначаемый техническим термином "джентри" ("gentry"), - слой, который князь первоначально вовлек в борьбу против баронов и ввел во владение должностями "selfgovern-menfa"* , а в результате сам затем оказывался во все

[663]

большей зависимости от него. Этот слой удерживал за собой владение всеми должностями местного управления, поскольку вступил в него безвозмездно в интересах своего собственного социального могущества. Он сохранил Англию от бюрократизации, ставшей судьбой всех континентальных государств.

Пятый слой - это юристы, получившие университетское образование, - был характерен для Запада, прежде всего для Европейского континента, и имел решающее значение для всей его политической структуры. Ни в чем так ярко не проявилось впоследствии влияние римского права, преобразовавшего бюрократическое позднее римское государство, как именно в том, что революционизируя политическое предприятие как тенденция к рациональному государству повсюду имела носителем квалифицированного юриста, даже в Англии, хотя там крупные национальные корпорации юристов препятствовали рецепции римского права. Ни в одном другом регионе мира не найти аналогов подобному процессу. Все зачатки рационального юридического мышления в индийской школе мимансы, а также постоянная забота о

сохранении античного юридического мышления в исламе не смогли воспрепятствовать тому, что теологические формы мышления заглушили рациональное правовое мышление. Прежде всего не был полностью рационализирован процессуальный подход. Это стало возможным лишь благодаря заимствованию итальянскими юристами античной римской юриспруденции, абсолютно уникального продукта, созданного политическим образованием, совершающим восхождение от города-государства к мировому господству; результатом были *usus modernus** в сочинениях знатоков пандектного и канонического права в конце средних веков, а также теории естественного права, порожденные юридическим и христианским мышлением и впоследствии секуляризованные. Крупнейшими представителями этого юридического рационализма выступили: итальянские подеста, французские королевские юристы, создавшие формальные средства для подрыва королевской властью господства сеньоров, теоретики концилиаризма (специалисты по каноническому праву и теологи, рассуждающие при помощи категорий естественного права), придворные юристы и ученые

[664]

судьи континентальных князей, нидерландские теоретики естественного права и монархомахи, английские королевские и парламентские юристы. *Noblesse de Robe** французских парламентов и, наконец, адвокаты эпохи революции. Без этого рационализма столь же мало мыслимо возникновение абсолютистского государства, как и революция. Если вы просмотрите возражения французских парламентов или указы французских Генеральных штатов, начиная с XVI в. вплоть до 1789 г., вы сразу обнаружите присущий юристам дух. А если вы изучите членов французского Конвента с точки зрения их профессионального представительства, то вы обнаружите в нем – несмотря на равное избирательное право – одного-единственного пролетария, очень мало буржуазных предпринимателей, но зато множество всякого рода юристов, без которых был бы совершенно немислим специфический дух, живший в этих радикальных интеллектуалах и их проектах, с тех пор современный адвокат и современная демократия составляют одно целое, а адвокаты в нашем смысле, то есть в качестве самостоятельного сословия, утвердились опять-таки лишь на Западе, начиная со средних веков, постепенно сформировавшись из "ходатая" в формалистичном германском процессе, под влиянием рационализации этого процесса.

Отнюдь не случайно, что адвокат становится столь значимой фигурой в западной политике со времени появления партий. Политическое предприятие делается партиями, то есть представляет собой именно предприятие заинтересованных сторон – мы скоро увидим, что это должно означать. А эффективное ведение какого-либо дела для заинтересованных в нем сторон и есть ремесло квалифицированного адвоката. Здесь он – поучительным может быть превосходство враждебной пропаганды – превосходит любого "чиновника". Конечно, он может успешно, то есть технически "хорошо", провести подкрепленное логически слабыми аргументами, то есть в этом смысле "плохое", дело. Но также только он успешно ведет дело, которое можно подкрепить логически "сильными" аргументами, то есть дело в этом смысле "хорошее". Чиновник в качестве политика, напротив, слишком часто своим технически "скверным" руководством делает "хорошее" в этом смысле дело "дурным":

[665]

нечто подобное нам пришлось пережить. Ибо проводником нынешней политики среди масс общественности все чаще становится умело сказанное или написанное слово. Взвесить его влияние – это-то и составляет круг задач адвоката, а вовсе не чиновника-специалиста, который не является и не должен стремиться быть демагогом, а если все-таки ставит перед собой такую цель, то обычно становится весьма скверным демагогом.

Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима – не должна быть политика. Он должен "управлять" прежде всего беспристрастно – данное требование применимо даже к так называемым "политическим" управленческим чиновникам, – по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены "государственные интересы", то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio*-без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – бороться. Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического вождя. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу ответственности,

прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника - выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права. Как раз те натуры, которые в качестве чиновников высоко стоят в нравственном отношении, суть скверные, безответственные прежде всего в политическом смысле слова, и постольку в нравственном отношении низко стоящие политики - такие, каких мы, к сожалению, все время имели на руководящих постах. Именно такую систему мы

[666]

называем "господством чиновников"; и, конечно, достоинства нашего чиновничества отнюдь не умаляет то, что мы, оценивая их с политической точки зрения, с позиций успеха, обнажаем ложность данной системы. Но давайте еще раз вернемся к типам политических фигур.

На Западе со времени возникновения конституционного государства, а в полной мере - со времени развития демократии типом политика-вождя является "демагог". У этого слова неприятный оттенок, что не должно заставить нас забыть: первым имя "демагога" носил не Клеон, но Перикл. Не занимая должностей или же будучи в должности верховного стратега, единственной выборной должности (в противоположность должностям, занимаемым в античной демократии по жребию), он руководил суверенным народным собранием афинского демоса. Правда, слово устное использует и современная демагогия, и даже, если учесть предвыборные речи современных кандидатов, - в чудовищном объеме. Но с еще более устойчивым эффектом она использует слово написанное. Главнейшим представителем данного жанра является ныне политический публицист и прежде всего - журналист.

В рамках нашего доклада невозможно дать даже наброски социологии современной политической журналистики. В любом аспекте данная проблема должна составить самостоятельную главу. Лишь немного из нее, безусловно, относится и к нашей теме. У журналиста та же судьба, что и у всех демагогов, а впрочем - по меньшей мере на континенте в противоположность ситуации в Англии, да, в общем, и в Пруссии в более ранний период, - та же судьба у адвоката (и художника): он не поддается устойчивой социальной классификации. Он принадлежит к некоего рода касте париев, социально оцениваемым в "обществе" по тем ее представителям, которые в этическом отношении стоят ниже всего. Отсюда - распространенность самых диковинных представлений о журналистах и их работе. И отнюдь не каждый отдает себе отчет в том, что по-настоящему хороший результат журналистской работы требует по меньшей мере столько же "духа", что и какой-нибудь результат деятельности ученого, прежде всего вследствие необходимости выдать его сразу, по команде и сразу же оказать эффект, при том, конечно, что условия творчества в данном случае совершенно другие. Почти никогда не отмечается, что ответственность здесь куда большая и

[667]

что у каждого честного журналиста чувство ответственности, как показала война, в среднем ничуть не ниже, чем у ученого, но выше. А не отмечают данный факт потому, что в памяти естественным образом задерживаются именно результаты безответственной деятельности журналистов в силу их часто ужасающего эффекта. Никто не верит, что в целом сдержанность дельных в каком-то смысле журналистов выше в среднем, чем у других людей. И тем не менее это так. Несравненно более серьезные искушения, которые влечет за собой профессия журналиста, а также другие условия журналистской деятельности привели в настоящее время к таким последствиям, которые приучили публику относиться к прессе со смешанным чувством презрения и жалкого малодушия. О том, что тут следует делать, мы сегодня поговорить не сможем. Нас интересует судьба политического профессионального призвания журналистов, их шансы достичь ведущих политических постов. До сих пор они имелись лишь в социал-демократической партии. Но должности редакторов в ней, как правило, имели характер чиновничьих мест, не представляя основы для позиции вождя.

В буржуазных партиях в сравнении с предшествующим поколением шансы восхождения таким образом к политической власти в целом скорее ухудшились. Конечно, всякий значительный политик нуждается в прессе как эффективном инструменте воздействия и, следовательно, в связях с прессой. Но появление партийного вождя из рядов прессы было именно исключением (тем, чего не следовало ожидать). Причина тут состоит в сильно возросшей "необходимости" журналиста, прежде всего журналиста, не имеющего состояния и потому привязанного к профессии, что обусловлено значительным увеличением интенсивности и актуальности журналистского предприятия. Необходимость зарабатывать ежедневными или еженедельными статьями гирей повисает на политике, и я знаю примеры того, как люди, по натуре созданные быть вождями, оказались поэтому надолго скованными в своем продвижении к власти как внешне, так и прежде всего внутренне. Связи прессы с силами, господствующими в государстве и в партиях, оказали самое неблагоприятное действие на уровень журналистики при старом режиме, но это особая глава. Во вражеских странах подобные отношения складывались иначе. Однако и там, да, видимо, и для всех современных госу-

[668]

дарств, имеет силу положение, что политическое влияние работника-журналиста все уменьшается, а политическое влияние владеющего прессой магната-капиталиста (такого, например, как "лорд" Нортклиф) - все возрастает.

Во всяком случае, у нас в Германии крупные капиталистические газетные концерны, прибравшие к рукам газетенки с "мелкими объявлениями", "генерал-анцайгеры", обычно были типичными воспитателями политического индифферентизма. Ибо на самостоятельной политике нельзя было ничего заработать, прежде всего нужной для гешефта благосклонности политически господствующих сил. Гешефт на объявлениях - один из способов, каким во время войны попытались с большим размахом оказать политическое воздействие на прессу и, видимо, собираются воздействовать и впредь. Хотя следует ожидать, что большая пресса сумеет уклониться от такого воздействия, однако положение мелких газетенок гораздо труднее. Во всяком случае, в настоящее время у нас карьера журналиста, сколь бы притягательна она ни была и какое бы влияние, прежде всего политическую ответственность, ни сулила, не является - следует, пожалуй, еще подождать, чтобы сказать: "больше не" или "еще не", - нормальным путем восхождения политических вождей. Трудно сказать, изменит ли тут что-нибудь отказ от принципа анонимности, что считают правильным многие - но не все - журналисты. К сожалению, во время войны, когда к "руководству" газетами были специально привлечены литературно одаренные личности, к тому же категорически выступавшие только под своим именем, в некоторых наиболее известных случаях пришлось убедиться, что таким путем повышенное чувство ответственности воспитывается не так уж обязательно, как можно было бы думать. Ведь - невзирая на партийную принадлежность - частично как раз заведомо худшие бульварные газетенки стремились тем самым увеличить спрос и достигали этого. Такого рода господ, издатели, равно как и журналисты, специализирующиеся на сенсациях, нажили себе состояние - но, конечно, не добились чести. Приведенный факт - отнюдь не возражение против самого принципа; вопрос весьма запутан, и данное явление также не носит всеобщего характера. Однако до сих пор такой путь не был путем к подлинному вождизму или ответственному предприятию политики. Остается выжидать, как дальше сложится ситуация.

[669]

Но при всех обстоятельствах журналистская карьера остается одним из важнейших путей профессиональной политической деятельности. Такой путь не каждому подходит, и менее всего - слабым характерам, в особенности тем людям, которые способны обрести внутреннее равновесие лишь в каком-нибудь устойчивом сословном состоянии. Если даже жизнь молодого ученого и носит азартный характер, то все-таки прочные сословные традиции его окружения предохраняют его от неверных шагов. Но жизнь журналиста в любом отношении - это чистейший азарт, и к тому же в условиях, испытывающих его внутреннюю прочность так, как, пожалуй, ни одна другая ситуация. Часто горький опыт в профессиональной жизни - это, пожалуй, не самое худшее. Как раз особенно тяжело внутренние требования предъявляются к преуспевающему журналисту. Это отнюдь не мелочь: входить в салон власть имущих как бы на равной ноге и нередко в окружении всеобщей лести, вызванной боязнью, общаться, зная при этом, что стоит тебе только выйти за дверь, как хозяин дома, быть может, должен будет специально оправдываться перед гостями за общение с "мальчишками-газетчиками"; и уж совсем не мелочь: быть

обязанным быстро и притом убедительно высказываться обо всех и обо всем, что только потребует "рынок", обо всех мыслимых жизненных проблемах, не только не впадая в их абсолютное опошление, но и не оказываясь прежде всего обреченным на бесчестие самообнажения и его неумолимых последствий. Не то удивительно, что многие журналисты "девальвировались" как люди, сошли с колеи, но то, что тем не менее именно данный слой заключает в себе столько драгоценных, действительно настоящих людей, что в это трудно поверить постороннему.

Но если журналист как тип профессионального политика существует уже довольно-таки давно, то фигура партийного чиновника связана с тенденцией последних десятилетий и частично последних лет. Мы должны теперь обратиться к рассмотрению партийной системы (Parteiwesens) и партийной организации, чтобы понять эту фигуру сообразно ее месту в историческом развитии.

Во всех сколько-нибудь обширных, то есть выходящих за пределы и круг задач мелкого деревенского кантона, политических союзах с периодическими выборами власть имущих политическое предприятие необходимо является предприятием претендентов (Interessentenbetrieb). Это

[670]

значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь в политической жизни, то есть в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя или тех, кого они опекают, в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов. Невозможно себе представить, как бы в крупных союзах вообще происходили выборы без такого предприятия. Практически оно означает разделение граждан с избирательным правом на политически активные и политически пассивные элементы, а так как это различие базируется на добровольности самих избирателей, то оно не может быть устранено никакими принудительными мерами, например обязательностью участия в выборах, или "цеховым" (berufsstandische) представительством, или другими предложениями такого рода, демонстративно или фактически направленными против этого факта, а тем самым против господства профессиональных политиков. Вожди и их свита как активные элементы свободной вербовки и свиты, и, через ее посредство, пассивной массы избирателей для избрания вождя - суть необходимые жизненные элементы любой партии. Однако структура их различна. Например, "партии" средневековых городов, такие, как гвельфы и гибеллины, представляли собой сугубо личную свиту. Если взглянуть на Statute del la parte Guelfa* , конфискацию имущества нобилей - как изначально назывались все те семьи, которые вели рыцарский образ жизни, то есть имели право вступать в ленные отношения, - лишение их права занимать должности и права голоса, интерлокальные партийные комитеты и строго военные организации и их вознаграждения доносчикам, то это живо напомнит большевизм с его Советами, его военными и (прежде всего в России) шпионскими организациями, прошедшими суровый отбор, разоружением и лишением политических прав "буржуазии", то есть предпринимателей, торговцев, рантье, духовенства, отпрысков династий и полицейских агентов, а также с его конфискациями. И эта аналогия подействует еще более ошеломляюще, если мы посмотрим, что, с одной стороны, военная организация указанной партии была сугубо рыцарским войском, формируемым по матрикулам, и почти все руководящие места в

[671]

ней занимали дворяне; Советы же со своей стороны сохраняют или, скорее, снова вводят высокое вознаграждение предпринимателям, аккордную зарплату, систему Тейлора, военную и трудовую дисциплину и ведут поиски иностранного капитала - одним словом, снова просто должны принять все то, с чем боролись как с классовыми буржуазными учреждениями, чтобы вообще со хранить в действии государство и хозяйство; и помимо того, главным инструментом своей государственной власти они сделали агентов старой охраны. Но такими организациями, носящими насильственный характер, нам не придется заниматься, мы имеем дело с профессиональными политиками, которые стремятся к власти через мирную партийную агитацию на рынке голосов избирателей.

Эти партии в нашем обычном смысле первоначально тоже были, например в Англии, только свитой аристократии. Каждый переход в другую партию, совершаемый по какой-либо причине пером, влек за собой немедленный переход в нее всего, что от него зависело. Крупные дворянские семьи, и не в последнюю очередь, король вплоть до Билля о реформе осуществляли патронаж над множеством округов. К этим дворянским партиям близко при мыкают партии уважаемых людей, получившие новее

местное распространение вместе с распространением власти бюргерства. "Образованные и состоятельные? круги, духовно руководимые типичными представителями интеллектуальных слоев. Запада, разделились, частично по классовым интересам, частично по семейной традиции, частично по чисто идеологическим соображениям, на партии, которыми они руководили. Духовенство, учи тела, профессора, адвокаты, врачи, аптекари, состоятельные сельские хозяева, фабриканты - весь тот слой, который в Англии причисляет себя к gentlemen, - образовал" сначала нерегулярные политические союзы, самое большее - локальные политические клубы; в смутные времена беспокойство доставляла мелкая буржуазия, а иногда и пролетариат, если у него появлялись вожди, которые, как правило, не были выходцами из его среды. На этой стадии по всей стране еще вообще не существует интерлокально организованных партий как постоянных союзов. Сплоченность обеспечивают только парламентарии; решающую роль при выдвижении кандидатов в вожди играют люди, уважаемые на местах. Программы

[672]

возникают частично из агитационных призывов кандидатов, частично в связи со съездами уважаемых граждан или решениями парламентских партий. В мирное время руководство клубами или, там, где их не было, совершенно бесформенным политическим предприятием осуществляется со стороны небольшого числа постоянно заинтересованных в этом лиц, для которых подобное руководство-побочная или почетная должность; только журналист является оплачиваемым профессиональным политиком, и только газетное предприятие - постоянным политическим предприятием вообще. Наряду с этим существуют только парламентские сессии. Правда, парламентарии и парламентские вожди партий знают, к каким уважаемым гражданам следует обращаться на местах для осуществления желаемой политической акции. И лишь в больших городах постоянно имеются партийные союзы (Vereine) с умеренными членскими взносами, периодическими встречами и публичными собраниями для отчета депутатов. Оживление в их деятельности наступает лишь во время выборов.

Заинтересованность парламентариев в возможности интерлокальных предвыборных компромиссов и в действительности единых, признанных широкими кругами всей страны программ и единой агитации вообще по стране становится движущей силой все большего сплочения партий. Но если теперь сеть местных партийных союзов существует также и в городах средней величины и даже если она растянута "доверенными лицами" по всей стране, а с ними постоянную переписку ведет член парламентской партии как руководитель центрального бюро партии, то это не меняет принципиального характера партийного аппарата как объединения уважаемых граждан. Вне центрального бюро пока еще нет оплачиваемых чиновников; именно "видные люди" ради уважения, которым они обычно пользуются, повсюду руководят местными союзами: это внепарламентские уважаемые граждане, которые оказывают свое влияние наряду с политическим слоем уважаемых граждан - заседающих в данный момент в парламенте депутатов. Конечно, поставщиком духовной пищи для прессы и местных собраний во все большей мере является издаваемая партией партийная корреспонденция. Регулярные членские взносы становятся необходимыми; часть их должна пойти на покрытие издержек штаб-квартиры партии. На этой ста-

[673]

дии находилось еще не так давно большинство немецких партийных организаций. Во Франции же отчасти еще господствовала первая стадия: крайне слабое сплочение парламентариев, а в масштабах всей страны - малое число уважаемых людей на местах; программы, выдвигаемые кандидатом или его патроном только раз, при выставлении кандидатуры, хотя и с большей или меньшей местной привязкой к решениям и программам парламентариев. Данная система была нарушена лишь частично. При этом число политиков по основной профессии оказалось ничтожным; ими были главным образом избранные депутаты, немногие служащие центрального бюро, журналисты и - во Франции - в остальном те карьеристы, которые находились на "политической" службе или в тот момент стремились к таковой. Формально политика для них оставалась в основном побочной профессией. Да и число "министральных" депутатов было сильно ограничено. То же самое следует сказать и о кандидатах на выборах, которые непременно должны относиться к категории уважаемых граждан. Но число лиц, заинтересованных в политическом предприятии косвенно, прежде всего материально, было весьма велико. Ибо все предписания министерства и прежде всего всякое улаживание вопросов о должностях обязательно должны были решаться с учетом того, как такое решение скажется на выборах, и

любого рода пожеланиям пытались дать ход через посредство местного депутата, которого министр, если депутат входил в его парламентское большинство (к чему, конечно, стремился каждый), должен был выслушать благосклонно или враждебно. Каждый депутат патронировал должности и вообще все вопросы в своем избирательном округе, а чтобы снова быть избранным, поддерживал связь с местными уважаемыми людьми.

Такому идиллическому состоянию господства кругов уважаемых людей, и прежде всего парламентариев, противостоят ныне сильно от него отличающиеся самые современные формы партийной организации. Это детища демократии, избирательного права для масс, необходимости массовой вербовки сторонников и массовой организации, развития полнейшего единства руководства и строжайшей дисциплины. Господству уважаемых людей и управлению через посредство парламентариев приходит конец. Предприятие берут в свои руки политики "по

[674]

основной профессии", находящиеся вне парламентов. Либо это "предприниматели" - например, американский босс и английский "election agent"* были, по существу, предпринимателями, - либо чиновник с постоянным окладом. Формально имеет место широкая демократизация. Уже не парламентская фракция создает основные программы и не уважаемые граждане занимаются выдвижением кандидатов на местах. Кандидатов предлагают собрания организованных членов партии, избирающие делегатов на собрания более высокого уровня, причем таких уровней, завершающихся общим "партийным съездом", может быть много. Но фактически власть находится в руках тех, кто непрерывно ведет работу внутри [партийного] предприятия, или же тех, от кого его функционирование находится в финансовой или личной зависимости, например меценатов или руководителей могущественных клубов политических претендентов ("Таммани-холл"). Главное здесь то, что весь этот человеческий аппарат - "машина" (как его примечательным образом называют в англосаксонских странах) - или, скорее, те, кто им руководит, в состоянии взять за горло парламентариев и в значительной мере навязать им свою волю. Данное обстоятельство имеет особое значение для отбора вождей партии. Вождем становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии.

Партийная свита, прежде всего партийный чиновник и предприниматель, конечно, ждут от победы своего вождя личного вознаграждения - постов или других преимуществ. От него - не от отдельных парламентариев или же не только от них; это главное. Прежде всего они рассчитывают, что демагогический эффект личности вождя обеспечит партии голоса и мандаты в предвыборной борьбе, а тем самым власть и благодаря ей в наибольшей степени расширит возможности получения ожидаемого вознаграждения для приверженцев партии. А труд с верой и личной самоотдачей человеку, не какой-то абстрактной программе какой-то партии, состоящей из посредственностей, является тут идеальным моментом - это "харизматический" элемент всякого вождизма, одна из его движущих сил.

[675]

Данная форма получила признание не сразу, а в постоянной подспудной борьбе с уважаемыми людьми и парламентариями, отстаивающими свое влияние. Сначала это произошло в буржуазных партиях Соединенных Штатов, а затем - прежде всего в социал-демократической партии Германии. Коль скоро в какой-то момент партия оказывается без общепризнанного вождя, поражения следуют одно за другим, но даже если он есть, нужны всякого рода уступки тщеславию и небескорыстию уважаемых людей партии. Но прежде всего и машина может оказаться во власти партийного чиновника, прибравшего к рукам текущую работу. В некоторых социал-демократических кругах считают, что их партия оказалась в плену этой "бюрократизации". Между тем "чиновники" относительно легко приспосабливаются к личности вождя, оказываются под сильным воздействием его демагогических качеств: материальные и идеальные интересы чиновников находятся в тесной связи с ожидаемым получением при его посредстве партийной власти, а труд ради вождя сам по себе приносит огромное внутреннее удовлетворение. Восхождение вождей представляет гораздо большие трудности там, где наряду с чиновниками влияние на партию оказывают уважаемые люди - как это по большей части и бывает в буржуазных партиях. Ибо идеально они "творят свою жизнь" из крошечных постов в правлениях или комитетах, которые они занимают. Завистливое чувство (Ressentiment) по отношению к демагогу как homo novus*, убеждение в превосходстве партийно-

политического "опыта" - который действительно имеет большое значение, - а также идеологическая обеспокоенность разрушением старых партийных традиций определяют их поведение. А в партии на их стороне все традиционалистские элементы. Как сельский прежде всего, так и мелкобуржуазный избиратель приглядываются к известным им с давних пор уважаемым именам и не доверяют незнакомому человеку, правда, для того только, чтобы тем крепче прикнуться к нему в случае его успеха. Рассмотрим на нескольких основных примерах это противоборство двух структурных форм и в особенности обрисованное Остро-горским восхождение плебисцитарной формы.

Сначала обратимся к примеру Англии: там до 1868 г. основу партийной организации почти исключительно

[676]

составляли уважаемые люди. Опорой тори в сельской местности был, например, англиканский священник, а помимо него - в большинстве случаев - школьный учитель и прежде всего крупный землевладелец данного графства; опорой вигам служили, как правило, такие люди, как нонконформистский проповедник (там, где такие были), почтмейстер, кузнец, портной, канатчик, то есть ремесленники, способные стать источником политического влияния, ведь с ними больше всего болтают обо всем. В городе партии разделились в соответствии с партийными воззрениями - частично экономического характера, частично религиозного, частично просто по семейной традиции. Но политическое предприятие всегда базировалось на уважаемых людях. Над ним "парили" парламент и партии совместно с кабинетом и лидером, который был председателем совета министров или главой оппозиции. У этого лидера всегда рядом находился самый важный профессиональный политик партийной организации, "загоняла" (whip*), в чьих руках и был патронаж над должностями. Таким образом, в погоне за ними следовало обращаться именно к нему, об этом он договаривался с депутатами от отдельных избирательных округов. Постепенно в избирательных округах начал формироваться слой профессиональных политиков, ибо тут осуществлялся набор местных агентов, первоначально неоплачиваемых и занимавших примерно то же положение, что и наши "доверенные лица". Но избирательным округам понадобилась также фигура капиталистического предпринимателя - election agent, - совершенно неизбежного в современном английском законодательстве, гарантирующем чистоту выборов. Это законодательство попыталось проконтролировать расходы по выборам и противодействовать власти денег, обязывая кандидатов сообщать, сколько стоили им выборы, ибо кандидат (в куда большей мере, чем это прежде случалось у нас), помимо перенапряжения голоса, имел еще удовольствие раскошелиться. Election agent позволял выплатить всю сумму ему, на чем он, как правило, прилично выгадывал. В расстановке сил между лидером и уважаемыми людьми партии в парламенте и по стране первый с давних пор занимал в Англии весьма солидное положение, на что имела

[677]

важная причина: его способность проводить большую политику, и к тому же политику постоянную. Однако и влияние парламентариев и уважаемых людей партии еще сохранялось.

Так примерно выглядела старая партийная организация - наполовину хозяйство уважаемых людей, наполовину уже предприятие служащих и предпринимателя. Но с 1868 г. сначала для местных выборов в Бирмингеме, а затем и по всей стране сформировалась система Caucus* . Создали ее один нонконформистский священник и Джозеф Чемберлен. Поводом для этого явилась демократизация избирательного права. Чтобы привлечь на свою сторону наибольшее число избирателей, завоевать массы, необходимо было создать чудовищный аппарат союзов, имевших демократический облик, образовать избирательный союз в каждом городском квартале, держать это предприятие в непрерывном движении, все жестко бюрократизировать: больше становится наемных оплачиваемых чиновников, главных посредников между партийным союзом и массами с правом кооптации как формальных проводников партийной политики, избираемых местными избирательными комитетами, которые в скором времени объединили в целом около 10% избирателей. Движущей силой оставались местные представители, заинтересованные прежде всего в коммунальной политике, всюду позволяющей отхватить для себя самый жирный кусок. Они же в первую очередь пополняли финансы. Эта заново формирующаяся машина, независимая уже от парламентского руководства, в самом скором времени должна была повести борьбу с прежними носителями власти, прежде всего с whip'OM, и,

опираясь на заинтересованных лиц на местах, одержала в этой борьбе такого рода победу, что whip вынужден был приспособиться и объединиться с ней. В результате вся власть сконцентрировалась в руках немногих, в конечном счете - одного лица, стоявшего во главе партии. Ибо в либеральной партии указанная система возникла в связи с приходом Гладстона к власти. Именно ослепительный блеск Гладстоновой "большой" демагогии, непоколебимая вера масс в этическое содержание его политики и прежде всего в этический характер личности Гладстона привели эту машину к

столь стре-

[678]

нительной победе над уважаемыми людьми. В действие вступил цезаристски-плебисцитарный элемент политики: диктатор на поле избирательной битвы. Данное явление обнаружило себя очень скоро. В 1877 г. Caucus впервые действовал на государственных выборах. Результат был блестящий: крушение Дизраэли в самую пору его больших успехов. В 1886 г. машина была уже настолько харизматически ориентирована на личность, что, когда встал вопрос о Гомруле, весь аппарат, сверху донизу, не спрашивал: стоим ли мы объективно на платформе Гладстона? Аппарат просто совершал повороты по слову Гладстона, заявив: "Что бы он ни делал, мы ему подчинимся", - и изменил своему создателю, Чемберлену.

Этому механизму потребовался значительный аппарат сотрудников. Как-никак в Англии около 2000 человек живут непосредственно за счет политики партий. Правда, гораздо более многочисленны те, кто участвует в политике лишь в погоне за должностями или в качестве претендента [на выборах], особенно в рамках общинной политики. Наряду с экономическими возможностями у умелого политика, связанного с Caucus, имеются возможности удовлетворить свое тщеславие. Статья "J. P."* или даже "M. P."** - естественное стремление высшего (нормального) честолюбия, и таким людям, которые продемонстрировали хорошее воспитание, были "gentlemen", это выпадает на долю. Высшая награда, манящая в особенности крупных меценатов, - бюджет партии, пожалуй, на 50% состоял из взносов неизвестных дарителей, - достоинство пэра.

Каков же был эффект новой системы? Тот, что ныне английские парламентарии, за исключением нескольких членов кабинета (да каких-нибудь чудаков), суть не что иное, как отлично дисциплинированное голосующее стадо. У нас в Рейхстаге политики обычно, хотя бы разбираясь с частной корреспонденцией, лежащей у них на письменном столе, притворялись, что радеют о благе страны. Такого рода жесты в Англии не требуются; член парламента должен лишь голосовать и не совершать предательства партии; он должен появиться по требованию "зазывалы" и делать то, что ему прикажет в данный момент кабинет или лидер оппозиции. Caucus-

[679]

машина, охватывающая всю страну, в особенности если в наличии есть сильный вождь, почти беспринципна и полностью в его руках. Итак, тем самым над парламентом возвышается фактически плебисцитарный диктатор, который посредством "машины" увлекает за собой массы и для которого парламентарии суть всего лишь политические пребендарии, составляющие его свиту.

Как же происходит отбор этих вождей? Прежде всего: в соответствии с какой способностью? Конечно, определяющей здесь (наряду с волей, имеющей решающее значение во всем мире) является власть демагогической речи. Ее характер изменился с тех времен, когда она, как, например, у Кобдена, обращалась к рассудку. Гладстон искусно придавал речи внешне прозаический вид: "Пускай говорят факты". В настоящее же время, чтобы привести массы в движение, работа куда в большей мере ведется чисто эмоционально, при помощи средств, применяемых и Армией спасения. Данное положение можно, пожалуй, назвать "диктатурой, покоящейся на использовании эмоциональности масс". Но весьма развитая система комитетской работы в английском парламенте открывает возможность и даже принуждает каждого политика, рассчитывающего на участие в руководстве, тоже работать в комитетах. У всех видных министров последних десятилетий за плечами реальная и действенная выучка такой работы, а практика отчетности таких совещаний и их общественной критики приводит к тому, что эта школа означает подлинный отбор [политиков] и исключает просто демагогов.

Так обстоит дело в Англии. Но английская Caucus-система представляла собой лишь ослабленную форму партийной организации, в сравнении с американской, особенно рано и особенно чисто выразившей плебисцитарный принцип. Америка

Вашингтона должна была по идее представлять собой сообщество, управляемое "gentlemen'ами". А gentlernen'ом и там в то время являлся землевладелец или человек, получивший образование в колледже. Так все и шло на первых порах. Когда образовались партии, члены палаты представителей сначала претендовали быть руководителями, как и в Англии в эпоху господства уважаемых людей. Организация партий была совершенно рыхлой. Это продолжалось до 1824 г. Уже к началу двадцатых годов произошло становление партийной машины во многих аме-

[680]

риканских общинах (которые и здесь оказались местом возникновения современной тенденции). Но только избрание президентом Эндрю Джэксона, кандидата крестьян Запада, подорвало старые традиции. Формальный предел руководству партиями со стороны ведущих парламентариев был положен уходом, вскоре после 1840 г., из политической жизни крупных парламентариев - Колхауна, Уэбстера, - ибо по всей стране парламент в сравнении с партийной машиной потерял почти всякую власть. Столь раннее развитие в Америке плебисцитарной "машины" объяснялось тем, что там, и только там, главой исполнительной власти и - в том-то и дело - шефом патронажа над должностями оказался плебисцитарно избранный президент и что вследствие "разделения властей" он при исполнении должности был почти независим от парламента. Итак, именно при президентских выборах победа обещала в качестве награды подлинную добычу-доходные должности. Так Эндрю Джэксон возвел в систематически повсюду применяемый принцип "spoils system".

Что же означает ныне эта spoils system - наделение всеми федеральными должностями свиты победившего кандидата - для формирования партии? То, что противостоят друг другу совершенно беспринципные партии, сугубо карьеристские организации, которые для каждой предвыборной борьбы составляют свои меняющиеся программы всякий раз в зависимости от шансов заполучить голоса - программы столь изменчивые, что такого положения, несмотря на все аналогии, больше нигде нет. Партии полностью и исключительно сориентированы на важнейшую для патронажа над должностями предвыборную борьбу: борьбу за пост федерального президента и за посты губернаторов отдельных штатов. Программы и кандидаты определяются на "national conventions"* партий без вмешательства парламентариев - то есть партийными съездами, состав которых формально весьма демократично избран собраниями делегатов, обязанных, в свою очередь мандатом "primaries", первичным собраниям избирателей партии. Уже в ходе primaries выбираются делегаты для голосования за определенного кандидата в главы государства; внутри отдельных партий идет ожесточеннейшая борьба по

[681]

вопросу о "nomination"* . Как-никак, в руках президента сосредоточено назначение от 300000 до 400000 чиновников, которое он осуществляет только с привлечением сенаторов от отдельных штатов. Таким образом, сенаторы - могущественные в Америке политики. Напротив, палата представителей политически относительно безвластна, ибо она лишена патронажа над должностями, а министры - только помощники президента, легитимированного народом помимо всех (в том числе и парламента), - могут выполнять свои обязанности независимо от доверия или недоверия [палаты представителей] (следствие "разделения властей").

Основанная на этом spoils system стала технически возможна в Америке, ибо при молодости американской культуры можно было вынести сугубо дилетантское хозяйство. Ведь от 300 000 до 400 000 таких сторонников партии, которые не имели нужды ничем иным подтверждать свою квалификацию, кроме как тем, что они хорошо послужили партии, - эта ситуация не могла существовать без чудовищных беспорядков: не имеющих себе равных коррупции и расточительства, которые вынесла только страна с еще неограниченными экономическими возможностями.

Итак, фигурой, всплывающей на поверхность вместе с этой системой плебисцитарной партийной машины, является "босс". Что такое босс? Политический капиталистический предприниматель, который на свой страх и риск обеспечивает голоса кандидату в президенты. Свои первые связи он может установить или в качестве адвоката, или как трактирщик или владелец подобных предприятий, или, например, как кредитор. Отсюда он продолжает плести свои нити, пока не окажется в состоянии "контролировать" определенное количество голосов. Добившись этого, он вступает в контакт с соседними боссами, привлекая своим усердием и ловкостью, но прежде всего - скромностью - внимание тех, кто уже добился большего в карьере, и совершает восхождение. Босс необходим для организации партии. Он прибирает ее к своим рукам. Весьма существенным образом босс обеспечивает ее

средствами. Как он на них выходит? Частично через членские взносы, но прежде всего через обложение налогом окладов тех чиновников, которые

[682]

получили должность благодаря ему и его партии. Далее: через взятки и чаевые. Если кто-то захочет безнаказанно нарушить один из многочисленных законов, ему понадобится снисходительность босса, а за нее надо платить. Иначе у него неизбежно возникнут неприятности. Однако одно это еще не обеспечивает требуемого для предприятия капитала. Босс необходим как непосредственный получатель денег от крупных финансовых магнатов. Они бы вообще не доверили деньги для избирательных целей какому-нибудь оплачиваемому партийному чиновнику или общественно-подотчетному человеку. Босс с его разумной скромностью в денежных делах является, конечно, человеком тех капиталистических кругов, которые финансируют выборы. Типичный босс - абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; "профессионал" презираем в "приличном обществе". Он ищет только власти, власти как источника денег, но также и ради нее самой. Он трудится в тени - в противоположность английскому лидеру. Его публичную речь не услышишь; ораторам босс внушает, что они целесообразным способом должны высказать, но сам молчит. Как правило, он не занимает постов, за исключением поста сенатора в федеральном сенате. Ибо поскольку сенаторы, согласно конституции, участвуют в патронаже над должностями, руководящие боссы часто лично заседают в этом органе. Раздача должностей происходит в первую очередь в соответствии с заслугами перед партией. Однако за деньги часто можно было получить больше, и для каждой должности существовала определенная такса: это система продажи должностей, известная, конечно, многим монархиям XVII и XVIII вв., включая Папскую область.

Босс не имеет твердых политических "принципов", он совершенно беспринципен и интересуется лишь одним: что обеспечит ему голоса? Нередко это весьма дурно воспитанный человек. Но в своей частной жизни он обычно безупречен и корректен. Лишь в том, что касается политической этики, он естественным образом приспособляется к среднему уровню наличествующей этики политического действия, поступая так, как и многим из нас не возбранялось бы повести себя в сфере этики экономической в эпоху спекулянтов и мешочников. Босса отнюдь не тревожит, что в качестве "профессионала", профессионального политика, его презирают в

[683]

обществе. То обстоятельство, что сам он не получает и не намеревается заполучить крупные федеральные посты, имеет к тому же следующее преимущество: нередко, если боссам кажется, что от этого притягательность партии во время выборов повысится, в кандидаты попадают чуждые партии умы, то есть выдающиеся личности, а не только все тот же нобилитет партийных старейшин, как у нас. Именно структура таких беспринципных партий с их презираемыми в обществе властью имущими дала возможность стать президентами дельным людям, которые бы у нас никогда не сделали подобной карьеры. Конечно, боссы противятся "аутсайдеру", который мог бы представлять опасность для источников их денег и власти. Однако в конкурентной борьбе за доверие избирателей им нередко приходилось соглашаться с выдвижением таких кандидатов, которые считались борцами с коррупцией.

Итак, речь идет о могущественном капиталистическом, насквозь заорганизованном сверху донизу партийном предприятии, опирающемся также на чрезвычайно крепкие, организованные подобно ордену клубы типа "Таммани-холл", целью которых является исключительно достижение прибыли через политическое господство прежде всего над коммунальным управлением, представляющим и здесь важнейший объект эксплуатации. Такая структура партийной жизни была возможна вследствие высокого уровня демократии в Соединенных Штатах, как своего рода "целине". Теперь эта взаимосвязь ведет к тому, что данная система находится в состоянии постепенного отмирания. Америкой больше не могут управлять только дилетанты. Еще 15 лет назад (в 1904 г. - Прим. перев.) на вопрос: почему американские рабочие позволяют так управлять собою политикам, о презрении к которым они сами же и заявляют, - следовал ответ: "Пусть лучше чиновниками будут люди, на которых мы плюем, чем как у вас, каста чиновников, которая плюет на нас". Это старая позиция американской "демократии": социалисты уже тогда думали совершенно иначе. Но такое состояние стало невыносимым. Дилетантское управление оказалось недостаточным, и Civil Service Reform* все больше увеличивала

количество пожизненных мест, дающих право на получение пенсии, при-водя таким образом к тому, что посты начали занимать

[684]

университетски образованные чиновники, столь же неподкупные и знающие свое дело, как и наши. Около 100000 постов теперь уже не являются "трофеями" избирательного цикла, но дают право на пенсии и требуют свидетельства о квалификации. Это обстоятельство постепенно вытеснит spoils system, а тогда, пожалуй, преобразуется и способ руководства партиями; мы только еще не знаем - как.

В Германии до сих пор решающими условиями политического предприятия являлись, в основном, следующие. Во-первых: бессилие парламентов, в результате чего никто из обладавших качествами вождя в течение длительного времени не мог сюда попасть. Допустим, он захотел бы стать членом парламента - что бы он стал там делать? Когда освобождалось место в канцелярии, соответствующему начальнику управления можно было сказать: в моем избирательном округе есть весьма толковый человек, он бы подошел, возьмите-ка его. И его охотно брали на освободившееся место. Вот, в общем-то, все, чего мог достигнуть немецкий парламентарий для удовлетворения своих инстинктов власти - если у него таковые имелись. Следует также учесть - и этот второй момент обуславливал первый - огромное значение в Германии вышколенного профессионального чиновничества. Здесь мы были первыми в мире. Поэтому профессиональное чиновничество претендовало не только на места чиновников-специалистов, но и на министерские посты. Соответствующая формула была найдена в прошлом году в баварском ландтаге, когда предметом дискуссии стала парламентаризация: одаренные люди больше не согласятся быть чиновниками, если парламентариев станут выдвигать на министерские посты. Кроме того, чиновничье управление в Германии систематически уклонялось от такого рода контроля, каким являются в Англии разъяснения комитета, и таким образом лишало парламенты способности (за немногими исключениями) растить в своей среде действительно толковых начальников управлений.

Третьим отличительным моментом было то, что, в противоположность Америке, мы в Германии имели принципиальные партии, которые по меньшей мере с субъективной bona tides* утверждали, что их члены

[685]

являются носителями "мировоззрения". Однако из этих партий две важнейшие: с одной стороны, партия центра, с другой стороны, социал-демократия - были прирожденными партиями меньшинства, и именно умышленно. Руководящие круги партии центра в Рейхе никогда не скрывали, что они против парламентаризма из-за боязни оказаться в меньшинстве, так как тогда им было трудно по-прежнему, через давление на правительство, устраивать карьеристов. Социал-демократия оставалась принципиальной партией меньшинства и помехой парламентаризации, ибо не хотела маршиться о существующий буржуазный политико-гражданский порядок. То обстоятельство, что обе эти партии исключили себя из парламентарной системы, сделало последнюю невозможной.

Чем же в таком случае стали заниматься немецкие профессиональные политики? У них не было ни власти, ни ответственности, они могли играть лишь весьма подчиненную роль уважаемых людей и в результате снова оказались во власти самых типичных цеховых инстинктов. В кругу этих уважаемых людей, вся жизнь которых заключалась в их крошечных постах, невозможно было выдвинуться чужеродному человеку. Я мог бы в любой партии, не исключая, конечно, и социал-демократию, назвать множество имен, каждое из которых символизирует трагедию политической карьеры человека, имевшего качества вождя и вследствие этого непереносимого уважаемыми людьми. Все наши партии прошли путь превращения в корпорацию уважаемых людей. Например, Бебель, как бы ни был скуден его интеллект, являлся еще вождем по своему темпераменту и искренности. Вследствие того что Бебель был мучеником, что никогда (по мнению масс) не обманывал их доверия, он всецело полагался на них, и не было в партии силы, способной всерьез выступить против него. С его смертью ситуация в партии изменилась: началось господство чиновников, и все чаще давали о себе знать чиновничьи инстинкты. К власти пришли профсоюзные чиновники, партийные секретари, журналисты, чиновничество в высшей степени порядочное (можно сказать, на редкость порядочное, имея в виду положение в других странах, особенно продажных, как правило, чиновников в Америке), -однако и рассмотренные выше последствия господства чиновников все чаще имели место в партии.

[686]

Начиная с восьмидесятых годов, буржуазные партии полностью превратились в корпорации уважаемых людей. Правда, время от времени они должны были в рекламных целях привлекать умы, стоящие вне партий, чтобы потом иметь возможность сказать: "В наших рядах есть такие-то и такие-то имена". Но именно их-то они и старались по возможности не допустить к участию в выборах, и не получалось это лишь там, где указанные лица действовали жестко.

Тот же дух господствовал и в парламенте. Наши парламентские партии были и остаются корпорациями. Каждая речь, произносимая на заседании Рейхстага, предварительно целиком подвергалась партийному рецензированию. Это можно заметить по ее неслышанной скуке. Получить слово мог лишь тот, кто был заявлен в качестве оратора. Вряд ли можно придумать более глубокую противоположность английским, а также (по совершенно противоположным причинам) французским парламентским традициям.

Вследствие катастрофы, которую обыкновенно именуют революцией, сейчас, может быть, совершается некое преобразование. Но "может быть" не значит "определенно". Прежде всего, появились ростки новых типов партийного аппарата. Во-первых, аппарат любителей-дилетантов. Особенно часто он представлен студентами различных высших школ, которые говорят какому-нибудь человеку, вменяя ему качества вождя: мы хотим выполнять нужную для вас работу, изложите, что мы должны делать. Во-вторых, аппарат деловых людей. Случалось так, что люди приходили к какому-нибудь человеку, в котором они усматривали качества вождя, и предлагали ему взять на себя вербовку избирателей в обмен на твердую сумму за каждый голос. Если бы вы попросили меня честно ответить, какой из этих двух аппаратов я бы посчитал более надежным с сугубо технически-политической точки зрения, то я, видимо, предпочел бы второй его вариант. Однако и тот, и другой были всего лишь быстро всплывающими пузырями, которые тут же снова исчезали. Существующий аппарат произвел перегруппировку, продолжая работать. Все эти явления были всего лишь симптомами того, что новые виды партийного аппарата, быть может, и возникли, если бы только в наличии имелись вожди. Однако их выдвижение исключалось уже техническим своеобра-

[687]

зием системы пропорционального избирательного права. Появлялся - и тут же снова исчезал - только один-другой уличный диктатор. И только свита уличной диктатуры организована прочной дисциплиной - отсюда и власть этих исчезающих меньшинств.

Предположим, дело приняло бы иной оборот. Тогда, в соответствии со сказанным выше, следует подчеркнуть: руководство партиями со стороны плебисцитарных вождей обуславливает "обездушивание" свиты, ее, можно было бы сказать, духовную пролетаризацию. Чтобы подойти вождю в качестве аппарата, свита должна слепо повиноваться, быть машиной по-американски, без помех, вызываемых тщеславием уважаемых людей, или претензий, как следствий собственных взглядов. Избрание Линкольна стало возможным лишь благодаря такой специфике партийной организации, а в случае с Гладстоном, как уже говорилось, то же самое произошло в Saucelis'e. Вот та цена, которую приходится платить за руководство вождя. Но выбирать можно только между вождистской демократией с "машиной" и демократией, лишенной вождей, то есть господством "профессиональных политиков" без призвания, без внутренних, харизматических качеств, которые и делают человека вождем. Последнее же предвещает то, что нынешняя партийная фронда обычно называет господством "клики". Пока что мы в Германии только это последнее и имеем. А благоприятной предпосылкой продолжения того же и в будущем, по меньшей мере в Рейхе, является, во-первых, то, что Бундесрат, видимо, возродится и с необходимостью начнет ограничивать власть Рейхстага, а тем самым и его значение как места отбора вождей. Далее: пропорциональное избирательное право в его нынешней форме - типичное явление для демократии, лишенной вождей, не только потому что оно способствует закулисным местническим сделкам уважаемых людей, но и потому, что впоследствии дает союзам претендентов возможность настоять на занесении своих чиновников в списки и таким образом создать неполитический парламент, в котором нет места подлинным вождям. Единственной отдушиной для потребности в вожде мог бы стать рейкс-президент, если избирать его будет не парламент, а плебисцит. Проверка на деле могла бы стать основой для возникновения и отбора вождей, прежде всего если бы в крупных общинах, как, например, в Соединенных

[688]

Штатах, везде, где хотели серьезно взяться за коррупцию, на поверхность всплывал плебисцитарный городской диктатор с правом самостоятельно подбирать себе бюро. Это обусловило бы приспособление партийной организации к такого рода выборам. Но из-за сугубо мелкобуржуазной враждебности к вождям со стороны всех партий, включая прежде всего социал-демократию, будущие способы формирования партий, а тем самым и все эти возможности еще покрыты мраком неизвестности.

И потому сегодня совершенно неясно, какую внешнюю форму примет предприятие политики как "профессии", а потому - еще менее известно, где открываются шансы для политически одаренных людей заняться решением удовлетворительной для них политической задачи. У того, кого имущественное положение вынуждает жить "за счет" политики, всегда, пожалуй, будет такая альтернатива: журналистика или пост партийного чиновника как типичные прямые пути; или же альтернатива, связанная с представительством интересов: в профсоюзе, торговой палате, сельскохозяйственной палате, ремесленной палате, палате по вопросам труда, союзах работодателей и т. д., или же подходящие посты в коммунальном управлении. Ничего больше о внешней стороне данного предмета сказать нельзя, кроме того лишь, что партийный чиновник, как и журналист, имеет скверную репутацию "деклассированного". Увы, если прямо этого им и не скажут, все равно у них будет гудеть в ушах: "продажный писатель", "наемный оратор"; тот, кто внутренне безоружен против такого к себе отношения и неспособен самому себе дать правильный ответ, тот пусть лучше подальше держится от подобной карьеры, ибо, во всяком случае, этот путь, наряду с тяжкими искушениями, может принести постоянные разочарования.

Так какие же внутренние радости может предложить карьера "политика" и какие личные предпосылки для этого она предполагает в том, кто ступает на данный путь?

Прежде всего, она дает чувство власти. Даже на формально скромных должностях сознание влияния на людей, участия во власти над ними, но в первую очередь - чувство того, что и ты держишь в руках нерв исторически важного процесса, - способно поднять профессионального политика выше уровня повседневности. Однако здесь перед ним встает вопрос: какие его качества дают

[689]

ему надежду справиться с властью (как бы узко она ни была очерчена в каждом отдельном случае) и, следовательно, с той ответственностью, которую она на него возлагает? Тем самым мы вступаем в сферу этических вопросов; ибо именно к ним относится вопрос, каким надо быть человеку, дабы ему позволительно было возложить руку на спицы колеса истории.

Можно сказать, что в основном три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности, глазомер. Страсть - в смысле ориентации на существо дела (Sachlichkeit): страстной самоотдачи "делу", тому богу или демону, который этим делом повелевает. Не в смысле того внутреннего образа действий, который мой покойный друг Георг Зиммель обычно называл "стерильной возбужденностью", свойственной определенному типу прежде всего русских интеллектуалов (но отнюдь не всем из них!), и который ныне играет столь заметную роль и у наших интеллектуалов в этом карнавале, украшенном гордым именем "революции": утекающая в пустоту "романтика интеллектуально занимательного" без всякого делового чувства ответственности, ибо одной только страсти, сколь бы подлинной она ни казалась, еще, конечно, недостаточно. Она не сделает вас политиком, если, являясь служением "делу", не сделает ответственность именно перед этим делом главной путеводной звездой вашей деятельности. А для этого - в том-то и состоит решающее психологическое качество политика - требуется глазомер, способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям. "Отсутствие дистанции", только как таковое, - один из смертных грехов всякого политика, - и есть одно из тех качеств, которые воспитывают у нынешней интеллектуальной молодежи, обрекая ее тем самым на неспособность к политике. Ибо проблема в том и состоит: как можно втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер? Политика "делается" головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души. И все же самоотдача политике, если это не фривольная интеллектуальная игра, но подлинное человеческое деяние, должна быть рождена и вскормлена только страстью. Но полное обуздание души, отличающее страстного политика и разводящее его со "стерильно возбуж-

денным" политическим дилетантом, возможно лишь благодаря привычке к дистанции - в любом смысле слова. "Сила" политической "личности" в первую очередь означает наличие у нее этих качеств.

И потому политик ежедневно и ежечасно должен одолевать в себе совершенно тривиального, слишком "человеческого" врага: обыкновеннейшее тщеславие, смертного врага всякой самоотдачи делу и всякой дистанции, что в данном случае значит: дистанции по отношению к самому себе.

Тщеславие есть свойство весьма распространенное, от которого не свободен, пожалуй, никто. А в академических и ученых кругах - это род профессионального заболевания. Но как раз что касается ученого, то данное свойство, как бы антипатично оно ни проявлялось, относительно безобидно в том смысле, что, как правило, оно не является помехой научному предприятию. Совершенно иначе обстоит дело с политиком. Он трудится со стремлением к власти как необходимому средству. Поэтому "инстинкт власти", как это обычно называют, действительно относится к нормальным качествам политика. Грех против святого духа его призвания начинается там, где стремление к власти становится неделовым (unsachlich), предметом сугубо личного самоопьянения, вместо того чтобы служить исключительно "делу". Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела (Unsachlichkeit) и - что часто, но не всегда то же самое - безответственность. Тщеславие, то есть потребность по возможности часто самому появляться на переднем плане, сильнее всего вводит политика в искушение совершить один из этих грехов или оба сразу. Чем больше вынужден демагог считаться с "эффектом", тем больше для него именно поэтому опасность стать фиглярком или не принимать всерьез ответственности за последствия своих действий и интересоваться лишь произведенным "впечатлением". Его неделовитость навязывает ему стремление к блестящей видимости власти, а не к действительной власти, а его безответственность ведет к наслаждению властью как таковой, вне содержательной цели. Ибо хотя или, точнее, именно потому, что власть есть необходимое средство, а стремление к власти есть поэтому одна из движущих сил всякой политики, нет более пагубного искажения политической силы,

чем бахвальство выскочки властью и тщеславное самолюбование чувством власти, вообще всякое поклонение власти только как таковой. "Политик одной только власти", культ которого ревностно стремятся создать и у нас, способен на мощное воздействие, но фактически его действие уходит в пустоту и бессмысленность. И здесь критики "политики власти" совершенно правы. Внезапные внутренние катастрофы типичных носителей подобного убеждения показали нам, какая внутренняя слабость и бессилие скрываются за столь хвастливым, но совершенно пустым жестом. Это - продукт в высшей степени жалкого и поверхностного чванства в отношении смысла человеческой деятельности, каковое полностью чужеродно знанию о трагизме, с которым в действительности сплетены все деяния, и в особенности - деяния политические.

Исключительно верно именно то, и это основной факт всей истории (более подробное обоснование здесь невозможно), что конечный результат политической деятельности часто, нет - пожалуй, даже регулярно оказывался в совершенно неадекватном, часто прямо-таки парадоксальном отношении к ее изначальному смыслу. Но если деятельность должна иметь внутреннюю опору, нельзя, чтобы этот смысл - служение делу - отсутствовал. Как должно выглядеть то дело, служа которому, политик стремится к власти и употребляет власть, - это вопрос веры. Он может служить целям национальным или общечеловеческим, социальным и этическим или культурным, внутримирским или религиозным, он может опираться на глубокую веру в "прогресс" - все равно в каком смысле - или же холодно отвергать этот сорт веры, он может притязать на служение "идее" или же намереваться служить внешним целям повседневной жизни, принципиально отклоняя вышеуказанное притязание, - но какая-либо вера должна быть в наличии всегда. Иначе - и это совершенно правильно - проклятие ничтожества твари тяготеет и над самыми, по видимости мощными, политическими успехами.

Сказанное означает, что мы уже перешли к обсуждению последней из занимающих нас сегодня проблем: проблемы этоса политики как "дела". Какому профессиональному призванию может удовлетворить она сама, совершенно независимо от ее целей, в рамках совокупной нравственной экономики ведения жизни? Каково,

так сказать, то этические место, откуда она родом? Здесь, конечно, сталкиваются друг с другом последние мировоззрения, между которыми следует в конечном счете совершить выбор. Итак, давайте энергично возьмемся за проблему, поднятую недавно опять, по моему мнению, совершенно превратным образом.

Однако избавимся прежде от одной совершенно тривиальной фальсификации. А именно, этика может сначала выступать в роли в высшей степени фатальной для нравственности. Приведем примеры. Редко можно обнаружить, чтобы мужчина, отвращая свою любовь от одной женщины и обращая ее на другую, не чувствовал бы потребности оправдаться перед самим собой, говоря: "она была недостойна моей любви", или: "она меня разочаровала", либо же приводя какие бы то ни было другие "основания". Неблагородство присочиняет себе "законное оправдание" ("Legitirnitat") для простой ситуации: он больше не любит ее, и женщина должна это вынести; это "законное оправдание", в силу которого мужчина притязает на некое право и, помимо несчастья, жаждет свалить на женщину еще и неправоту, с глубоким неблагородством присочиняется. Точно так же действует и удачливый эротический конкурент: противник должен быть никчемнейшим, иначе бы он не был побежден. Но очевидно, что и после любой победоносной для кого-то войны дело обстоит таким же образом, когда победитель с недостойным упрямством высказывает претензию: я победил, ибо я был прав. Или если кого-то среди ужасов войны постигает душевный крах, и он, вместо того чтобы просто сказать, что всего этого было уж слишком много, чувствует ныне потребность оправдать перед самим собой свою усталость от войны и совершает подмену: я потому не мог этого вынести, что вынужден был сражаться за безнравственное дело. И так же обстоит дело с побежденными в войне. Вместо того чтобы - там, где сама структура общества породила войну, - как старые бабы, искать после войны "виновного", следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: "Мы проиграли войну - вы ее выиграли. С этим теперь все решено: давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми деловыми интересами, которые были задействованы, и - самое главное - ввиду той ответственности перед будущим, которая тяготеет прежде всего над победителем". Все

остальное недостойно, и за это придется поплатиться. Нация простит ущемление ее интересов, но не оскорбление ее чести, в особенности если оскорбляют ее прямо-таки поповским упрямством. Каждый новый документ, появляющийся на свет спустя десятилетия, приводит к тому, что с новой силой раздаются недостойные вопли, разгораются ненависть и гнев. И это вместо того, чтобы окончание войны похоронило ее по меньшей мере в нравственном смысле. Такое возможно лишь благодаря ориентации на дело и благородству, но прежде всего лишь благодаря достоинству. Но никогда это не будет возможно благодаря "этике", которая в действительности означает унижительное состояние обеих сторон. Вместо того чтобы заботиться о том, что касается политика: о будущем и ответственности перед ним, этика занимается политически стерильными - в силу своей неразрешимости - вопросами вины в прошлом. Если и есть какая-либо политическая вина, то она именно в этом-то и состоит. Кроме того, в данном случае упускается из виду неизбежная фальсификация всей проблемы весьма материальными интересами: заинтересованностью победителя в наибольшем выигрыше - моральном и материальном - и надеждами побежденного выторговать себе преимущества признаниями вины: если и есть здесь нечто "подлое", то именно это, а это - следствие данного способа использования "этики" как средства упрямо утверждать свою правоту.

Но каково же тогда действительное отношение между этикой и политикой? Неужели между ними, как порой говорилось, нет ничего общего? Или же, напротив, следует считать правильным, что "одна и та же" этика имеет силу и для политического действия, как и для любого другого? Иногда предполагалось, что это два совершенно альтернативных утверждения: правильно либо одно, либо другое. Но разве есть правда в том, что хоть какой-нибудь этикой в мире могли быть выдвинуты содержательно тождественные заповеди применительно к эротическим и деловым, семейным и служебным отношениям, отношениям к жене, зеленщице, сыну, конкурентам, другу, подсудимым? Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства - власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи

большевизма и "Спартак", именно потому что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима? Чем отличается полемика большеинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов? Благородными намерениями! - следует ответ. Хорошо. Но ведь речь здесь идет именно о средстве, а на благородство конечных намерений совершенно так же притязают с полной субъективной честностью и уязвляемые враждой противники. "Кто взялся за меч, от меча и погибнет", а борьба есть везде борьба. Итак: этика Нагорной проповеди? Что касается Нагорной проповеди - имеется в виду абсолютная этика Евангелия, - то дело обстоит более серьезно, чем полагают те, кто сегодня охотно цитирует данные заповеди. С этим не шутят. К абсолютной этике относится все то же, что было сказано о каузальности в науке: это не фиакр, который можно остановить в любой момент, чтобы входить и выходить по своему усмотрению. Но все или ничего: именно таков ее смысл, если считать, что нечто другое окажется тривиальностью. И вот, например, богатый юноша: "Он же отошел с печалью, потому что у него было большое имение". Евангельская заповедь безусловна и однозначна: отдай то, что ты имеешь, - все, совершенно все. Политик скажет: это социально бессмысленное требование, пока оно не осуществляется для всех. Итак: налогообложение, разорение налогами (Wegsteuerung), конфискация - одним словом: насилие и порядок против всех. Но этическая заповедь об этом вообще не спрашивает, такова ее сущность. Или: "Подставь другую щеку!" - безусловная заповедь не задается вопросом, каким же это образом другому приличествует бить. Этика отсутствия достоинства - разве только для святого. Так и есть: следует быть святым во всем, хотя бы по намерениям, следует жить, как Иисус, апостолы, святой Франциск и ему подобные, тогда данная этика имеет смысл, тогда она является выражением некоего достоинства. В противном случае - нет. Ибо если вывод акосмической этики любви гласит: "Не противостоять злу насилием", - то для политика имеет силу

прямо противоположное: ты должен насильственно противостоять злу, иначе за то, что зло возьмет верх, ответствен ты. Пусть тот, кто хочет действовать в соответствии с этикой Евангелия, воздержится от забастовок - ибо это насилие - и вступает в желтые профсоюзы. И пусть он, прежде всего, не говорит о "революции". Ибо данная этика отнюдь не намерена учить тому, что именно гражданская война есть единственно законная (legitime) война. Пацифист, действующий в соответствии с Евангелием, отвергнет или отринет оружие (как это рекомендовалось в Германии) по велению этического долга: чтобы положить конец данной войне и тем самым всякой войне. Политик же скажет: единственно надежным средством дискредитировать войну на весь обозримый период был бы мир на основании статус-кво. Тогда бы народы спросили себя: для чего велась эта война? Она была бы доведена ad absurdum - что ныне невозможно. Ибо для победителей - по меньшей мере части их - она будет политически выгодна. И за это несет ответственность то поведение, которое сделало для нас невозможным любое сопротивление. Теперь же, когда пройдет эпоха истощения, дискредитированным окажется мир, а не война - вот следствие абсолютной этики.

Наконец, долг правдивости. Для абсолютной этики он безусловен. Итак, отсюда следует вывод о необходимости публиковать все документы, прежде всего изобличающие собственную страну, а на основе этой односторонней публикации признавать вину в одностороннем порядке, безусловно, без оглядки на последствия. Политик же обнаружит в данном случае, что в результате истина не раскрывается, но надежно затемняется злоупотреблением и разжиганием страстей: что плоды могло бы принести только всестороннее планомерное исследование проблемы незаинтересованными сторонами; любой другой подход мог бы иметь для нации, которая его использует, последствия, непоправимые в течение десятилетий. Но абсолютная этика именно о "последствиях-то" и не спрашивает.

В этом все и дело. Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности". Не в том смысле, что этика

убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности - тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения -: на языке религии: "Христианин поступает как должно, а в отношении результата уповаает на Бога", или же действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) последствия своих действий. Как бы убедительно ни доказывали вы действующему по этике убеждения синдикалисту, что вследствие его поступков возрастут шансы на успех реакции, усилится угнетение его класса, замедлится дальнейшее восхождение этого класса, на него это не произведет никакого впечатления. Если последствия действия, вытекающего из чистого убеждения, окажутся скверными, то действующий считает ответственным за них не себя, а мир, глупость других людей или волю Бога, который создал их такими. Напротив, тот, кто исповедует этику ответственности, считается именно с этими заурядными человеческими недостатками, - он, как верно подметил Фихте, не имеет никакого права предполагать в них доброту и совершенство, он не в состоянии сваливать на других последствия своих поступков, коль скоро мог их предвидеть. Такой человек скажет: эти следствия вменяются моей деятельности. Исповедующий этику убеждения чувствует себя "ответственным" лишь за то, чтобы не гасло пламя чистого убеждения, например, пламя протеста против несправедливости социального порядка. Разжигать его снова и снова - вот цель его совершенно иррациональных с точки зрения возможного успеха поступков, которые могут и должны иметь ценность только как пример.

Но и на этом еще не покончено с проблемой. Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение "хороших" целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель "освящает" этически опасные средства и побочные следствия. Главное средство политики - насилие, а сколь важ-

[697]

но напряжение между средством и целью с этической точки зрения - об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты (циммервальдской ориентации) уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: "Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но никакой революции, то мы выберем еще несколько лет войны!" Если бы еще был задан вопрос: "Что может дать эта революция?", то всякий поднаторевший в науке социалист ответил бы, что о переходе к хозяйству, которое в его смысле можно назвать социалистическим, не идет и речи, но что должно опять-таки возникнуть буржуазное хозяйство, которое бы могло только исключить феодальные элементы и остатки династического правления. Значит, ради этого скромного результата: "Еще несколько лет войны"! Пожалуй, позволительно будет сказать, что здесь даже при весьма прочных социалистических убеждениях можно отказаться от цели, которая требует такого рода средств. Но в случае с большевизмом и спартакизмом, вообще революционным социализмом любого рода дела обстоят именно так, и, конечно, в высшей степени забавным кажется, что эта сторона нравственно отвергает "деспотических политиков" старого режима из-за использования ими тех же самых средств, как бы ни был оправдан отказ от их целей.

Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность отвергать всякое поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилиастического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент "любовь против насилия", в следующее мгновение призывают к насилию - к последнему насилию, которое привело бы к уничтожению всякого насилия, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление -- последнее, оно приведет к победе, и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира. Он является космо-этически-этическим "рационалистом". Конечно, каждый из

[698]

вас, кто знает Достоевского, помнит сцену с Великим инквизитором, где эта проблема изложена верно. Невозможно натянуть один колпак на этику убеждения и этику ответственности или этически декретировать, какая цель должна освящать какое средство, если этому принципу вообще делаются какие-то уступки.

Коллега Ф. В. Фёрстер, которого лично я высоко ценю за несомненную чистоту его убеждений, но как политика, конечно, безусловно отвергаю, думает, что в своей книге он обошел эту трудность благодаря простому тезису: из добра может следовать только добро, из зла - лишь зло. В таком случае вся эта проблематика просто не существовала бы. Но все-таки удивительно, что через 2500 лет после "Упанишад" такой тезис все еще смог появиться на свет. Не только весь ход мировой истории, но и любое откровенное исследование обыденного опыта говорит о прямо противоположном. Древней проблемой теодицеи как раз и является вопрос: почему же это сила, изображаемая одновременно как всемогущая и благая, смогла создать такой иррациональный мир незаслуженного страдания, безнаказанной несправедливости и неисправимой глупости? Либо она не есть одно, либо же она не есть другое; или жизнью правят совершенно иные принципы возмещения и воздаяния, такие, которые можем толковать метафизически, или же такие, которые навсегда будут недоступны нашему толкованию. Проблема опыта иррациональности мира и была движущей силой всякого религиозного развития. Индийское учение о карме и персидский дуализм, первородный грех, предопределение и Deus absconditus* - все они выросли из этого опыта. И первые христиане весьма точно знали, что миром управляют демоны и что тот, кто связывается с политикой, то есть с властью и насилием как средствами, заключает пакт с дьявольскими силами, и что по отношению к его действованию не то истинно, что из доброго может следовать только доброе, а из злого лишь злое, но зачастую наоборот. Кто не видит этого, тот в политическом отношении действительно ребенок.

Религиозная этика по-разному примирялась с тем фактом, что мы вписаны в различные, подлежащие различным между собой законам жизненные структуры (Lebensordnungen). Эллинский политеизм приносил

[699]

жертвы Афродите и Гере, Дионису и Аполлону, но знал при этом, что нередко боги были в споре между собой. Индуистская жизненная структура каждую из профессий делала предметом особого этического закона, дхармы, и навсегда разделяла их друг от друга по кастам, устанавливая их жесткую иерархию, вырваться из которой человек не мог с момента своего рождения, разве что возрождаясь в следующей жизни, а тем самым устанавливала для них разную дистанцию по отношению к высшим благам религиозного спасения. Таким образом ей удалось выстроить дхарму каждой касты, от аскетов и брахманов до мошенников и девок в соответствии с имманентными закономерностями профессии. Сюда подпадают также война и политика. В "Бхагаватгите", в беседе Кришны и Арджуны, вы обнаружите включение войны в совокупность жизненных структур. "Делай необходимое" - вот, согласно дхарме касты воинов и ее правилам, должный, существенно необходимый в соответствии с целью войны "труд": согласно этой вере, он не наносит ущерба религиозному спасению, но служит ему. Индийскому воину, погибающему героической смертью, небеса Индры представлялись с давних пор столь же гарантированными, как и Валгалла германцу. Но нирвану он презирал бы так же, как презирал бы германец христианский рай с его ангельскими хорами. Такая специализация этики сделала возможным для индийской этики ничем не нарушаемое, следующее лишь собственным законам политики и даже усиливающее их обращение с этим царским искусством. Действительно радикальный "макиавеллизм" в популярном смысле этого слова классически представлен в индийской литературе "Артхашастрой" Каутальч (задолго до Рождества Христова, будто бы из эпохи Чандрагупты), по сравнению с ней "Principe" Макиавелли бесхитростен. В католической этике, которой обыкновенно следует профессор Фёрстер, "consilia evangelica"* , как известно, являются особой этикой для тех, кто наделен харизмой святой жизни. В ней рядоположены монах, не имеющий дозволения проливать кровь и искать выгоды, и благочестивый рыцарь и бюргер, которым дозволено - одному то, другому это. Градация католической этики и ее включение в структуру учения о спасении менее по-

[700]

следовательны, чем в Индии, хотя и тут они должны были и имели право соответствовать христианским предпосылкам веры. Первородная испорченность мира грехом позволяла относительно легко включить в этику насилие как средство

дисциплинирования против греха и угрожающих душам еретиков. Но ориентированные только на этику убеждения, акосмические требования Нагорной проповеди и покоящееся на этом религиозное естественное право как абсолютное требование сохраняли свою революционизирующую силу и почти во все эпохи социальных потрясений выходили со своей стихийной яростью на передний план. В частности, они вели к созданию радикально-пацифистских сект, одна из которых проделала в Пенсильвании эксперимент по образованию ненасильственного во внешних отношениях государственного устройства - эксперимент трагический, поскольку квакеры, когда разразилась война за независимость, не смогли выступить с оружием в руках за свои идеалы. Напротив, нормальный протестантизм абсолютно легитимировал государство, то есть средство насилия, как божественное учреждение, а в особенности - легитимное авторитарно-монархическое государство (Obrigkeitsstaat). Лютер освободил отдельного человека от этической ответственности за войну и переложил ее на авторитеты (Obrigkeit), повиновение которым, кроме как в делах веры, никогда не могло считаться грехом. Опять-таки кальвинизму в принципе было известно насилие как средство защиты веры, то есть война за веру, которая в исламе с самого начала являлась элементом жизни. Таким образом, проблему политической этики ставит отнюдь не современное, рожденное ренессансным культом героев неверие. Все религии бились над этой проблемой с самым различным успехом, и по тому, что было сказано, иначе и быть не могло. Именно специфическое средство легитимного насилия исключительно как таковое в руках человеческих союзов и обуславливает особенность всех этических проблем политики.

Кто бы, ради каких бы целей ни блокировался с указанным средством - а делает это каждый политик, - тот подвержен и его специфическим следствиям. В особенно сильной мере подвержен им борец за веру, как религиозный, так и революционный. Давайте непредвзято обратимся к примеру современности. Тот, кто хочет си-

[701]

лой установить на земле абсолютную справедливость, тому для этого нужна свита: человеческий "аппарат". Ему он должен обещать необходимое (внутреннее и внешнее) вознаграждение - мзду небесную или земную - иначе "аппарат" не работает. Итак, в условиях современной классовой борьбы внутренним вознаграждением является утоление ненависти и жажды мести, прежде всего: Ressentirnenfa и потребности в псевдоэтическом чувстве безусловной правоты, поношении и хуле противников. Внешнее вознаграждение - это авантюра, победа, добыча, власть и доходные места. Успех вождя полностью зависит от функционирования подвластного ему человеческого аппарата. Поэтому зависит он и от его - а не своих собственных - мотивов, то есть от того, чтобы свите: красной гвардии, провокаторам и шпионам, агитаторам, в которых он нуждается, эти вознаграждения доставлялись постоянно. То, чего он фактически достигает в таких условиях, находится поэтому вовсе не в его руках, но предначертано ему теми преимущественно низкими мотивами действия его свиты, которые можно удерживать в узде лишь до тех пор, пока честная вера в его личность и его дело воодушевляет по меньшей мере часть товарищества (так, чтобы воодушевлялось хотя бы большинство, не бывает, видимо, никогда). Но не только эта вера, даже там, где она субъективно честна, в весьма значительной части случаев является по существу этической "легитимацией" жажды мести, власти, добычи и выгодных мест - пусть нам тут ничего не наговаривают, ибо ведь и материалистическое истолкование истории - не фиакр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции оно не останавливается! - но прежде всего: традиционалистская повседневность наступает после эмоциональной революции, герой веры и прежде всего сама вера исчезают или становятся - что еще эффективнее - составной частью конвенциональной фразы политических обывателей и технических исполнителей. Именно в ситуации борьбы за веру это развитие происходит особенно быстро, ибо им, как правило, руководят или вдохновляют его подлинные вожди - пророки революции. Потому что и здесь, как и во всяком аппарате вождя, одним из условий успеха является опустошение и опредмечивание, духовная пролетаризация в интересах "дисциплины". Поэтому достигшая господства свита борца за веру особенно легко вырождается

[702]

обычно в совершенно заурядный слой обладателей теплых мест.

Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность

за то что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не "работали" с политическим средством-насилием; их царство было "не от мира сего", и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи - такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, - напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Люди знали это уже во времена господства церкви. Вновь и вновь налагался на Флоренцию интердикт - а тогда для людей и спасения их душ это было властью куда более грубой, чем (говоря словами Фихте) "холодное одобрение" кантского этического суждения, - но граждане сражались против государства церкви. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, "Истории Флоренции", заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души.

Если вы вместо отчего города или "отчего края" (Vaterland), что как раз сейчас не для каждого может быть однозначной ценностью, станете говорить о "будущем социализма" или даже "международном умиротворении", то вы подошли к проблеме в ее нынешнем состоянии. Ибо все это, достигнутое политическим действием, которое использует насильственные средства и работает в русле этики ответственности, угрожает "спасению души". Но если в борьбе за веру к политическому действию будут стремиться при по-

[703]

мощи чистой этики убеждения, тогда ему может быть нанесен ущерб и оно окажется дискредитированным на много поколений вперед, так как здесь нет ответственности за последствия. Ибо тогда действующий не осознает тех дьявольских сил, которые вступили в игру. Они неумолимы и создают для его действия, а также для его собственной внутренней жизни такие следствия, перед которыми он оказывается совершенно беспомощным, если он их не видит. "Ведь черт-то стар", И не годы, не возраст имеются тут в виду: "так станьте стары, чтоб его понять". Никогда и я не смирялся с тем, чтобы в дискуссии меня побеждали датой в свидетельстве о рождении; но тот простой факт, что кому-то 20 лет, а мне за 50, в конечном счете не может побудить меня и это считать достижением, перед которым я в почтении онемею. Дело не в возрасте, но, конечно, в вышколенной решительности взгляда на реальности жизни и в способности вынести их и внутренне оставаться на должной высоте.

В самом деле: политика делается, правда, головой, но, само собой разумеется, не только головой. Тут совершенно правы исповедующие этику убеждения. Но должно ли действовать как исповедующий этику убеждения или как исповедующий этику ответственности, и когда так, а когда по-другому, - этого никому нельзя предписать. Можно сказать лишь одно: если ныне, в эпоху некоей, как вы думаете, не "стерильной" возбужденности - но возбужденность-то все-таки чувство вообще не всегда подлинное, - внезапно наблюдается массовый рост политиков убеждения с лозунгом: "Мир глуп и подл, но не я; ответственность за последствия касается не меня, но других, которым я служу и чью глупость или подлость я выкорчужу", то скажу открыто, что я сначала спрошу о мере внутренней полновесности, стоящей за данной этикой убеждения; у меня создалось впечатление, что в девяти случаях из десяти я имею дело с вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями. В человеческом смысле меня это не очень интересует и не вызывает никакого потрясения. В то время как безмерным потрясением является, когда зрелый человек - все равно, стар он или юн годами, -- который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует согласно этике ответствен-

[704]

ности, в какой-то момент говорит: "Я не могу иначе, на том стою". Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние, для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда-то иметь возможность наступить. И постольку этика убеждения и этика ответственности не суть

абсолютные противоположности, но взаимодополнения, которые лишь совместно составляют подлинного человека, того, кто может иметь "призвание к политике".

А теперь, уважаемые слушатели, давайте поговорим об этом моменте еще раз через десять лет. Если тогда, как мне по целому ряду причин приходится опасаться, уже немало лет будет господствовать эпоха наступившей реакции, и из того, чего желают и на что надеются, конечно, многие из вас и, должен откровенно признаться, я тоже, сбудется немногое (может быть, и не совсем уж ничто не сбудется, но как минимум, по видимости, немногое - что весьма вероятно; меня это не сломит, но, конечно, знать об этом.-душевное бремя),-вот тогда я бы посмотрел, что в глубинном смысле слова "стало" из тех вас, кто чувствует себя теперь подлинным "политиком убеждения" и охвачен тем угаром, который символизирует эта революция. Было бы прекрасно, если бы дела обстояли так, чтобы к ним подходили слова 102-го сонета Шекспира:

Тебя встречал я песней, как приветом,
Когда любовь нова была для нас.

Так соловей гремит в полночный час
Весной, но флейту забывает летом.

(Перевод С. Я. Маршака)

Но дело обстоит не так. Не цветение лета предстоит нам, но сначала полярная ночь ледяной мглы и суровости, какая бы по внешней видимости группа ни победила. Ибо там, где ничего нет, там право свое утерять не только кайзер, но и пролетарий. Когда понемногу начнет отступать эта ночь, кто еще будет жив тогда из тех, чья весна, по видимости, расцвела сейчас так пышно? И что тогда внутренне "станет" изо всех вас? Озлобление или обывательщина, просто тупое смирение с миром и профессией, или третий, и не самый редкий вариант: мистическое бегство от мира у тех, кто имеет для этого дар, или - часто и скверно - вымучивает из

[705]

себя мистицизм как моду? В любом из этих случаев я сделаю вывод: они не поднялись до уровня своих собственных поступков, не поднялись и до уровня мира, каким он в действительности есть, и его повседневности; призвания к профессии "политика", которое, как они думали, они в себе имеют, объективно и фактически в глубиннейшем смысле у них не было. Лучше бы они просто практиковали братство в межчеловеческом общении, а в остальном сугубо по-деловому обратились бы к своему повседневному труду.

Политика есть мощное медленное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Мысль, в общем-то, правильная, и весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Но тот, кто на это способен, должен быть вождем, мало того, он еще должен быть - в самом простом смысле слова - героем. И даже те, кто не суть ни то, ни другое, должны вооружиться той твердостью духа, которую не сломит и крушение всех надежд; уже теперь они должны вооружиться ею, ибо иначе они не сумеют осуществить даже то, что возможно ныне. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать "и все-таки!", - лишь тот имеет "профессиональное призвание" к политике.

* Подробнее о понятии "Beruf" см. примечание на с. 715 н.чст. изд. - Прим. ред.

* Распределение государственных должностей среди сторонников победившей партии (англ.) - Прим. перед.

* Самоуправления (англ.) - Прим. перев.

* Современное применение (лат.) - Прим. перев.

* Дворянство мантии (франц.) - Прим. перев.

* Устав гвельфской партии (итал.) - Прим. перев.

* Агент по выборам (англ.) - Прим. перев.

* Новому человеку, выскочке (лаг.) - Прим. перев.

* Парламентский организатор партии (англ.) - Прим. перев.

* Закрытого совещания (англ.) - Прим. перев.

* Мировой судья (Justice of Peace) (англ.) - Прим. перев.

** Член парламента (Member of Parliament) (англ.) - Прим. перев.

* Национальных съездах (англ.) - Прим. перев.

* Назначении кандидатов (англ.) - Прим. перев.

- * Реформа государственной гражданской службы (англ.) .-Прим. перев.
- * Искренностью (лат.) .-Прим. перев.
- * Сокрытый Бог (лат.) .-Прим. перев.
- * Евангельские советы (лат.) .-Прим. перев.